

Санкт-Петербургский государственный университет

АНГЛИСТИКА XXI века

**Материалы VI Всероссийской научной
конференции**

24-26 января 2012

**Санкт-Петербург
2012**

Список редакционной коллегии:

А.В.Зеленщиков
Е.Г.Хомякова
И.В.Толочин
В.Г.Тимофеев
Н.О.Магнес
Е.В.Троценкова
И.В.Евстрахина
Н.В.Аксенова

Аннотация

В сборник вошли материалы VI Всероссийской научной конференции "Англистика XXI века", состоявшейся 24-26 января 2012 года. В материалах, представленных участниками, освещается широкий спектр вопросов из таких областей как теоретическая грамматика, лексикология и лексикография, лингвокультурология, риторика и дискурсология, лингвистика текста, проблемы переводоведения, социолингвистика и языковая вариативность, фонетика, преподавание университетских дисциплин английского цикла, а также результаты исследований англоязычной литературы. Сборник рассчитан на специалистов-филологов, преподавателей и всех интересующихся проблемами английского языка.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Масленникова А.А.

ВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА КАК ИСТОЧНИК ИМПЛИЦИТНЫХ СМЫСЛОВ

Цель настоящего доклада состоит в том, чтобы показать, что временные формы глагола способны под влиянием функциональных возможностей языка и интенции говорящего порождать дополнительные смыслы самого различного характера. Исследование таких случаев представляет интерес с точки зрения взаимодействия грамматики и прагматики, а также выяснения тех пределов, в которых контекстуальные условия способны изменять функциональное предназначение временной формы. Основное предположение/положение данного исследования сводится к тому, что субъектно-реляционное понимание времени позволяет выявить во временных формах скрытые дополнительные смыслы, создаваемые говорящим с целью передать иное содержание, накладывающееся на грамматическое значение временной формы и действующее одновременно с ним. Сама временная форма оказывается в соответствующих контекстуальных условиях носителем дополнительного смысла, в некоторых случаях более существенного для говорящего, чем собственно временное значение.

С философской точки зрения, вслед за В.Б.Касевичем можно утверждать, что «временной отрезок есть прежде то, что значит для индивидуума (или коллектива, сообщества) занимающее этот отрезок событие... Человек воспринимает события, ситуации, их изменения с соответствующими результатами как таковые, абстрагирование же времени как особого вектора ситуации сопряжено со значительными трудностями. Время, таким образом, трактуется точно так же как и пространство; реляционно, но не объективно, а субъективно-реляционно» (Касевич 2004: 143). Дополнительными временными значениями, накладывающимися на собственно временное значение глагола, могут быть такие значения, как фазовость, узуальность, фреквентативность, итеративность. Все эти значения так или иначе характеризуют способ протекания действия (Касевич 1988: 199). Вместе с тем, как будет показано далее, способность временных форм обрести дополнительные смыслы выходит далеко за пределы перечисленных значений.

Наиболее изученным случаем употребления одной временной формы вместо другой является настоящее историческое или *praesens historicum*, которое в словарях определяется как «переносное употребление настоящего времени, когда формы настоящего времени повествуют о событиях, имевших место в прошлом, но

изображаемых как современных настоящему моменту. Например: *Петр Первый умирает в 1725 году*; ср. англ. William the Conqueror invades Britain in 1066.

В семантической структуре приведенных выше высказываний действуют скрытые модальные операторы, обеспечивающие высокую степень достоверности описываемого события в данном месте и/или данное время. Использование настоящего времени вместо прошедшего способствует возникновению эффекта наплыва, нередко используемого в визуальных формах искусства, фотографии и живописи. Эффект наплыва особенно характерен для русской иконописи, основанной на принципе обратной перспективы, позволяющей иконописцу увеличивать размеры фигур и объектов в зависимости от их важности для изображаемого события.

В исторических текстах введение в высказывание модальных слов *вероятно*, *возможно* лишает высказывание той достоверности, которая мыслится говорящим, и усиливается использованием точных дат. Ср. ?Петр Первый умирает, *вероятно*, в 1725 году. ?Probably, William the Conqueror invades Britain in 1066.

Тот же эффект наплыва можно наблюдать и при использовании форм настоящего времени для выражения будущих действий. Анализ языкового материала показывает, что сама возможность использования форм настоящего времени для описания будущего обеспечивается взаимодействием трех категориальных признаков: модальности, интенциональности и событийности.

О субъективной реляционности времени говорил еще А.М. Пешковский в своей книге «Русский синтаксис в научном освещении». Так, во фразе «Завтра я уезжаю» он прослеживает противоречие между значением формы и реальными условиями речи. Это противоречие позволяет, по мысли автора, категории настоящего времени «выступить в своем основном значении о с о б е н н о я р к о, а яркость эта создается как раз противоречием между ней и реальными условиями речи, подобно тому, как смех на похоронах или плач на балу всегда будут восприняты резче, чем при других обстоятельствах». А.М. Пешковский утверждает, что в таких примерах «экспериментирует сам язык» (Пешковский 1957: 208).

Анализируя примеры А.М.Пешковского, мы видим, что он фактически подходит к понятию грамматической метафоры, говоря о случаях типа *Я уезжаю* в одном ряду с метафорическим и метонимическим употреблением существительных (Ср. также Масленникова 2006: 21-45). Не менее интересен и тот факт, что употребление настоящего времени вместо будущего входит в функциональную типологию употребления времен. Оно характерно для многих европейских языков, в частности, английского, французского, немецкого. Кроме того, при использовании настоящего времени вместо будущего

появляются дополнительные смыслы, среди которых А.М.Пешковский выделяет смыслы «доподлинности, несомненности, осязаемости», т.е. уверенности говорящего в том, что некоторое событие будет иметь место, а «обстановка гарантирует, что слушающий представит себе будущий акт» (Пешковский 1956). Для английского языка возникает возможность передать разную степень убежденности: I leave tomorrow / I am leaving tomorrow. Р.Кверк указывает на то, что формы Present Progressive указывают на будущее событие, которое ожидается в настоящем. Основное значение при таком употреблении – это заранее достигнутая договоренность, план или подготовленная программа. Например: The president is coming to the UN this week (Quirk et al. 1971: 88).

Если попробовать развить мысль А.М.Пешковского о смыслах «доподлинности, несомненности, осязаемости», возникающих при использовании настоящего времени вместо будущего, то можно предположить, что форма настоящего времени оказывается связанной с эпистемической модальностью высказывания, о чем свидетельствует странность/необычность примеров с наречиями *обязательно, непременно, наверняка, вряд ли* в сочетании с формой настоящего времени.

1. а) ?Завтра я <i>обязательно</i> делаю доклад	а') Завтра я обязательно сделаю доклад
2. а) ? Завтра я <i>вряд ли</i> еду в Москву	а') Завтра я вряд ли поеду в Москву

Некая неуместность модальных операторов в приведенных высказываниях свидетельствует о том, что эпистемическая составляющая служит интенсификатором, препятствующим свободному включению модальных слов типа *обязательно, непременно, наверняка, вряд ли*. Здесь речи нет ни о плеоназме, ни о семантическом согласовании, скорее о невозможности интенсифицировать или ослабить подмеченный А.М.Пешковским дополнительный модальный смысл.

Вторым категориальным признаком высказываний о будущем с использованием форм настоящего времени является событийность. Причем событие, описываемое в высказывании должно отражать ситуацию, отклоняющуюся от рутинных, повторяющихся действий субъекта

1. а)? Завтра я завтракаю, обедаю, ужинаю	а') Завтра я обедаю с другом в ресторане
2. а)? Завтра я иду по нашей улице	а') Завтра я иду по нашей улице с духовым оркестром

Ср. англ.: The store was crowded. Shoppers spilled out, their carts piled high. A bag boy stood at the door. "We are only still open on account of the weather," he warned as she entered. "We are closing in half an hour" (Kim Edwards "The Memory Keeper's Daughter", 2007).

Третьим признаком выступает признак интенциональности, который логически вытекает из моделирования субъектом некоторой ситуации в будущем. Каким бы коротким

ни было само высказывание, например, I am coming in a minute, оно несет в себе смыслы намеренности действия и, соответственно, направление усилий субъекта на его осуществление. Произнося I am sleeping all day tomorrow, субъект сообщает адресату о своем намерении и желании достигнуть некоторого состояния, отклоняющегося от нормального положения вещей, что отличает такие высказывания от высказываний, описывающих рутинное положение дел Tomorrow night, I am sleeping или русского *Завтра ночью я сплю*.

Литература

1. Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988.
2. Касевич В.Б. Буддизм. Картина мира. Язык. СПб., 2004.
3. Масленникова А.А. Особенности грамматической метафоры. В метафоры языка и метафоры в языке //отв. А.В. Зеленщиков, ред. А.А. Масленникова. СПб., 2006.
4. Масленникова А.А. Лингвистическая интерпретация скрытых смыслов. СПб., 1999.
5. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1957.
6. Quirk R., Greenbaum., Leech G., and Svartvik J. A Grammar of Contemporary English. London, 1972.

Тимофеев В.Г.

«ТОЧКА ЗРЕНИЯ» НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ТРАДИЦИЙ И ШКОЛ

Представляется очевидным, что история «точки зрения» как повествовательного инструмента уходит в самую глубокую древность. И первые её применения совпали, по всей видимости, с первыми же попытками наших предков настоять на своей правоте. Обращение к истории категории как инструмента понадобилось нам для того, чтобы исправить одну из самых распространенных ошибок в исторических очерках по нарратологии. Казалось бы, абсолютно очевидно, что история инструмента (или история его применения) много продолжительнее истории изучения этого инструмента. Обращаемся к историческим очеркам, выполненным в англо-американской традиции, и видим, что это далеко не очевидно даже для таких, казалось бы, авторитетных и заслуженно авторитетных изданий как Cambridge Companion to Narrative. Здесь нам предлагают поверить в то, что осознанию многообразия субъективного видения мы обязаны брату Генри Джеймса, Уильяму, убедительно показавшему, что, если отправить шесть джентльменов в путешествие, то привезенные ими впечатления будут настолько различны, что мы не сразу поймем, что они были в одной и той же стране. Художественной литературе подобного пода представления известны давно.

Вклад Г.Джеймса и его «сподвижников» и последователей, Конрада и Форда Мадокса Форда в историю осмысления категории велик, но неоднозначен.

С одной стороны, эти авторы немало способствовали развитию техники Флобера и Толстого, которых они полагали пионерами движения. Главным образом, именно тем, что описали ее и тем самым привлекли к этой категории внимание критиков и читателей. С другой, именно Генри Джеймс, а впоследствии и Форд Мадокс Форд способствовали тому, чтобы категория «точка зрения» сводилась в первую очередь к технике визуализации, «процессу видения» (activity of seeing). Оба автора искренне полагали, что идеологический компонент «точки зрения» должен быть по возможности минимизирован, а прямые оценки и комментарии нарраторов (как те, что позволял себе Теккереи) недопустимы.

Следует признать, что подчеркнутая визуальность «точки зрения» как на практике, так и в теории Джеймса и Форда позволила впоследствии выделить два типа наррации: Showing и Telling [Tate, Allen...]. Эта дихотомия изначально использовалась для различения романов, в которых читатель сам делал этические выводы, от тех, в которых автор диктовал читателю его ощущения. При этом первый тип романов считался более реалистичным, так как подобен «жизни, которая не повествует, а снабжает наш мозг впечатлениями», как это сформулировал Форд М. Фокс. Перси Лаббок, в свою очередь, сосредотачивает свое внимание на развитии элемента Showing, включив в него, как это ни парадоксально, компонент Telling. Результатом такого развития оказывается превращение «картинки» в «драму», где авторский голос, тот, что раньше был компонентом Telling и никого не устраивал, включается в картинку на правах одного из драматических персонажей с правами наблюдателя.

Нельзя не отметить, что в начале XX века филологическая сила сконцентрировалась в России в каких-то абсолютно удивительных размерах. Прямое воздействие русской формальной школы, М.М.Бахтина, его учеников на формирование западной филологической мысли второй половины XX века огромно. Но есть еще «условно опосредованное» влияние через пражский лингвистический кружок, Р.Якобсона, Хрущевского, Тель-авивскую школу поэтики, журнал Poetics Today. Мике Бал подвергла серьезной критике теорию фокализации Ж. Женетта, ввела категорию фокализатор (focalizer), позволившую локализовывать точку зрения не только во времени или пространстве, но, и главное, в сознании, тем самым открывая дорогу новых подходов к изучению категории. Введение этой категории в значительной степени уменьшило путаницу, которая возникла после предложенного Женеттом различия Voice и Mood,

как «Кто говорит?» и «Кто видит?». Как отвечать на заданные вопросы, если нет субъекта (фокализатора), а есть только процесс – фокализация.

Шломит Ринан-Кенан продолжила полемику с Ж. Женеттом и ввела в полемику категории, вытекающие как развитие теории Бориса Успенского. В свое время Б.Успенский предложил 4 плана/уровня описания «точки зрения»: идеологический, фразеологический, пространственно-временной и психологический. При этом Борис Андреевич оговорился, что планов может быть больше, например, перцептивный. Именно его (perceptual facet) Шломит Ринан-Кенан и предложила рассматривать отдельно, выделив в нем два подуровня: психологический и идеологический.

Выделение перцептивного уровня как самостоятельного плана, предложенное Б.Успенским и осуществленное Ринан-Кенан, было принято многими с восторгом, так как позволило открыть новую дорогу для собственного вклада в изучение категории. Особенно интересной представляется позиция, приоткрытая Борисом Андреевичем Успенским: план перцепции.

Первое. Под перцептивным планом я предлагаю понимать не восприятие мира, как это широко трактует Шломит Ринан-Кенан, а восприятие художественного мира. Тем более, что именно позиция читателя и зрителя были первыми аспектами, к которым Б.Успенский обратился в вводной части своей работы «Поэтика композиции».

Второе. Предложение рассматривать читателя (для литературы), зрителя (для театра и изобразительных искусств) как фокализаторов позволяет снять напряжение описанных выше дихотомий «Кто видит – Кто говорит?» и «Кто показывает?» и «Кто утверждает?» (show – tell). В случае читателя как фокализатора мы вместо двух дихотомичных пар получаем одну и довольно простую конструкцию «Кому показывают?». Ответ прост – читателю. Далее идет серия других вопросов, связанных с различными аспектами техники. А вопрос «Кто показывает?» далеко не всегда релевантен. Технически обоснованно он встает лишь в случае недостоверного нарратора. При этом, обычно «недостоверный нарратор» весьма четко маркирован.

Навык отличать достоверную «картинку» от «субъективной» читатель, как правило, приобретает еще в детстве. Причем это правило работает как общекультурном смысле, так и индивидуально. Под общекультурным я понимаю навык, приобретенный нашей цивилизацией в своем детстве, когда читались (а чаще слушались) главные книги нашей цивилизации: Пятикнижие, Библия и Коран. Индивидуально: наши первые книжки голосами родителей.

Рецептивный план фокализации в самом хрестоматийном примере: Каренин встречается Анну на вокзале после ее первого, казалось бы, ничего не обещающего контакта с Вронским.

«...В Петербурге, только что остановился поезд и она вышла, первое лицо, обратившее ее внимание, было лицо мужа. «Ах, боже мой! отчего у него стали такие уши?» – подумала она, глядя на его холодную и представительную фигуру и особенно на поразившие ее теперь хрящи ушей, подпиравшие поля круглой шляпы...». [Л.Толстой Анна Каренина]

Процесс фокализации включает в себя помимо визуального плана психологический. Читатель должен восстановить, не без помощи интроспекции, эмоциональное состояние Анны (отчуждение, граничащее с безразличием), для того чтобы понять и оценить изменения, которые начинают происходить в душе героини. При этом очевидно, что внимательный читатель опережает Анну, которая еще не скоро поймет, что с ней происходит.

Следующий пример.

...She opened and began to read. 'Lady Kitty turned on the lights and walked in. A cry of horror broke from her lips, a sudden faintness almost overcame her. In the middle of the room lay the body of a man in faultless evening dress. The face was almost unrecognizably mangled; there was a red gash in the white shirt front. The rich Turkey carpet was darkly soaked with blood...' [Huxley, Point Counter Point]

Этот пример позволяет нам выявить принципиально иной механизм рецептивной фокализации. В этом эпизоде весьма недалекая Мисс Фьюкс углубилась в чтение произведения, чьи художественные достоинства, точнее их отсутствие, очевидны, при этом она действительно увлечена, и только звук гонга заставил ее оторваться от книги.

Перед автором тайны «Кестльмских изумрудов», а именно так называется шедевр, который увлек Мисс Фьюкс, не стояло задачи раскрыть внутренний мир героини, иначе он не стал бы заставлять даму благородного происхождения и не бедную, если исходить из звания Леди, обращать внимание на безупречность наряда покойника или на дороговизну испорченного ковра. Подобные детали были рассчитаны на отклик в читателе (в нашем случае читательнице): и ковер дорогой турецкий испортили, и мужчине добротный костюм испачкали, да и самого убили, жалко же – мужчина. А у Мисс Фьюкс ничего этого нет, а может быть и не будет.

Приведенный пример рецепции массовой литературы позволяет наблюдать некоторые закономерности феномена популярности, а главное показать, как рецепция может обходиться без эмпатии.

Следующий пример позаимствован мною у коллеги, Н.А.Штейнберг (Штейнберг С.92).

«It has rained so hard and rained so long, down in Lincolnshire, that Mrs. Rouncewell, the old housekeeper at Chesney Wold, has several times taken off her spectacles and cleaned them, to make certain that the drops were not upon the glasses... She is a fine old lady, handsome, stately, wonderfully neat and has such a back and such a back and such a stomacher, that if her stays should turn out when she dies to have been a broad old-fashioned family fire-grate, nobody who knows her would have cause to be surprised. Weather affects Mrs. Rouncewell little. The house is there in all weathers and the house, as she expressed it, “is what she looks at”...

It is the next difficult thing to an impossibility to imagine Chesney Wold without Mrs. Rouncewell, but she has only been here fifty years... Mr. Rouncewell died some time before the decease of the pretty fashion of pig-tails, and modestly hid his own (if he took it with him) in a corner of the churchyard in the park, near the mouldy porch. He was born in the market town, and so was his young widow. Her progress began in the time of the last sir Leicester... » (Dickens, 1991, p.82-83)

Этот пример должен продемонстрировать, что рецептивная фокализация не обязательно представляет собой чистые читательские конструкты, а может иметь и текстуальные характеристики. Видо-временные формы, использованные в эпизоде, позволяют утверждать, что корректирующая временная точка «now», включающая Perfect, является точкой чтения, точкой, в которой пребывает читатель. Штейнберг, впрочем, утверждает, что в этой точке находится автор. Компромиссом может быть следующее: мы имеем дело с актом коммуникации, актуальность которого обеспечивается одновременностью / синхронностью: голос звучит, а мы его слышим.

Только мы, читатели или зрители, как люди, а не персонажи, сколь бы они ни были психологически достоверны, можем быть объектом изучения ментальных процессов. Именно это нам обещано на новой дороге от перекрестка, которая называется пост-классическая нарратология или когнитивный подход.

Литература

1. Успенский Б.А. Поэтика композиции. СПб.: Азбука, 2000. - 352 с.
2. Шмид В. Нарратология. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312с.
3. Штейнберг Н.А. Об одном способе манифестации авторского присутствия в нарративном тексте. Вестник СПбГУ Серия 9. Выпуск 3-4, 2004.- С. 92-98.

4. Bal, Mieke. *Narratology: introduction to the theory of narrative*. 2nd ed. Toronto: University of Toronto Press, 2002. – Pp. 254.
5. Genette Gérard. *Nouveau discours du récit*. Paris: Seuil, 1983.- Pp 123.
6. David Herman. *The Cambridge Companion to Narrative*. Cambridge University Press, 2007. Cambridge Collections Online. Cambridge University Press.
<http://cco.cambridge.org/uid=1697/extract?id=ccol0521856965_CCOL0521856965_root>
7. Lubbock Percy. *The craft of fiction*. Filiqarian Publishing, 2007 – Pp. 232.
8. Rimmon-Kennan, Slomith. *Narrative fiction. (New accents)*. London, New York: Routledge, 1999. – Pp.173 .
9. Toolan, Michael J. *Narrative: a critical linguistic introduction*. 2nd ed. London, New York: Routledge, 2006.- Pp.260 .

ИССЛЕДОВАНИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Алилова Д.Г.

ДВА ПОДСТУПА К ОССИАНОВСКОМУ КАНОНУ (ДЖ. МАКФЕРСОН И Т.ЧАТТЕРТОН)

В основе конструирования «Творений Оссиана», представленных в английском «переводе» (1760-1763, 1773) Джеймсом Макферсоном, и поэм Томаса Чаттертона, созданных «в духе» Оссиана, легендарного кельтского барда III в., находятся общие методы создания сочинений, отнесенных к жанру литературных мистификаций, в которых отношение между мифологическим и историческим соотносится с концепцией художественного канона А.Ф.Лосева: канон представляет собой одновременно и оригинал, и образец для возможных его воспроизведений и даже принцип их художественной оценки.

«Творения Оссиана», как и сочинения Чаттертона, причисленные исследователями (Р. Тейлор) к «оссиановским» - «Ителгар», «Кенрик» «Кердик», «Годред Крован», две версии «Хирласа», «Гордмунд» (1769-1770, опубл. 1803), в целом подчинены общему средневековому своду правил, представляя своего рода архетип средневековой поэзии с ее богатейшим арсеналом поэтических приемов и средств, наиболее характерных для поэтического искусства средних веков на Альбионе.

«Полемика о бристольской поэзии» (Чаттертон) и затянувшаяся на десятилетия «оссиановская полемика» - одно из свидетельств успешной архаизации текста на всех уровнях – синтаксическом, стилистическом, лексическом. Если в «Творениях Оссиана» обнаруживается сложное многоуровневое сопряжение мотивов, отсылающее в основном к далеким претекстам кельтской поэзии, то в сочинениях Чаттертона, представляющих собой, согласно авторской идентификации, переводы с саксонского и древнеанглийского, прослеживаются совершенно различные временные и пространственные характеристики, относящиеся к почти тысячелетней истории средневековья на Британских островах.

Бент М.М.

СИНЕСТЕТИЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ ДЕЙТЕЛЬНОСТИ В ПОЭЗИИ Т.С.ЭЛИОТА (НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ «РАПСОДИЯ ВЕТРЕННОЙ НОЧИ»)

Т.С.Элиот (1888-1965) является одной из центральных фигур европейской и американской поэзии XX века. В одной из своих «программных» статей «Поэты-метафизики» (1921) Элиот замечает: «Когда ум поэта полностью готов к работе, он

последовательно сплавляет несоизмеримые впечатления; опыт обычного человека хаотичен, нерегулярен, фрагментарен. Такой человек влюбляется или читает Спинозу, и эти два переживания не имеют ничего общего друг с другом, или со стрекотанием пишущей машинки, или с запахом стряпни; в сознании поэта эти впечатления уже образуют новые комплексы» (Цит. по: Теория метафоры 1990: 91; перевод А. Шмелева). Очевидно, что «стрекотание пишущей машинки» и «запах стряпни» здесь не случайны. Это аллюзии на романы «В поисках утраченного времени» М.Пруста и «Улисс» Дж.Джойса. Но не менее важным нам представляется синестетическое восприятие действительности: Элиот, при описании грязного города или неопрятных людей, обязательно добавляет сопутствующие «эффекты» – запахи, звуки, точное указание цвета, света и т.п.

Синестезия (от греч. *synáisthesis* – со-ощущение) – явление восприятия, когда при раздражении данного органа чувств наряду со специфическими для него ощущениями возникают и ощущения, соответствующие другому органу чувств (например, «цветной слух» – звуковые переживания при восприятии цвета и т.п.; СЭС 1989: 1223).

На ограниченном пространстве данной статьи мы не станем подробно рассматривать всевозможные теории синестезии (большинство из них попадают скорее в сферу психологии и нейрофизиологии, нежели в сферу литературоведения). Заметим лишь, что различают зрительную (т.н. фотизмы), слуховую (фонизмы), вкусовую, осязательную и т.п. синестезию. На примере четвертого стихотворения первого сборника – Элиота «Рапсодия ветреной ночи» (сборник «Пруфрок и другие наблюдения», 1917). рассмотрим описываемые и вызываемые реакции органов чувств.

В «Рапсодии ветреной ночи» сквозная ритмическая организация задается отрезками времени: двенадцать, полвторого, полтретьего, полчетвертого, четыре. В ночных видениях появляется «неразвернутый» романский сюжет как уличные сценки в свете фонаря и луны (пьяный возвращается домой через ночной город, женщина – предположительно проститутка – медлит подле освещенной двери и т.п.). Образ луны отсылает к имени Ж.Лафорга и его стихотворению «Жалоба прелестной луны»: ‘*La lune ne garde aucune rancune*’ («Луна не помнит зла»). Помимо Лафорга, в стихотворении слышны «отголоски» «Парижских картин» Ш.Бодлера («живая» игрушка с набережной), романов Ш.Л.Филиппа и «Баллады Редингской тюрьмы» О.Уайльда (нож убийцы в последней строке).

В первой строфе синестезия встречается в следующих отрывках:

*Held in a lunar synthesis, / Whispering lunar incantations / Dissolve the floors of
memory – «Захваченные лунным синтезом, / Шепча лунные заклинания, / Растворяются*

уровни памяти» (здесь и далее мы даем подстрочные переводы всех слов и выражений – М.Б.). В наличии два случая синестезии: «лунный синтез» – зрительные ощущения переходят в сферу осязательных ощущений (свет луны → осязаемое вещество) и «шепча лунные заклинания» – зрительные ощущения переходят в сферу слуховых ощущений.

Every street-lamp that I pass / Beats like a fatalistic drum – «И каждый уличный фонарь на моем пути / Стучит, как роковой барабан»: свет уличного фонаря превращается в бой барабана, зрительные ощущения переходят в сферу слуховых ощущений. Интересно, что похожий образ встречается во втором стихотворении сборника «Портрет дамы»: *Inside my brain a dull tom-tom begins / Absurdly hammering a prelude of its own* – «В моем мозгу звучит тупой **тамтам**, / Бессмысленно долбит прелюдию свою» (перевод Я.Пробштейна).

Midnight shakes the memory / As a madman shakes a dead geranium – «Полночь сотрясает память, / Словно сумасшедший трясет сухую [мертвую] герань: полночь как время суток сочетает в себе признаки, которые можно отнести к разным органам чувств, – темноту (зрительное ощущение) и тишину (слуховое ощущение). В данном отрывке зрительно-слуховое ощущение становится тактильно-осязательным: полночь «трясет» память [в своих «руках»], и эта память на ощупь похожа на сухой корявый ствол куста герани. Герань эта, в свою очередь, вызывает в нашем воображении зрительные ассоциации – сухой, коричнево-зеленый стебель, сухие бледные цветы и т.п.

Во второй строфе для нас значим следующий отрывок:

The street-lamp sputtered, / The street-lamp muttered, / The street-lamp said, "Regard that woman / Who hesitates toward you in the light of the door / Which opens on her like a grin." – «Уличный фонарь залопотал, / Уличный фонарь забормотал, / Уличный фонарь сказал: "Посмотри на эту женщину / Которая колеблется в твою сторону в свете двери / Которая открывается на нее как ухмылка"» (в переводе сохранена авторская пунктуация – М.Б.). В первых трех строках зрительное ощущение (свет фонаря) переходит в сферу звуковых ощущений («залопотал», «забормотал», «сказал»). В тексте стихотворения этот образ многократно повторится: *The street-lamp said* – «Уличный фонарь сказал»; *The lamp sputtered, / The lamp muttered in the dark. / The lamp hummed* – «Фонарь залопотал, / Фонарь забормотал в темноте. / Фонарь напевал»; *The lamp said* – «Фонарь сказал».

В последних двух строках свет раскрытой двери уподобляется разинутому в ухмылке рту, мы почти слышим издевательский смех, таким образом, зрительное ощущение становится еще и звуковым. Кстати, как это нередко у Элиота, видоизмененный образ повторяется в пятой части самой известной его поэмы «Бесплодная земля» – «Что сказал гром»: *Dead mountain mouth of carious teeth that cannot*

spit – «Мертвый горный рот гнилых зубов который не может плюнуть» (*пунктуация авторская – М.Б.*): тоже рот, но не разинутый в ухмылке, а «мертвая» пасть.

В предпоследней строфе стихотворения встречается словосочетание *old nocturnal smells* – «старые [застарелые] ночные запахи»: поэт вновь возвращается к образу ночи, и здесь к уже упомянутым зрительному и слуховому ощущению добавляет обонятельное – «ночные запахи». Словно лирический герой, спотыкаясь, бредет по улице и в темноте, нарушаемой лишь светом фонарей, принюхивается к запахам летней ночи – а косвенные указания на то, что ночь летняя, присутствуют в тексте: краб в луже [морской воды], длинные «космы» травы (вероятно, речь идет о конце лета) и др.

В настоящей статье мы не ставили перед собой задачу идентифицировать все проявления синестезии в произведениях Элиота, однако для нас важным является то, что этот прием типичен для поэзии Элиота, в особенности ранней, он создает дополнительную связность между произведениями и придает объемность и актуальность образам внутри них.

Литература

1. Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой. – М.: Прогресс, 1990. – 512 с.
2. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. – 4-е изд. – М.: «Советская энциклопедия», 1989. – 1632 с.

Климовская А.Я.

ПУТЕШЕСТВИЕ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ РАСКРЫТИЯ ХАРАКТЕРА ПЕРСОНАЖЕЙ В РОМАНЕ Б.ПИМ «НЕПОДХОДЯЩАЯ ПРИВЯЗАННОСТЬ»

Очерки путешественника – не тот жанр, к которому часто обращалась британская писательница Б.Пим (1913–1980). Да и саму ее трудно назвать заядлой путешественницей. Вместе с главной героиней романа «Неподходящая привязанность» (опубликованного в 1982 г.), Иэнф Брум, писательница сетует на то, что, несмотря на технологический прогресс, «в прошлом люди проводили гораздо больше времени за границей». (Рум В. р.32) На протяжении своей жизни Б.Пим несколько раз посетила Германию (с 1934 по 1937гг.), с 1943 по 1945гг. находилась в составе женской вспомогательной службы ВМС в Неаполе, а в апреле 1961г. вернулась в Рим в командировку. Полученные в Италии впечатления, переживания, черты местного колорита нашли непосредственное отражение в романах «Превосходные женщины» (1952), «Сосуд, полный благословений» (1961), однако само путешествие оказывается за рамками этих произведений.

В произведениях Б.Пим, в которых мастерски передается национальная специфика английского образа жизни, главные персонажи редко выезжают за пределы Великобритании. Даже поездка в другой, менее фешенебельный, район представляет собой для некоторых элегантных героинь (Вилмет («Сосуд»), Иэнф, Леоноры («Голубка умерла», 1978г.) рискованное путешествие, полное открытий.

Единственный роман Б.Пим, в котором действительно описывается заграничное путешествие, – это роман «Неподходящая привязанность», стоящий несколько особняком в творчестве писательницы. Инициатором поездки выступает Марк Эйндер, священник небогатого прихода на севере Лондона, который имеет сходство с моряками и путешественниками своими голубыми глазами и «отсутствующим взглядом» (Рум В. р.7). Будучи слишком интеллектуальным для большинства прихожан, викарий церкви св. Василия перемежал свои «довольно сухие поучительные проповеди захватывающим вступлением», начинающимся словами: «Представьте себя стоящими перед собором св.Петра в Риме». (Рум В. р.119) Поскольку его слушатели не в состоянии этого сделать, Марк организует поездку в Рим в апреле после Пасхи. В группу входят сам викарий с женой Софией, ее молодая сестра Пенелопа, Иэнф, хирург-ветеринар Эдвин с сестрой Дейзи, а также пенсионерка мисс Дью, одна из немногих прихожанок, воспользовавшихся предоставленной возможностью.

Еще перед поездкой София, мечтая об Италии, вспоминает «свежую рыбу, толстых цыплят, мандарины с листьями». По ходу жизни, – размышляет она, – «приходилось брать то, что попадалось под руку. Если рыба была свежей, то потому, что ее заморозили спустя несколько минут после улова» (Рум В. р.114). Она противопоставляет образы первозданной красоты не только синтетическим английским продуктам, но и «замороженным» чувствам англичан.

Описанию путешествия в Рим отводятся четыре центральных главы; еще одна посвящена поездке Иэнф и Софии на юг Италии к тетушке последней. Во время посадки в самолет каждый персонаж ждет чего-то своего от встречи с древним городом.

Программа осмотра достопримечательностей включает в себя обязательный для посещения собор св. Петра. Софию он не впечатляет, Марк, как всегда, испытывает благоговейный трепет и пытается отыскать для него англиканский эквивалент в Кентерберийском соборе, Эдвин потрясен размером и обилием позолоты и мрамора, мисс Дью размышляет о том, как прихожанкам удастся содержать мрамор в такой чистоте, а у Пенелопы возникает «суеверное желание поцеловать подножие статуи Петра, как будто это могло принести ей удачу» в поисках мужа, однако она чувствует себя «поборником гигиены и протестантизма» (Рум В. р.188) и отказывается от этого

намерения. Таким образом, мы видим, что писательница прибегает к приему множественности точек зрения. С помощью соположения многочисленных субъективных впечатлений она изображает реальность во всем многообразии. В этом романе диалог, на котором строится поэтика прозы Б.Пим, уступает место потоку сознания персонажей.

Обращает на себя внимание тот факт, что в отличие от классической литературной традиции Б.Пим не описывает нравы и обычаи местного населения. Все внимание сосредоточено на англичанах, их разнообразных субъективных оценках увиденного.

Группа из пяти дам, возглавляемая викарием и врачом, в чужой стране держится особняком. Любопытно, что в ситуации, в которой паства больше всего нуждается в поводе, в его заботе и защите, она не получает ни того, ни другого. Особенно очевидным это становится в эпизоде, когда мисс Дью падает при осмотре Колизея и повреждает ногу. В этой ситуации Марк оказывается не в состоянии предоставить бедняжке моральную поддержку, а Эдвин не может оказать элементарной первой помощи. Тема, звучащая в других романах писательницы, об абстрагированности священников и ученых от реальной жизни, будучи перенесена на иностранную почву, в этом произведении заметно усиливается.

Наконец, Италия в прозе Б.Пим традиционно ассоциируется с сильными романтическими переживаниями. «Только в Италии думается о любви», – утверждает София (Рун В. р.233). А ее муж Марк считает, что в итальянском романтическом окружении его чувства по отношению к жене становятся сильнее. Именно в Италии, на языке которой написаны самые страстные любовные истории, главная героиня, уготовившая себе участь великолепной старой девы, опоры церкви, впервые осознает свою влюбленность в Джона, ее сотрудника, который младше ее и ниже по социальному статусу. «Неподходящая привязанность» – единственный роман Б.Пим, где в финале торжествует романтическая любовь. Писательница всегда испытывала сомнение в ее осуществимости, и поэтому осознание героиней своей влюбленности перенесено на чужую почву. Она «позволила любви охватить себя подобно болезни» (Рун В. р.174). Эта безупречная героиня пишет Джону открытку из Рима, и, посетив фонтан Треви, загадывает желание об их совместном возвращении сюда. Во время поездки на юг Иэнф знакомится с теткой Софии, которая счастлива в гражданском браке с «неподходящим», по мнению ее окружения, итальянцем сеньором Дотторе, и даже осмеливается поделиться своими чувствами с Софией.

Несмотря на то, что все против неподходящей привязанности Иэнф, она по возвращении все же решается на брак с Джоном. Символом подходящей привязанности, основанной на всплеске чувств, в романе служат завязи на лимонном дереве, до которых

можно добраться, оборвав один за другим пучок листьев. Поиск подобной привязанности тернист и превращает роман в «комедию ошибок», основанную на ложных впечатлениях других персонажей. По мнению Э.Цагарис, символический образ листьев, которые таят под собой сладкий плод, подразумевает также возможность полноценной жизни для Иэнф (Tsagaris E. p.121).

Подводя итог, отметим что эпизоды, посвященные описанию путешествия в романе Б.Пим «Неподходящая привязанность», способствуют развитию сюжета, приводя его к желаемой развязке, служат для характеристики персонажей, содержат в себе новые поэтологические приемы, развитые романисткой в более позднем творчестве.

Литература

1. Pym B. An unsuitable attachment. Bath, 1983. (перевод наш – А.К.)
2. Tsagaris E.M. The subversion of romance in the novels of Barbara Pym. – Bowling Green, 1998.

Богатикова Ю.А.

КОМПОЗИЦИОННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РОМАНОВ Л.ДАРРЕЛЛА «ЖЮСТИН» (1957) И «МСЬЕ, ИЛИ КНЯЗЬ ТЬМЫ» (1974)

Литературный дебют Л.Даррелла (1912—1990), старшего брата писателя-анималиста Дж.Даррелла, состоялся в 1931-35гг. Творчество писателя непрерывно развивается в последующие годы; он автор множества произведений, в том числе юмористических, посвященных дипломатической работе, культурным различиям разных стран, национальному характеру англичан. Его творчество мало известно отечественному читателю, и лишь часть его книг переведена на русский язык. В 1957-1961гг. он создает эпический цикл романов «Александрийский квартет». Первый роман этого цикла - «Жюстин»; роман «Месье, или Князь тьмы» начинает следующий цикл - «Авиньонский квинтет» (1974-1985гг.).

Оба романа можно отнести к типу «открытых произведений», рассчитанных на читателей различного уровня литературной подготовки. «Жюстин» композиционно представляет собой менее сложную иерархическую структуру, чем многоуровневый поздний роман. Это повествование от первого лица, осложненное внутренними вставными текстами: цитатами из произведений других писателей-персонажей, эпистолярными и дневниковыми фрагментами.

«Месье, или Князь тьмы» можно прочитать и как популярный детектив с элементами мистического триллера и любовной интриги, и как философское рассуждение о самоопределении человека, и как автореференциальный роман-метатекст о творческих исканиях пожилого писателя, служащий «классическим образцом» и учебником «литературы постмодернизма».

Следует особо отметить концовки данных произведений. Роман «Жюстин» содержит «Рабочие заметки» - фрагментированный текст, относящийся к различным частям основного текста и напоминающий черновик автора; однако именно в нем приводятся некоторые ключевые детали судьбы персонажей, а также два стихотворения Кавафиса, могущие служить иллюстрацией основного замысла романа.

Заключительная часть романа «Мсье, или князь тьмы» - «Envoi» (Посвящение) - занимает несколько строк и представляет собой пояснение автора об иерархической структуре персонажей романа и уровнях погружения в литературный вымысел.

В обоих романах автор использует прием иноязычных вкраплений: слова и выражения на иностранных языках, которые подразделяются на несколько смысловых групп: пространственные, временные/исторические, характеризующие, стилистические, эвфемистические, ритмические.

Таким образом, Л.Даррелл создает поликодовый текст, который должен быть неоднозначно интерпретирован на уровне композиционной организации. В обоих случаях используется принцип гипертекста: повторяющиеся лейтмотивом детали-маркеры помогают решить основную загадку сюжетного плана повествования, его «детективную» составляющую. В свою очередь иноязычные слова-маркеры отмечают сильные позиции собственно текста, подчеркивают богатство индивидуального стиля автора.

С точки зрения перевода, композиционно и лингвистически поликодовый текст является осложненным повествованием, что требует в свою очередь большой читательской работы. На современном этапе развития литературы - это форма авторской дидактики, когда автор стимулирует активное читательское со-участие в со-творении текста.

Евстрахина И.В.

ПЬЕСА-БУРЛЕСК “THE MOCK-TEMPEST” Т.ДАФФЕТТА

В 1670-х гг. в английской драматургии наблюдается активное развитие жанра пародийной бурлескной драмы, одним из представителей которого является Томас Даффетт.

В начале 1674г. в Лондоне в Герцогском театре ставится музыкальный спектакль *The Enchanted Island* по пьесе Дж.Драйдена и У.Давенанта, представлявшей собой переложение трагикомедии У.Шекспира «Буря» в соответствии с канонами драматургии эпохи Реставрации. Вскоре Т.Даффетт, драматург соседнего Королевского театра (коммерчески менее успешного - West 1978), стремясь переманить публику у конкурентов, создает бурлеск *The Mock-Tempest, or The Enchanted Castle* («Насмешка над Бурей, или Зачарованный замок») - язвительную пародию на интерпретацию шекспировского текста Драйденом и Давенантом (Highfill et al. 1982).

Пьеса Даффетта характеризуется сниженной стилистикой, что проявляется, в том числе, на уровне сюжета. Так, местом действия в «Насмешке над Бурей» является уже не экзотический южный остров, а лондонские трущобы. В I акте вместо картины кораблекрушения изображается нападение мастеровых на публичный дом, который защищают от осады его хозяйка Стефания (у Драйдена – моряк Стефано), девицы и клиенты-аристократы; затем участники потасовки попадают в тюрьму Брайдуэлл (это и есть «зачарованный замок»), где тюремщик Просперо Уифф сообщает, что нападение спровоцировал неуловимый вор-карманник по кличке Ариэль, и т.д. Реплики изобилуют инвективами и скабрёзными шутками; опрощаются имена некоторых персонажей: *Ventoso*=>*Beantosser*, *Mustacho*=>*Moustrappa*; в финале звучит пародия на песню Ариэля, где оригинальная строка “*Where the bee sucks, there suck I*” приобретает вид “*Where good ale is, there suck I*”. Об атмосфере в зрительном зале говорит следующий факт: из-за нарушений общественного спокойствия во время представлений *The Mock-Tempest* труппе Королевского театра запретили играть в столице, и театр был вынужден переехать в провинцию (Highfill et al. 1982). Годы спустя У.Сомс напишет о пьесе резкий стихотворный отзыв: *The dullest scribblers some admirers found/And the Mock Tempest was awhile renowned./But this low stuff the town at last despised/And scorned the folly that they once had prized* (Sharp 1920).

Однако при всей кажущейся легковесности, пьеса Даффетта поднимает некоторые серьезные проблемы социального и литературного характера. Сатирически освещаются нравы английского общества, в том числе недостойное поведение чиновников: например, при защите своего заведения от осады Стефания предлагает запереть дверь, используя вместо засова жезл констебля, случайно оставленный стражем порядка в публичном доме при очередном посещении. Грубоватая насмешка над представлениями об институте брака отражена в диалоге Миранды и Доринды. В отличие от драйденовских прототипов, героини Даффетта хорошо осведомлены о том, зачем нужны мужчины; а вот вопрос о предназначении мужа вызывает у них такие рассуждения:

Dorinda: *Husband, what's that?*

Miranda: *Why that's a thing like a man (for ought I know) with a great pair of Hornes upon his head, and my father said 'twas made for Women, look ye. <...> it must be our slave, and give us Golden Cloaths, pray, that other men may lie with us in a Civil way, and then it must Father our Children and keep them* (MT 125).

Наконец, Даффетт иронизирует и над некоторыми явлениями религиозной жизни Англии. Этот аспект пьесы воплощается в принце Квакero (шекспировский Фердинанд), который представлен как скудоумный лицемер и ханжа; речевая характеристика данного персонажа в основном осуществляется за счет контраста между богатством используемых языковых средств и крайней бедностью содержания; ср. *This doleful madrigal says my Father is in Limbo, that is, Mortus est, that is, he is dead, he is departed, he is gone, he is fled, he is no more; he is, he is, I say, he is, that is, he is not* (MT 144).

В структурном и содержательном плане *The Mock-Tempest* представляет собой реакцию на театральную эстетику эпохи Реставрации (Szlyk 2005); Даффетт подвергает критическому осмыслению позднейшие изменения, внесенные в шекспировский первоисточник драматургами Герцогского театра. Интересно, что в пьесе содержится косвенное указание на литературную нечистоплотность последних (Booth); ср. реплику Просперо *Then do as I commanded, but make hast least the Conjurers of to'ther House steal the Invention - thou know'st they snatch at all Ingenious tricks* (MT 147).

Источник

MT – Duffett T. *The Mock-Tempest, or the Enchanted Castle* // Shakespeare adaptations. With an introduction and notes by M.Summers. London, 1922. P.105-174.

Литература

1. Booth R. Witchcraft, flight and the early modern English stage. <http://extra.shu.ac.uk/emls/13-1/bootwitc.htm>
2. Sharp R.F. Travesties of Shakespeare's plays//The Library. Fourth Series. Vol. I, №1. 1920. P.1-20.
3. Highfill P.H., Burnim K.A., Langhans E.A. A Biographical Dictionary of Actors. Volume 7. Habgood to Houbert: Actresses, Musicians, Dancers, Managers, and Other Stage Personnel in London, 1660-1800. SIU Press, 1982.
4. Szlyk M. Applying a Theatrical Abrasive: Staging Thomas Duffett's *The Mock Tempest* at the King's Company's 'Plain Built House'//Sun Yat-sen Journal of Humanities. 2005. P.21-46.

5. West M. Dryden's *Mac Flecknoe* and the Example of Duffett's Burlesque Dramas//Studies in English Literature, 1500-1900. Vol. 18, №3. Restoration and Eighteenth Century. 1978. P.457-464.

Кравинская Ю.Ю.

РОМАН «ЛЮДИ-СКЕЛЕТЫ» КЕРИ ХЬЮМ: НОВОЗЕЛАНДСКОЕ СООТНОШЕНИЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ С МАОРИЙСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ

Кери Хьюм – новозеландская писательница, ставшая известной литературному сообществу после выхода романа «Люди-Скелеты» [1]. Роман, принесший автору Букеровскую премию в 1985 году, вырос из рассказа «Раковина Симона Питера», написанного в 16 лет. Основной темой обсуждения романа новозеландскими критиками (особенно активно были Элизабет Уорд, Кристиан К.Стед, Илэйн Кендэл, Сьюзен Эш) был вопрос о роли маорийской культуры в романе. И.Кендал пишет: «Хьюм – писательница мирового уровня, которая вышла к читателям не только для того, чтобы познакомить их с малоизвестной маорийской культурой, но так же с жизнью современных представителей этноса в европеизированном обществе Новой Зеландии» (Kendall 1987). Будучи маорийкой по матери, К.Хьюм является ярким примером слияния традиций маори, жизненного уклада пакеха и христианской веры. Цель нашей работы – показать, что для автора определяющим является не только её аборигенные корни, но и европейское наследие.

Взаимодействие маорийских и европейских аспектов проявляется на всех уровнях романа. Автор вносит элемент мифа в название произведения, так как по маорийской легенде кости предков содержат культурно-генетическую информацию об этносе. Иными словами, пока есть хоть один представитель маори, эта информация будет передаваться следующим поколениям. «Они были не более чем людьми, самими собой. ...Но вместе они становятся сердцем, мускулами и разумом чего-то опасного и нового, чего-то странного, растущего, и великого...» (Hulme 1983:324). В этом контексте символизм романа приобретает новый смысл: трагедии главных героев могут быть восприняты фигурально как «культурные болезни» общества, которые отступают в конце романа, когда героям удастся сформировать новое единство, где этносы пакеха и маори находят свое продолжение. Но в тематике произведения также выражен индивидуализм и стремление к изоляции главной героини, Керевин Холмс, которая, находясь в творческом кризисе, отказывается от связей с миром, замыкаясь в старом маяке на берегу океана.

Хьюм воспринимает себя как маорийский автор: «Я считаю себя более автором маори, чем автором пакеха. Эта часть моей души сильнее, ярче и более всепоглощающая, это - хорошая сторона меня. Это то, откуда я черпаю свою силу» (New Zealand Book Council). Но наряду с влиянием маорийской составляющей, развитие сюжетной линии определяет и христианская тема. В триединстве главных героев четко видна параллель с фигурами Иосифа, Марии и Иисуса. Наиболее отчетливо символизм проявляется в схожести немого мальчика Симона с Иисусом, в отсутствии ненависти к приемному отцу Джо, который жестоко избивает его. Керевин, будучи девственницей, испытывает материнские чувства к Симону. Сьюзан Эш также находит параллель между Джо и библейским Иосифом, так как Джо – приемный отец мальчика (Robinson 1998:147).

Взаимодействие двух начал – маорийского и европейского – ярко проявляется в языке произведения. Лексическая канва романа создана на основе английского языка, с включением маорийских названий-этнонимов (Роупати – новозеландский нефрит, очень важен для маори, гауро – разновидность низкого кустарника) и разговорных фраз на языке маори (Е тама – сын, ребенок) (Hulme 1983:446). Главная героиня, частично маори, говорит на английском, но использует маори только в общении с Джо и Симоном, что показывает близость героев. Джо и Симон, общаются на каком-то новом языке, состоящем из английского, языка маори и жестов. Такое поликультурное общение героев дает читателю понимание структуры новозеландского общества, которое, также как и герои романа, испытывает на себе воздействие различных этнических начал.

Кери Хьюм описывает историю борьбы героев с самими собой, показывая с их помощью тяжелый путь поиска аборигенным этносом своего места в современном обществе. Автор дает следующие пояснения роману: «В «Людах-Скелетах» я пыталась ответить на вопросы: Что происходит с изгоями? Есть ли смысл в жизни? Что бы случилось, если бы дух маори вернулся в нашу землю?» (Keri Hulme: Author's profile 1986:160). Будучи современным англоязычным автором-романистом, Кери Хьюм убеждает читателя в том, что маорийская составляющая очень важна для современных новозеландцев. Этот факт дает нам возможность говорить о неотъемлемой связи автора с англоязычной литературной традицией.

Примечания

[1] Здесь и далее перевод автора.

Литература

1. Hulme K. The Bone People. Penguin Books. New York, 1983.

2. Kendall E. Book Review: Entering the Little-Known World of the Maori Culture// Los Angeles Times. 24 apr. 1987. [электронный ресурс]/режим доступа к источнику: http://articles.latimes.com/print/1987-04-24/news/vw-567_1_maori-culture
3. Keri Hulme: Author's profile// Contemporary Literary Criticism / Ed. Sharon K. Hall. 1986. №39 P.158-167.
4. New Zealand Book Council [электронный ресурс]/режим доступа к источнику: <http://www.bookcouncil.org.nz/writers/hulmek.html>.
5. Robinson R., Wattie N. The Oxford Companion to New Zealand Literature. Oxford University Press, 1998.

Липинская А.А.

МЕЖДУ ФАКТОМ И ФИКЦИЕЙ. ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ В НОВЕЛЛЕ М.Р.ДЖЕЙМСА «АЛЬБОМ КАНОНИКА АЛЬБЕРИКА»

Монтегю Родс Джеймс (1862 – 1936) принадлежал к викторианско-эдвардианской готике, существенно отличавшейся от «высокой готики» (А.Радклиф, М.Г.Льюис и другие), которую у нас часто относят по ведомству предромантизма. При несомненной преемственности, это уже совсем другая эпоха и другая традиция. Сюжеты и приемы классических образцов изнашивались, были многократно спародированы и вышли из моды. На смену романам в роли доминирующего жанра пришли рассказы, основанные отчасти на устной традиции, культивировавшейся в самых широких слоях населения – ghost stories, то есть рассказы о привидениях. Кембриджский медиевист Монтегю Родс Джеймс, кстати, действительно сначала рассказывал свои истории коллегам и студентам под Рождество, а потом уже публиковал. Здесь уже совершенно другая обстановка – никакой экзотики иных стран и эпох, на главных ролях - современники, причем не возвышенные девы и их кавалеры, не демонические злодеи, но люди подчеркнуто обыкновенные, прозаического склада, очень часто – ученые или военные. Новеллисты рубежа XIX-XX веков ищут способ заставить аудиторию балансировать на грани веры и скепсиса – то есть пугать, но не на «мировоззренческом» уровне, поэтому на роль героев выбирают тех, с кем рационально мыслящему читателю легче всего идентифицировать себя. К тому же, ученые по долгу службы имеют дело с разными странными и необычными вещами и ищут для них объяснения. Итак, готика «второй волны» - это игра с читателем, который сам прекрасно понимает условность ситуации, но тем не менее веряется автору и погружается в атмосферу истории.

Арсенал средств манипулирования читательским сознанием велик: и заимствованные еще из старинной готики недоговорки, умолчания, отсутствие внятных

объяснений, и система повествовательных инстанций. Связь с устной традицией и тип персонажа позволяют широко использовать игру с точками зрения, вводить разнообразные записки, рукописи, вставные рассказы. Так устанавливается посредничество между миром рассказа и миром реальным, и читатель частично отождествляется с персонажем, с его горизонтами ожидания и мерой знания о происходящем. Возникает баланс веры и неверия, дистанцированности и приобщения.

Есть и еще одно важное средство - широкое задействование подлинных реалий, бытовых, географических, историко-культурных, архитектурных. Когда в этой обстановке случается что-то не совсем понятное и привычное, оно воспринимается несколько иначе, грань между реально существующим и вымышленным стирается. М.Р.Джеймс применял эту технику с особым успехом, чему способствовал его профессиональный опыт. Пример тому – его ранний рассказ «Альбом каноника Альберика» (1893).

История начинается с описания реально существующего городка Сен-Бертран-де-Комменж и собора в нем. Даже если читатель об этих местах не слышал, он невольно попадет под очарование спокойного тона и множества правдоподобных деталей. В городок этот приезжает англичанин Деннистон, сотрудник Кембриджа, интересующийся старинными рукописями. Повествователь (конечно, не сам Джеймс, а некий его виртуальный аналог – можно представить, как это работало в устном авторском исполнении) намекает на свое знакомство с ним. Далее наш герой осматривает собор и знакомится со служителем, странное поведение которого пытается объяснить для себя разными способами – но это ложные ходы. Ученое замечание повествователя о должности служителя – также своего рода отвлекающий маневр.

В итоге Деннистон идет к новому знакомому домой и покупает у него альбом вырезок из бесценных рукописей. Автор альбома – каноник Альберик, разумеется, выдуманный Джеймсом, но при этом якобы потомок реального исторического лица. Вырезки же описаны весьма квалифицированно, причем большая их часть не имеет отношения к дальнейшему развитию событий (в том числе кусок уникального богословского трактата, действительно существовавшего, но в «нашей» реальности считающегося утраченным). Следует отметить, что первоначальная аудитория Джеймса могла оценить все эти тонкости, современный же читатель даже без обращения к комментариям бессознательно реагирует на тон повествования и «ученые» замечания.

В альбом входит также рисунок, изображающий царя Соломона и странное чудище – едва ли не единственное, которое Джеймс описывает подробно, но описывает-то он не само существо, а изображение, исторический (?) памятник. К тому же, оказывается, Деннистон рассказал повествователю, что показывал картинку знакомому ученому-

естествоиспытателю, которого потом долго мучили кошмары. Так Джеймс выстраивает сложную систему псевдодоказательств, особенно развитую в тех местах текста, где происходит нечто сверхъестественное. Например, когда под куполом собора звучит хохот, повествователь впервые ссылается на слова самого Деннистона: он приводит факт, которому уже не найти рациональное объяснение, и потому отсылает к «непосредственному участнику» событий.

В гостинице чудище с картинки оживает и убегает, напугав Деннистона до обморока. Дальнейшая участь странного создания неизвестна (рассказ как бы размыкается в реальность), а Деннистон фотографирует рисунок и сжигает его. На обороте была запись, сделанная рукой самого Альберика, очевидно, и превратившая изображение в магический артефакт – и герой с ним поступает по законам магии, а фотография – это просто историческое свидетельство, и, сохраняя его, Деннистон действует уже как ученый.

В заключение Джеймс сообщает, что, мол, альбом хранится в такой-то библиотеке в Кембридже. Адрес, разумеется, реальный, только соответствующая единица хранения вымышлена. Другое дело, что в сознании читателя к этому моменту реальность и выдумка переплетаются уже почти до неразличимости. Прекрасно понимая, что это игра «в правду», он может вдосталь насладиться тем самым ощущением сладкого ужаса, ради которого и сел за книгу.

М.Р.Джеймс довел технику манипулирования читательским сознанием до совершенства (стоит заметить, что «Альбом...» - его первый рассказ), и в числе наиболее эффективных приемов в его арсенале – вовлечение читателя в происходящее за счет системы повествовательных инстанций и активации воображения (дана неполная информация, из которой нужно сделать выводы) и сложный баланс фактов и фикции, «лишних» подробностей и псевдодоказательств, благодаря которому читатель оказывается на грани веры и неверия, одновременно понимает, что с ним играют, и непроизвольно втягивается в эту игру. Авторская эрудиция и владение языком науки немало этому способствуют.

Тулякова Н.А.

ВСТАВНЫЕ РАССКАЗЫ В «АЛЬГАМБРЕ» В. ИРВИНГА: ИСТОРИЯ, АНЕКДОТ, ЛЕГЕНДА

«Рассказ в рассказе» в путевых заметках занимает особое, зачастую ключевое место. Способность синтезировать самые разные жанровые образования исследователи называют главной чертой жанра.

«Альгамбра» (*The Alhambra*, 1832) В.Ирвинга изобилует метаповествовательными элементами. Повествователь осмысляет бытование различных литературных жанров, комментирует собственный стиль, пересказывает услышанные истории. Признаваясь в том, что он пытается сохранить колорит повествования, он, тем не менее, служит инстанцией, оформляющей текст в соответствии с законами того или иного жанра. Жанровая атрибуция вставных рассказов принадлежит самому повествователю, который не дает им непосредственного определения, но строго разграничивает истории, анекдоты и легенды.

Для обозначения жанра истории Ирвинг использует несколько терминов – *story*, *history*, *tradition*, *lore*, *tale*. История имеет гораздо более размытые черты, чем анекдот и легенда, но имеет несколько повторяющихся черт: это локально и временно не скованные рассказы, посвященные достаточно обыкновенному событию, которое при желании может быть трактовано с романтической точки зрения. Интрига в них выражена не четко, но присутствует разворачивание действия, диалоги, описания, большое внимание уделяется созданию образов персонажей. Отношение повествователя к историям двойственно и чаще всего прямо не высказывается.

Анекдот обыкновенно вовлекает исторических персонажей и упоминается как иллюстрация какой-либо их черты, повествуя о некоем выходящем за рамки повседневности событии – необычном благородстве, удаче. Для анекдота характерна точность: точное указание года, места действия, имен участников событий, однако роль хронотопа не слишком велика, поскольку место служит лишь привязкой для рассказа, своего рода орнаментом. Точность акцентируется тем, что повествователь считает необходимым привести исторические свидетельства описываемым событиям. Одна из главных черт анекдота – назидательность, моральный урок, который должен извлечь из него читатель.

Легенды, которые занимают значительную часть книги, в основном передаются самим повествователем, черпаются им из устных и письменных источников и претерпевают наибольшую жанровую обработку. Художественная обработанность легенд отражается, прежде всего, в их устойчивой композиции. Легенда имеет четкую рамку, отграничивающую ее от остального текста; завязка чаще всего представляет собой некое пророчество, запрет или испытание героя. Кульминацией становится неповиновение судьбе или доказательство моральной силы, а развязкой – обретение героем богатства, свободы, любви. В легенде обязательно присутствует элемент чудесного, наиболее частые формы которого – волшебные предметы, заколдованные люди, роковая случайность.

Легенды имеют локальную привязанность. Место действия концентрирует в себе

разные временные пласты, и когда повествователь видит фонтан или башню, оживают когда-то жившие здесь герои.

На первый взгляд не связанные между собой легенды оказываются частью одного дискурса, когда в них начинают появляться уже знакомые имена или когда легенда неожиданно становится продолжением другой легенды. Для самого повествователя грань между действительностью и легендой постепенно размывается и жизнь приобретает сказочные черты. Однако это отношение не возводится в абсолют, что подчеркивается комическим звучанием последней легенды и постоянным балансом на грани иронии и самоиронии.

Сидорченко Л.В.

ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА ПОЭМЫ ДЖ.МИЛЬТОНА «ЛИСИДАС»

Поэма Дж.Мильтона «Лисидас» (“Lycidas”) вошла в историю европейской поэзии как общепризнанная великая английская элегия. Определившись как жанровая форма лирики в Древней Греции, элегия соединила уже в творчестве Феогнида (II половина VI – начало V вв. до н.э.) патриотическую тематику, насыщенную идеалами гражданской и воинской доблести, с любовными мотивами. В александрийский и римский периоды античной литературы тематика субъективных переживаний, связанная с чувством одиночества, порожденным потерей близких людей, со страданиями, вызванными отвергнутой любовью, с размышлениями о бренности жизни, расширяется. При этом элегический дистих, сохранив чередующиеся гекзаметр и пентаметр со срединной цезурой, отличался чеканностью законченной мысли. Он стал популярен в европейской поэзии эпохи Ренессанса. В Англии термин «элегия» на протяжении столетий менял свои смыслы от обозначения в древнеанглийском «Эксетерском кодексе» стихотворного произведения об ограниченном пределе жизни до причисления в конце XVI – начале XVII вв. к элегиям теологических стихотворных размышлений Дж.Донна. Позже большое распространение в Англии получили траурные элегии, к которым, несомненно, относится и элегия Мильтона «Лисидас», написанная в 1637г. и опубликованная год спустя. Она была посвящена памяти Эдварда Кинга (соученика Мильтона по колледжу Христа в Кембридже), мечтавшего стать священником и поэтом. Он погиб во время кораблекрушения: его корабль, направлявшийся в Дублин, наткнулся на рифы, получил огромную пробоину и при полном штиле быстро пошел ко дну. Милтон не только оплакал преждевременную смерть друга, но и много размышлял о непредсказуемости событий в жизни человека. В «Лисидасе» прослеживаются ностальгические мотивы

«Скорбных элегий» Овидия; ряд строк (76-84) исследователи возводят к «Пастушескому календарю» Э.Спенсера, а строки о скоротечности явлений соотносят со строками из его «Руин времени». Практически безоговорочно исследователи соглашались с тем, что в «Лисидасе» слышатся отголоски религиозно-аксиологических размышлений поэтов «школы Эдмунда Спенсера», представленных в аллегорическом истолковании, прежде всего, у братьев Флетчеров, у Джайльса в его поэме «Победа Христа и торжество на небесах и на земле над смертью и после нее» (1610) и Финеаса в его стихотворении «Пурпурный остров, или остров человека» (1633) о нападении грехов и пороков на тело человека. Мильтон заимствовал имя героя у Феокрита (IV-III вв. до н.э.), стоявшего у истоков пасторальной элегии, и представил своего героя в облике пастуха. Вместе с тем, образ поэта, переодетого пастухом, встречался в «Буколиках» Вергилия, и в этом смысле последний мог оказать влияние на создание мильтоновского образа поэта-пастуха. Иными словами, в «Лисидасе» Мильтон продолжил традицию, характерную для европейской пасторальной элегии, представляющей пастуха как пастыря и придающей герою ореол святости. Конвенциональные части пасторальной элегии, как свидетельствует принятый в английской литературе за образец мильтоновский «Лисидас», включают обращение к Музе, мотив тайны смерти, рушащей жизнь человека, патетическое выражение горя от потери друга или знатной персоны, плач присутствующих на похоронах, описание скорби природы по умершему, трактовку смерти как нарушение общей гармонии мироздания. В конвенциональных частях наличествуют отступления, чаще всего связанные с церковной тематикой, цветочный символизм, декларация веры в бессмертие души, изящно выраженное утешение в свершившемся неизбежном, утверждение того, что в конце концов все идет к лучшему. Не случайно Мильтон заканчивает свою пасторальную элегию описанием райского блаженства, испытываемого покойным на небесах. При этом классическая стройность стиля в «Лисидасе» сочеталась с религиозно-нравственными размышлениями автора, отражающими его пуританские воззрения. Рационально выстроенная композиционно, вобравшая в себя условную образность, по большей части из античной мифологии, написанная величавым языком, поэма Мильтона в жанровом плане соединила элементы классической эклоги и пасторальной элегии с конструкциями национальных английских стихотворных моделей, предложенных Э.Спенсером, поэтами его школы, Дж.Донном в «Годовщинах». Вместе с тем, при наличии жанровой контаминации текста в «Лисидасе» сохранилась его единая смысловая перспектива, способствовавшая дальнейшему оформлению национальной обусловленности пасторальной элегии.

***LOLITA AND ATONEMENT: THE PROTEUS EFFECT*
(TRANSFORMATION PATTERNS OF THE CHARACTERS IN THE
NOVELS BY V. NABOKOV AND I. MCEWAN)**

The novel *Lolita* reveals its multilayered, unstable world contextualised by the meticulous narrator. The reader is constantly forced to discern the performance of rites as a catalytic agent for the transformations the characters undergo.

Lolita may be compared to an interactive construct of the overlapping identities of the characters. Each of the main characters has a precursor and a way of reincarnation (Harold Haze—Humbert Humbert—Clare Quilty (the latter through rape and murder); Valechka—Charlotte Haze—Lolita (the latter through rape by her doppelganger, Charlie Holmes); Taxovich—Quilty (a hostile lavatory-user), who then merely floats behind other identities). Lolita the Nymphet is conceived in Annabel (and through her, in *Annabel* by E. Poe). Incidentally, as if enacted by her last name, she *dissolves in her haze* and turns into her campmates (note how H.H. perceives them), into Mona, into all occasional nymphets Humbert encounters on his quest—actually, the whole nymphetdom represented by the enchanted island at the beginning and the enchanted town in the abyss at the end of the book. She is literally multiplied (or disintegrated) by another ‘priest’, another nympholept, Gaston Godin, for whom the girl is somehow falling apart and metonymically transfiguring into a skirt of hers, a robe of hers and so forth.

Lolita’s disintegration is triggered by two motifs. Firstly, her female identity cannot but be transcended as seen by Humbert the Patriarch, eager to copulate with each representative of the line of Charlotte—Lotte—her daughter—her daughter’s daughter, to be continued ad infinitum (which is very archaic a scheme, providing head of the kin for fertilising all females). Lo, Dolores, Lola, Dolly—they are a kind of a Universal Woman, the Eternal Nymphet. Secondly, starting with Humbert Humbert, all Lolita’s lovers, apparently, suck the energy out of her. Lolita’s devastation commences at the very moment Humbert Humbert rapes her, he sort of inflicts decomposition on her, both physiologically (she is aching all over) and textually (she is ceasing to accumulate wholeness). Lolita then continues withering and fading under every new man up to being completely devoid of her charm and appeal in the end, exhausted by R. Schiller’s baby. In the last episode Dolly Schiller is figuratively ‘*crucified*’ by H.H. in order to incur the final transfiguration, *a radiant child of twelve, sitting on a threshold, ‘pinging’ pebbles at an empty can*. Lolita acquires immortality, which turns out to be what Humbert Humbert has been aspiring for throughout the narrative; she is now text, the text.

A story of power and surrender, *Atonement* reveals another scheme of character transformation. The characters' identities merge in the same way they did in *Lolita*, yet the impetus is different.

The novel uncoils a narrative of an utmost totalitarian, despotic mind yearning for omnipotence. Its literaturnost', its fictionality is intentionally poorly disguised and deliberately self-referential, all conventions undermined. And yet there are always present some external forces imposed on Briony that prevent her from the full command of events, thus undermining her role as a demiurge: the narrative schemes for the little girl, medical discipline for the young Briony, vascular dementia for the old writer. She is *fading into unknowing* (has she ever **known** anything?), she has gone a long way from her inarticulate *Trials of Arabella* to verbal dementia, all the time lacking words.

Therefore her identity dramatically splits up. As well as in *Lolita*, we may find here a [literary] precursor (the medical prince from the play), a younger version who resurrects in the end, a 'mature' one (Nurse Tallis) and a final one (both the author and the narrator). Her identity undergoes certain changes (or rather, destructions), even more Nabokovian than those that happen to *Lolita*. Thrashing the nettles, *she disposed of her old self year by year in thirteen strokes* and shortly after forked her life into an Olympic Champion in nettle-thrashing and a playwright. She splits in two time and again: in the church one self of hers rises and goes forth to derange the ceremony, a powerful nemesis—in the meantime the character sits motionlessly, which is what 'real' Briony did. In the following scene the multiplication scheme recurs: here we can watch Briony returning to her ward (and consequently, letting go the reality 'as it was', not being able to meet deceased Robbie), and there she is, walking on and on to her fiction. The techniques McEwan uses to dissolve Briony, to disintegrate her identity are extremely similar to those by Nabokov in *Lolita*.

While Humbert Humbert and *Lolita* reincarnate into one another and, eventually, into the text as a natural process of a sacrifice, of an offering (transformations induced by rites), Briony does not **become** the book, she only disintegrates as a character, as a narrator she says, *I've made a huge digression and doubled back to my starting place*, so she fails as an author (her mergers are induced by guilt-ridden craving for omnipotence). Ian McEwan elaborates the Proteus patterns as used by Vladimir Nabokov by exploiting them to investigate matters of power, of a demiurge.

АМЕРИКАНСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ АНГЛИЙСКОЙ КЛАССИКИ: ДЕКОНСТРУКТИВИСТСКО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ВАРИАНТ ДЖ.Х.МИЛЛЕРА

Доклад посвящен сравнительному анализу интерпретационной составляющей творчества американского литературоведа Джозефа Хиллиса Миллера. Рассматривается подход к английскому литературному наследию на материале феноменологических и деконструктивистских исследований викторианской прозы. Цель доклада состоит в репрезентации сути и места феноменологической трактовки критика, характеризуемого с конца 20 столетия преимущественно в качестве деконструктивиста.

Проанализирована интерпретационная деятельность американского литературоведа Дж.Х.Миллера. Рассмотрены модели его критики на примере викторианских исследований. Констатируется пересечение гетерогенных по своей сути модусов миллеровской литературоведческой практики, особенно на материале викторианской прозы. Выявлена природа и соотношение феноменологического и деконструктивистского в исследовательском опыте ученого с мировой известностью. Проведена оценка восприятия критических трудов Дж.Х.Миллера с обращением внимания на их дидактическую ценность при изучении викторианского периода в целом.

По основным работам Дж.Х.Миллера прослежена методика прочтения и интерпретации произведений викторианской прозы с приоритетом исследования сознания автора-героя-читателя (критика) с новокритическим (первоначальным) и деконструктивистским - "close reading" - «тщательного прочтения», «пристальным» прочтением (последовавшим за феноменологическим этапом).

Исследован один из концептов критики в миллеровском варианте – интерсубъективность. Миллер отмечает «центральную тему большей части литературы, особенно художественной прозы, – взаимную игру сознания с сознанием... тему интерсубъективности... [5, 31]. Видит «роман в качестве структуры интерпретирующих сознаний: сознания нарратора, при его погружении в сознание героев, и сознания героев, при их осознании друг друга» [4, 2]. Дж.Х.Миллер своими феноменологическими изысканиями (вслед за Ж.Пуле) придал американской новокритической мысли новый импульс, новую цель. Литературный язык в своих различных формах стал представлять формы сознания, их модусы. Ученый стал варьировать их соотношение и первоочередность.

Для Миллера интерсубъективность – не просто форма всех романов. Она играет особую роль и в викторианской культуре, и в викторианской художественной литературе. Выходя за пределы ранее провозглашенного викторианского опыта исчезновения Бога,

Миллер считает, что «развитие викторианской художественной прозы – движение от предположения, что общество и личность основаны на какой-то сверхчеловеческой силе вне их, к открытию, что общество, оказывается, самосозидающим, самоподдерживающимся, не основывающимся ни на чем за своими пределами» [4, 30]. Особая версия искусной, состоятельной социальной поддержки заключается в факте искусственного создания романом опыта интерсубъективности. Это создание условно, так как оно исходит из реакции художественной литературы на онтологический пробел в реальности. В «Исчезновении Бога» критик определил всех людей XIX века как отчужденных от Бога, от природы, от своих братьев, от самих себя [3, 8]. В «Форме викторианской художественной прозы» он описывает это положение как составляющий опыт викторианского авторства: «Каждый из этих романистов начинает тем или иным способом в изоляции от общества» [4, 53]. Роман предлагает искусственную версию интерсубъективности.

При обобщении феноменологического опыта человеческого времени Миллер пишет об опыте интерсубъективности, который он объявил особой характеристикой викторианского времени. Соответственно, версия этой формы интерпретации порождала вызовы викторианской литературе. Миллеровская версия викторианской интерсубъективности подняла и особые вопросы «критики сознания». Но сознание, которое он определяет, является изолированным и бесконечным. Опыт интерсубъективности для викторианцев является особенно художественным, вымышленным. При соединении темы с методом Миллер поставил теме гораздо больше исследовательских вопросов, чем критики его феноменологического периода.

Миллеровский поворот к деконструкции дал языку логическую функцию в его критике сознания, хотя обычный взгляд состоял в том, что деконструктивная вера в приоритет языка отрицает возможность веры сознание и внутреннее «я». Кажется, Миллер просто заменил сознание языком как собственно предметом литературного изучения: «Всегда отличают значение в языке, всегда в отходе от настоящего к более несуществующему. Если язык больше составляет сознание, чем наоборот, тогда такие критики правы, которые считают, что структурные, синтаксические и метафорические средства языка являются собственно предметом литературной критики, а не состояние сознания, которое они больше генерируют, чем отражают» [5, 52]. Миллер в отличие от Ж.Деррида, если говорить о рамках деконструкции, явно соотносит язык с мимикрической формой происхождения, и эта приоритетность придает ему способность играть определенную роль в заново реформированной критике сознания. Сознание является иллюзорным (развенчивающим) концептом, созданным механизмом буквального

восприятия фигурального языка. Для Миллера, так как художественный язык викторианского романа создает своей искусственной выдумкой интерсубъективность, на которой общество может основываться, язык сам создает сознание. Критик утверждает, что «нет буквального языка сознания, внутреннее «я» являет собой фигуру или последствие языка» [7, 201]. И снова можно заметить, что «я» – не обман, а эффект.

Показ практических содержательных компонентов миллеровской критики, помимо известного только небольшому кругу специалистов подхода, способствует раскрытию природы и корней постмодернистского компонента при изучении современной литературы.

Таким образом, многосторонность обращения к такой сложной классической теме, как викторианские исследования, неизбежно констатируется на всех временных этапах ее изучения. Близок в своих размышлениях или нет к реальному положению дел многообразный опыт литературной критической практики известного американского компаративиста Дж.Х.Миллера показывает время. Можно констатировать единственное – немногие современники удостоены столь значительного внимания к своей точке зрения на протяжении пяти десятилетий. Не учесть ее, по крайней мере, было бы профессионально некомпетентно. В целом, новизна миллеровского восприятия викторианской художественной прозы (начиная с 1955 года) встретила мало столь же ярких и оригинальных критических (дидактически разъясняющих) прочтений наследия этой классической эпохи, которые перебили и затмили, оставив в XX столетии, этот опыт.

Литература

1. Miller J.H. Charles Dickens: The World of his Novels. – Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1958. – 346 P.
2. Miller J.H. Fiction and Repetition: Seven English Novels. – Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1982. – 250 p.
3. Miller J.H. The Disappearance of God: Five Nineteenth Century Writers. – Cambridge (Mass.)-London: The Belknap Press, 1975. – IX, 367 p.
4. Miller J.H. The Form of Victorian Fiction: Thackeray, Dickens, Trollope, George Eliot, Meredith and Hardy. – Notre Dame-London: Univ. of Notre Dame Press, 1968. – XII, 151 p.
5. Miller J.H. Theory Now and Then. – Duke Univ. Press, 1991.
6. Miller J.H. Thomas Hardy: Distance and Desire. – Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1970. – XVI, 282 p.
7. Miller J.H. Victorian Subjects. – Hertfordshire, 1990. – XII, 330 p.

НОВЕЙШИЕ ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ О Г.ГРИНЕ

В начале XXI века появилось несколько объемных исследований, обобщающих прежние труды о Г. Грине и предлагающих новые взгляды на творчество и биографию писателя.

Особого внимания достойна серия предисловий к романам Грина, собранных издательством «Винтаж». Их авторы – известные писатели и литературоведы: К.Хитченс, Д.М.Кутзее, Я.Рэнкин, П.Теру и другие. Эти предисловия объясняли и популяризировали Грина для широкого читателя вчера. Такое же назначение у них и сегодня.

Важный вклад в гриноведение осуществил канадский исследователь и однофамилец писателя Ричард Грин. Публикация избранных писем в книге «Г.Грин. Жизнь в письмах» (Graham Greene. The Life in Letters, 2008) позволила несколько сместить вектор современных исследований о Грине и расширить представления о нем как прежде всего о размышляющем человеке, а не просто глубоко верующем писателе-католике.

Фундаментальный трехтомный труд американского биографа Н.Шерри также вносит огромный вклад в гриноведение. В 1990г. Автор получил премию Э.По за первый том как за лучшую биографию. Грин в ней словно автор и беглец, пытающийся скрыться от наших расспросов, а биограф ищет этого «скрытного человека». Третий том этой биографии был опубликован в 2004г.

Важной вехой современного гриноведения является монография профессора Лидского университета М.Бреннана «Грэм Грин: романы, убеждения и авторство» (Graham Greene: Fictions, Faith and Authorship, 2010) – одна из последних книг, посвященных Г.Грину. Она состоит из восьми глав: «Писатель в поиске карьеры: 1923-1929гг.»; «Создание литературной репутации: 1936-1938гг.»; «Самокритичный писатель: 1974-1991гг.» и другие. Примечательно, что Бреннан считает необходимым обратиться к раннему периоду жизни и творчества Грина, пытается переосмыслить многолетние наработки в критическом наследии о нем и выдвигает мысль о том, что важно не просто признать, что Грин был католическим писателем, необходимо понять, как католицизм стал для писателя таким многообразным и неиссякающим источником вдохновения. По-своему он трактует уже известные взгляды на произведения Грина, а также вводит малоизвестную информацию.

Начиная с 1998г. фонд Г.Грина проводит на его родине, в маленьком городке Беркамстед, международный фестиваль, посвященный писателю, в котором принимают участие литераторы, критики, ученые и деятели искусства, а также просто почитатели творчества этого автора. В 2011г. по материалам фестивалей прошлых лет была издана

книга под названием «Опасные грани Г.Грина. Путешествия со святыми и грешниками» (*Dangerous Edges of Graham Greene. Journeys with Saints and Sinners*, 2011). Она представляет собой отдельное, не серийное издание, главы которого написаны разными авторами, преимущественно профессорами университетов, среди которых, например, известный английский литературовед и писатель Д.Лодж, автор многочисленных публикаций о Грине, в том числе небольшой по объему, но одной из первых монографий о писателе.

Если попытаться объединить ряд биографических исследований последних двадцати лет, среди которых titанический труд официального биографа писателя Н.Шерри, создавшего за четверть века трехтомник под названием «Жизнь Г.Грина», и исследования М.Шелдена, У.Веста и Э.Моклера, станет очевидно, что до сих пор существуют пробелы как в анализе конкретных произведений, так и в освещении некоторых этапов биографии Грина. Мы согласны с Ричардом Грином, составителем книги писем Грина, когда в своей статье «Обретая Г.Грина: Проект Н.Шерри» («*Owning Graham Greene: The Norman Sherry Project*», 2006) он пишет, что Н.Шерри не упоминает о некоторых фактах в биографии писателя, например, о его поездке в Эстонию в 1934 году - опыт, который, по всей видимости, мог быть использован впоследствии при написании романа «Наш человек в Гаване» (1958).

Несомненно, интересными и полезными изданиями являются монография Б.Бергонзи «Исследование о Г.Грине: Г.Грин и мастерство романиста» (*Study in Greene: Graham Greene and the Art of the Novel*, 2006) и книга Д.Льюиса с метафоричным названием «Тени семейства Гринов» (*Shades of Greene*, 2010), описывающая судьбы нескольких представителей большой семьи Гринов.

Особого внимания заслуживают регулярные научные публикации, посвященные Грину за последние годы. География местонахождения исследователей весьма широка. Этому, разумеется, способствовали путешествия самого писателя. Яркий пример – статья «Современный мир сквозь блестящую художественную прозу. Романы Г.Грина «Ценой потери» и «Тайный агент» как утопические произведения» (*The Modern World through the Luminous Path of Prose Fiction: Reading Graham Greene's A Burnt-out Case and The Confidential Agent as Dystopian Novels*) преподавателя литературы одного из нигерийских университетов А.Кехинде, опубликованная в 2009г., а также статья преподавателя Алжирского университета М.Р.Маамри «Вселенский хаос в романе Джозефа Конрада «Тайный агент» и романе Г.Грина «Это – поле боя» (*Cosmic Chaos in The Secret Agent and Graham Greene's It's a Battlefield*, 2008). Уникальную работу проделал французский

литературовед Ф.Галли, благодаря которому свет увидели черновики неоконченной детективной повести Г. Грина «Пустой стул», датируемые примерно 1926 годом.

Исследования последних десятилетий подтверждают, что интерес к жизни и творчеству выдающегося английского автора не иссякает.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА

Абубакарова Б.М.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО В НЕРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ

Как известно в задачи сопоставительной лингвистики входит не только выявление сходств и различий между сопоставляемыми языками, но и определение системных соответствий и несоответствий между языками, выяснение причинных связей между ними.

Исходя из положения о том, что языковые различия разного уровня не могут препятствовать одинаковому восприятию окружающей действительности людьми разных национальностей, мы разделяем мнение Г.В. Колшанского о том, что «национальное своеобразие семантического содержания языковых единиц не исключает возможности формирования сложных семных комплексов, состоящих из таких «подкомплексов», которые по содержанию способны быть взаимно идентичными в разных языках» (Колшанский 1975: 169-187).

Темой настоящего исследования является сопоставление имени прилагательного в английском и чеченском языках.

Несмотря на несовпадения в количестве и группировке частей речи, выделяемых разными авторами даже в одном и том же языке, все лингвисты относят имя прилагательное к числу основных традиционных частей речи.

Как известно, части речи подразделяются на знаменательные и служебные; при этом имя прилагательное относится к знаменательным частям речи, которые имеют лексическое значение и способны занимать те или иные синтаксические позиции в предложении, а также быть ядром словосочетания.

Многие лингвисты выделяют прилагательное на основе трех признаков: обобщенного грамматического значения, грамматической формы и синтаксической функции (Иванова, Бурлакова, Почепцов 1983: 34).

Обобщенным грамматическим значением прилагательного является обозначение признака, свойства или состояния.

Что касается грамматических форм, то это характерные суффиксы, устанавливающие морфологический статус прилагательного на словообразовательном уровне. Словоизменительные формы присутствуют только при образовании степеней сравнения прилагательного.

Синтаксические функции прилагательного в английском языке включают его способность выступать в качестве определения (препозитивного или постпозитивного) и предикативного члена предложения.

Исследователи чеченского языка также отмечают, что имена прилагательные в чеченском языке характеризуются специфическими грамматическими формами и по своему значению выражают признак, свойство, качество предмета. Как и в английском языке, большинство авторов различают имена прилагательные качественные и относительные.

Однако ряд прилагательных в рассматриваемых языках не подпадает под такую классификацию, в связи с чем в английском языке выделяют количественные прилагательные, например, *many, much, little, few, numerous, enormous* (Чахоян Л.П.). В то же время следует отметить, что многие исследователи склонны относить *many, much, little, few* к разряду количественных местоимений.

Многие авторы подразделяют имена прилагательные в чеченском языке на три лексико-грамматических разряда: качественные, относительные и притяжательные. Различия между притяжательными и относительными прилагательными чеченского языка только лексические; какие-либо формальные грамматические различия между ними отсутствуют.

Вслед за А.И. Халидовым принимается подход, согласно которому в чеченском языке выделяются качественные и относительные прилагательные, внутри которых выделяется особая группа с притяжательным значением (Халидов 2010: 388).

Если рассматривать грамматические формы имени прилагательного в исследуемых языках, то необходимо отметить определенное сходство в наличии специфических для имени прилагательного суффиксов, устанавливающих морфологический статус прилагательного на словообразовательном уровне.

Несмотря на то, что сопоставляемые языки относятся к языкам разного типа (английский – аналитический, чеченский – синтетический), на словообразовательном уровне имя прилагательное в обоих языках проявляется сходным образом.

В отличие от английского языка, в котором имя прилагательное обладает весьма ограниченными словоизменительными возможностями (формы степеней сравнения), в чеченском языке, относящемся к флективным языкам, имя прилагательное склоняется и имеет следующие грамматические категории: категорию падежа, категорию грамматического класса и категорию числа.

Категорией грамматического класса обладают только некоторые качественные прилагательные: *в-оккха(н) ваиа* «старший брат», *йоккха(н) йиша* «старшая сестра».

Категория числа представлена единственным и множественным числом, например, *гота урам* «узкая улица», *гаттийн урамаи* «узкие улицы».

Наличие маркированных форм степеней сравнения прилагательных характерно для обоих сопоставляемых языков. Как известно, в английском языке существуют синтетические морфологические формы, образованные с помощью суффиксов -er и -est (long – longer - longest), и формы, образованные с помощью слов more и most (significant – more significant – most significant), которые иногда называют аналитическими формами. В чеченском языке степени сравнения могут также образовываться от качественных прилагательных. Но в отличие от английского языка, в чеченском, помимо сравнительной и превосходной степеней сравнения, выделяется еще и уступительная.

Сравнительная степень образуется с помощью суффикса -х. При этом конечный гласный основы утрачивает назализацию: *лекха* «высокий» - *лекхах* «выше».

Прилагательные в уступительной степени передают значение неполноты качества и соответствуют русским прилагательным с суффиксом -оват-, -еват-, например: *мѳжѳ* «желтоватый», *сийно* «синеватый» и английским прилагательным типа greenish, yellowish.

Превосходная степень прилагательного в чеченском языке оформляется только в виде словосочетания путем прибавления к прилагательным слов *угар* «самый, наиболее», *тIex* «чересчур», *сов* «слишком», *вунѳ* «очень». Например: *уггар чехка говр* «самая быстрая лошадь».

Таким образом, проведенное сопоставление двух неродственных языков дает основания утверждать, что система частей речи в обоих языках включает имя прилагательное, которое передает значение признака, свойства или состояния и наряду с рядом отличий имеет определенные сходства.

Литература

1. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языках. М., 1975.
2. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. М., 1983.
3. Халидов А.И. Чеченский язык: Морфемика. Словообразование. Грозный, 2010.

ДИСКУРС КАК ДИНАМИЧЕСКАЯ КОМПОЗИЦИЯ: ПРИНЦИП ПОРОЖДЕНИЯ МЕТА-ДИСКУРСА.

Один из принципов динамики дискурса основан на синтактике, или сочетаемости смысловых координат (СК), если исходить из предложенного понимания дискурса как оязыковленного опыта. В основе так понимаемого дискурса лежит матричная схема, включающая смысловые координаты *Кто*, *Говорит/Пишет*, *о-Чем*, *Что*, *Кому*, *Где*, *Когда*, *Почему*, *Зачем* и *Как*. Очевидно, что, если принять во внимание то, что каждая координата может быть тем, *о-Чем Говорят*, и тем, *Что Говорят* (в том числе и координата *Говорят/Пишут*), то можно мысленно прикинуть, скорее даже нельзя не прикинуть, объем сказываемого, а тем более сказанного. Например, к каждой из координат в триаде «Кто-Говорит-Кому» можно поставить вопросы и дать на них ответы, соответствующие остальным координатам схемы: *Что*, *Где*, *Когда*, *Почему*, *Зачем*. Будем считать этот принцип внешним, или принципом экстенсии дискурса, или экстенсивным принципом динамики дискурса. Он рассматривался нами в статье (Варшавская 2010). Экстенсивными считаются также два способа порождения дискурса - совмещение и расщепление, - рассмотренные в докладе «К морфологии дискурса».

Здесь нас интересует принцип развития дискурса, который также обеспечивает его бесконечное порождение и обновление, но «изнутри», по смысловым координатам *Что* и *о-Чем*, являющимся принципиально онтологически необходимыми координатами дискурса. Это принцип «интенсии», внутренний глубинный принцип. Формально в соответствии с принципом «интенсии» порождаются дискурсы разного мета-порядка (Ельмслев 1970). Говорить можно о любом дискурсе. В результате *Что говорят*, или дискурс, например первого метапорядка, становится *о-Чем говорят* в дискурсе второго метапорядка. Сразу же стоит отметить, что, вероятно, не бывает дискурсов, так сказать, «чистых», строго однопорядковых метапорядков. Данный принцип предопределен, я считаю, общими естественными закономерностями развития, движения мысли, а именно рефлексивным характером мышления, а также тем фактом, что человек, наверное, больше говорит об уже сказанном, чем о новом или неизвестном. Свидетельством этому служат варианты пересказанной речи в бытовом дискурсе, использование прецедентных текстов. О подобном положении в науке говорили известные ученые Т. де Шарден (2009:36), физик В. Гейзенберг (См. Хайдеггер 1993: 421, Примечания) и русский поэт и философ А. Белый (1999). П. Тейяр де Шарден и В. Гейзенберг, оценивая положение дел в современной им физике начала и середины прошлого века, утверждали, что физики говорят уже не о физическом мире, элементарных частицах, а о том, что они узнали о них.

Для символиста-философа А. Белого такое положение дел казалось совершенно понятным и естественным в свете его взглядов на становление «души самосознающей». Тем не менее, здравый смысл, вероятно, не может отказаться от взгляда на мир как нечто реальное и от человека не совсем зависящее.

Но «изнутри», т.е. содержательно, и, возможно, формально, метадискурсы разного метапорядка должны быть в определенной степени сходны, или любой дискурс о дискурсе, или описывающий дискурс, должен **иметь** в своем **содержании** что-то, **содержащееся** в описываемом или прецедентном тексте-дискурсе. В противном случае описывающий дискурс не имеет отношения к описываемому дискурсу, т.е. будет дискурсом «на другую тему». Следовательно любой метадискурс оказывается «автологическим», а в отношении исходного прецедентного дискурса или дискурса низшего метапорядка – «металогическим» (метадискурсом, мета-метадискурсом и т.д.). Автологическое и металогическое свойства дискурса, или мета- и автологического отношений, также как и эти отношения языковых единиц, текста и языка в целом, предполагают друг друга (Варшавская 2008; Варшавская, Журавская 2005). Более того, эти два отношения не просто со-поставлены, или совместны, они со-членены: у них есть общее содержательное звено. Поясню термин «автологический». Автологическим считается слово, которое обладает тем же свойством, которое оно называет (Вригт 1986:449-482). Показательным примером служит английское слово *short*, которое обозначает «короткий» и само есть короткое или *noun*, которое обозначает «существительное» и само есть существительное. Мета-автологические отношения связывают гиперонимы и соответствующие гипонимы, тип-экземпляр, инвариант-вариант и модель структур предложения – моделируемое, т.е. структуры конкретных предложений и т.п.

Таким образом, при порождении какого-либо мета-дискурса любого мета-порядка необходимо и естественно соблюдается требование наличия содержательного сходства исходного дискурса и метадискурса, или дискурса одного метапорядка и дискурса следующего метапорядка. В противном случае мы получаем два разных дискурса, не связанных метаотношением. Пример дискурса и метадискурса: естественный язык и лингвистика. В естественном языке в разговоре человек использует разные слова по-разному благодаря определенному языковому знанию (компетенции): существительные – имена предметов, глаголы – имена действий и т.д. Думаем, излишне говорить здесь о том, что есть лингвистика, о ее предмете и объекте.

Важным, возможно, важнейшим не только для дискурса, но и для разных уровней языка, является то, что в содержание описывающего дискурса так или иначе входит не

только содержание описываемого, но и форма, и таким образом форма единиц одного уровня (дискурса низшего метапорядка) становится содержанием единиц следующего уровня (дискурса мета-метапорядка). В ходе такого рассмотрения динамики порождения дискурса возникает еще вопрос: когда какой-либо из «смешанных» дискурсов или дискурс какого метапорядка может стать самостоятельным дискурсом или самостоятельной наукой, и сможет ли? Сможет, если нарушится сочленение двух отношений – автологического и металогического, если в дискурс будут введены новые формации дискурса, например объектов, концептов, стратегий, или утратится их сходство, или они неузнаваемо изменятся, что одно и то же. Естественно, что при порождении дискурса задействованы одновременно и внутренний способ, и внешние (совмещение, расщепление) способы. Такой смешанный путь постоянного расширения научного дискурса определяется особенностями современной научной парадигмы, а именно, взаимопроникновением, взаимодействием научных направлений.

Очевидно, что в результате такого развития общая картина дискурса может представлять собой очень сложную динамическую композицию, которая может усложняться, варьироваться, а также, возможно, стать менее сложной.

Литература

1. Белый А. Душа самосознающая. М., 1999.
2. Варшавская А.И., Журавская К.А. Автологическое и металогическое свойства звукоизобразительных слов// Знаки: Иконы, Индексы, Символы. Конференция памяти С.В. Воронина. СПб, 2005. С.16-17.
3. Вригт Г.Х. фон. Логико-философские исследования. М., 1986.
4. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. Вселенская месса. М., 2002.
5. Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993.
6. Hjelmslev L. Language. An Introduction. London, 1970.

Варшавская А.И.

К МОРФОЛОГИИ ДИСКУРСА (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

А что еще нужно политику?
Нужно угадать чудодейственные слова. Тем более что жизнь и есть на 70,3%, ну – на 69,5%, ну, если хотите, так уж и быть, на 57,4%, это самое говорение и захват её словами.

Д.Пригов

Морфология понимается здесь не в традиционном смысле как морфология классов, подклассов слов языка и видов форм слова, но, тем не менее, как целостное единство,

совокупность некоторых элементов, классов, групп элементов разных уровней и разной структуры. Структуру дискурса можно представить в виде обобщающей матричной схемы.

А) Составляющими матрицы являются так называемые смысловые координаты (морфы, или дискурсе́мы): *Кто, Говорит, Кому (с-Кем), о-Чем, Что, Где, Когда, Почему, Зачем, Как*. Такое понимание структуры дискурса основано на двух исходных положениях:

1) Дискурс определяется как упорядоченно вербализованный (или вербализованно упорядоченный) опыт, опыт описанный и проговоренный. Такое понимание дискурса отличается от ряда известных определений дискурса тем, что, согласно этим определениям, несмотря на настоятельность требования связи дискурса с социальной, культурной практикой, жизнью, т.е. опытом, язык оказывается отделенным от этого опыта. Мы исходим, скорее, не из того известного положения, что «язык погружен в жизнь», а из известного положения М. Хайдеггера, что «человек живет в языке», встроен в язык (Хайдеггер 1993) со всей своей практической деятельностью, знаниями, эмоциями, культурой и даже языком. Быть встроенным в язык значит быть встроенным во вторую сигнальную систему, непосредственно связанную с первой и, значит, с опытом.

Б) (Морфы). Второе положение касается самой структуры матричной схемы. В ней можно выделить четыре аспекта или уровня.

а) Очевидно, что матричная схема непосредственно соотносится с системой грамматических вопросов английского языка, так что ее можно считать гомологичной, возможно, частично гомологичной системе вопросов.

б) Матрица также гомологична системе неопределенных, относительных и указательных местоимений и наречий, которые могут служить ответами на вопросы: *Кто-то, (Некто), Что-то (Нечто), Потому что, Затем (для Того, чтобы), Тогда-то, Где-то/Куда-то, Там-то* и т.д. (*Somebody, Someone, Something, Somewhere, Anywhere, What for, Why, Whenever, etc.*), которые очерчивают сферу чего-то неопределенного или еще непознанного, но познаваемого.

(В) Морфы-ситуации.

а) Матричной схеме гомологична ситуация понимания или познавательный акт, которые кратко можно представить в таком виде: *Некто увидел/услышал Нечто, осмыслил/понял Что*. Очевидно, что при понимании человек как бы отвечает на соответствующие вопросы: *Что Это?, Кто?, Почему?, Зачем?, Почему Здесь или Там и Сейчас?* и т.д. Это познавательно-опытный аспект матрицы.

б) Матричной схеме гомологична структура конкретной коммуникативной ситуации.

в) Показательно, я считаю, то, что мы задаем один и тот же вопрос, когда встречаемся с незнакомой вещью и с незнакомым именем или названием: *Что это? What is this?*. Это свидетельство того, что Человек Говорящий знает, что у вещи должно быть имя, а имя должно называть вещь, указывать на неё, т.е. свидетельство того, что мы имеем дело с поименованным, или вербализованным опытом.

Согласно логике структуры языка и нашего опыта, матрицу необходимо дополнить координатами: *Какой, Сколько, Что делать, Каким образом* и др., в дискурсном плане зависимыми от координат первого порядка, или категориями качества, количества, действия, отношения и другими общими категориями, которыми описывается наш опыт. Очевидно, что такие категории традиционно выделяются и учитываются при классификации частей речи на разряды, классы, группы. Конкретно и практически они же определяют и регулируют наш повседневный опыт как законы, указы, инструкции, правила, предписания, рекомендации, советы, просьбы и др. В письменной или устной форме они определяют среду и задают способ нашей жизни. Идти по жизни значит попадать из одной поименованной ситуации в другую.

Следует отметить еще одну важную черту смысловых координат матрицы, а именно то, что они каким-то образом связаны одна с другой, кроме того, что они есть части одной схемы, одного целого, порождаемого Человеком Говорящим. Отмечу некоторые связанные пары и тройки: *Кто – Говорит, Что – о-Чём, Говорит – Что – о-Чем, Кто – Кому, Где – Когда, Почему – Зачем* и *Говорит – Как* (на языке). Эти связи смысловых координат важны, т.к. они играют значительную роль при порождении дискурсов. Этот вид отношения между СК я рассматриваю как «избирательное сродство» (elective affinity), подобное отношениям между химическими элементами. Важная особенность такого сродства пар - это то, что одна СК в паре сильнее ориентирована на СК *Кто Говорит* (Бехерт 1982). Такими в соответствующих парах будут СК *Что (Говорит), Когда, Зачем*.

СК можно объединить и следующим образом: *Кто – Говорит – Как* (Язык), с одной стороны, и с другой – все остальные координаты вместе взятые. Мы говорим о человеке, о его отличительном свойстве «говорить», и вполне естественно, что *Все-о-Чем* говорят, в том числе и говорящий *Кто* и все другие координаты, оказываются «встроенными» в координату *Как*, т.е. в Язык. Это внутренняя синтактика всякого дискурса.

Г) Типы дискурса как морфы. Морфология, как было сказано в начале, понимается здесь в двух смыслах: в целостном аспекте (как целостное единство) и в традиционном «дробном» аспекте (как совокупность классов, групп элементов разной сложности организации). Самыми крупными составляющими дискурса в целом, вероятно, можно считать известные типы дискурса, выделяемые В.И. Карасиком (Карасик 2002).

Д) Каждый тип можно представить как целостную структурированную форму, состоящую из ряда компонентов. В работе В.И. Карасика они названы конститутивными характеристиками. Следует заметить, что морфология (и возможный синтаксис) дискурса, также как морфология и синтаксис языка, не может не быть многоуровневой, а уровни, в свою очередь, организованы как ряд срезов, состоящих из компонентов разной структуры и сложности. Я считаю, что в качестве морфологических компонентов дискурса можно рассматривать совокупности составляющих дискурса, которые М.Фуко называет формациями дискурса (Фуко 1996). Напомню, что М.Фуко описывает формации объектов, модальностей высказывания, концептов и формацию стратегий (тем, проблем), которые определенным образом связаны с другими формациями дискурса.

Вероятно, что, например, основные формации научного дискурса – это формации объектов и концептов (реально они представлены соответствующими тематическими терминологическими словарями), а также формация высказываний, определяющая специфику научных дискурсов. В ней можно выделить несколько субформаций, например, общеупотребительных слов, модусных глаголов и существительных, а также субформацию других средств авторизации и мета-средств, которые служат средствами организации разных дискурсов. Это область собственно лингвистических исследований. Возможно, для научного дискурса в отдельные субформацию или несколько субформаций следует объединить слова и высказывания, описывающие сам познавательный процесс научного исследования. На материале русского языка результаты такого исследования представлены в нескольких статьях Т.М.Цветковой. Т.М.Цветкова дает подробную характеристику типов знания, описывает ситуации получения и обработки данных, работы с известными и новыми знаниями об объекте и соответствующие средства языкового выражения и др. (Цветкова 1996 и 1997 и др.). Виды знания, ситуации, вероятно, можно считать особыми уровнями или слоями дискурса. Сложность исследования конкретных научных дискурсов заключается в том, что в современном мире быстро меняются формации объектов, концептов и, соответственно, высказываний.

Е) В соответствии с задачей научного поиска, письменный и устный дискурсы могут быть описаны как упорядоченное множество дискурсивных сегментов (ДС): (1) Заглавие, т.е. *о Чём* дискурс, тема дискурса; (2) описание того, *о Чём* идет речь и *Что*

сказано – результаты поиска (исследования), характеристика свойств, классификация и др. В зависимости от целей поиска характеристика и особенно классификация могут быть целью исследования и даны как отдельные ДС; (3) объяснение полученных данных и (4) Заключение, Выводы. Очевидно, что таким ДС свойственны определенные типы, или формации высказываний, определенные формы словесного выражения (что видно из их названий), а также совокупности объектов, концептов, методов и др.

Формациям дискурса М.Фуко соответствуют некоторые конститутивные характеристики типов дискурса в работе В.И. Карасика (Карасик 2002). Магистрант нашей кафедры Е.Пержу свела типы дискурсов и их характеристики в таблицу, в которой столбцы содержат названия типов дискурса, а строки - соответствующие данным типам конститутивные характеристики, или формации дискурса, по М.Фуко (см. пример таблицы в конце настоящей статьи). Совершенно очевидно, что формации дискурса М.Фуко и «конститутивные характеристики» дискурса В.И.Карасика есть составляющие дискурса и они соответствуют смысловым координатам матричной схемы. Подобная таблица – это особый способ организации, в данном случае типов дискурса и их составляющих (дискурсивных формаций), соотносимый с парадигматическим, вероятно, наиболее очевидным способом организации языковых единиц после уровней. В виде парадигмы может быть задана организация текстов, например, текст как речежанровая парадигма (Диалектика текста, Т. 2, 2003).

Дискурс, как и сам язык, характеризуется чрезвычайным полиморфизмом, т.е. обилием способов, форм организации составляющих единиц. Важно отметить, что в системе самих форм нет большого порядка. Они не охватывают, как правило, всех соответствующих единиц: за пределами всегда остается ряд неправильных, промежуточных, нерегулярных единиц.

Кроме известных парадигм склонения существительных, спряжения глаголов парадигматическому принципу удовлетворяет организация самих морфологических классов и синтаксических функций. Данная форма организации сопоставима с табличным способом представления результатов описания. Можно отметить возможность парадигматической организации элементов таких слоев, как эмический (emic) и этический (etic), выделенных К. Пайком (Pike 1987). В этом случае одному элементу эмического слоя сопоставляется несколько элементов этического. Такому принципу организации удовлетворяют формы: парадигмы склонения существительных, спряжения глаголов, модель структуры – конкретные структуры, актуализирующие модель, тип – экземпляр/вариант, инвариант – вариант, центр – периферия. Очевидно, что формы организации языковых единиц разных уровней как-то обуславливают и поддерживают

друг друга, например, парадигма и инвариант – варианты. Благодаря этому языковая система действует вполне слаженно, упорядочивая наш жизненный опыт каким-то достаточно умопостижимым образом.

Ж) Общая картина состояния современного дискурса очень пестра, разнообразна. Так, постоянно растет число видов научного дискурса: наряду с образованием новых видов дискурса, происходит совмещение уже существующих видов и возникновение «сдвоенных» и даже «строенных» дискурсов, а также обратный процесс расщепления дискурсов на школы, направления, учения отдельных исследователей и др.) Лингвистам известны такие «со-дискурсы», как матлингвистика, психоллингвистика, социоллингвистика, лингвокультурология, этнолингвистика и др. С другой стороны, лингвистический дискурс разделен на грамматику, синтаксис, лексику, лексикографию, фонетику и др.

Если при порождении дискурса следовать линии совмещения формаций, например, формаций объектов, концептов, стратегий (методов) М.Фуко, но не в плане архива знаний, а в плане современного процесса порождения дискурса, то можно получить и другие виды «со-дискурсов». Так, если существует биологическая энергия, а в структуре имени есть органическая и сенсуальная (биологическая) энергемы (Лосев 1993: 661-664), которые можно рассматривать как объекты и концепты лингвистики, то вполне возможна будет биоллингвистика. Очевидно, что разные виды дискурсов легко получить по предложенной таблице, поставив в соответствие каждому типу дискурса формации остальных типов. Проблема осложняется тем, что, как можно видеть по состоянию современного дискурса, каждая формация любого дискурса отдельно может входить в состав (потенциально) любого другого дискурса, совмещаясь с соответствующими формациями (объектов с объектами, концептов с концептами, высказываний с высказываниями). Таблица показывает, что описания структуры дискурса, рассматриваемой в терминах конститутивных характеристик (В.И. Карасик), в терминах формаций дискурса (М.Фуко) и в терминах смысловых координат (А.И. Варшавская), в общих чертах совпадают. Такова приблизительно в самых общих чертах морфология дискурса как целостного динамического единства, формируемая лишь двумя способами «дискурспорождения», внешними, или экстенсивными, способами совмещения и расщепления дискурсов. Но это проблема отдельного исследования — дискурсологии или когитологии. Названия дискурсов уже могут составить специальный раздел ономастики – «дискурсонимики» или «когитонимики». При исследовании дискурса не следует забывать работы отечественных лингвистов в области организации и стилистики текста.

Дискурс/ Формации дискурса	Лингвистический дискурс	Математический дискурс	Психологический дискурс	Социологический дискурс	Биологический дискурс	Физический дискурс		Бытовой дискурс
КТО, участники	+	+	+	+	+	+		+
Объект	+	+	+	+	+	+		+
Концепт	+		+	+	+	+		+
Высказывание	+	+	+	+	+	+		+
Стратегии	+	+	+	+	+	+		+

Литература

1. Бехерт И. Эргативность как исходный пункт изучения прагматической основы грамматических категорий//Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. М., 1982.
2. Диалектика текста. Т.2. СПб, 2003.
3. Карасик В.И. Языковой круг: Личность, Концепты, Дискурс. Волгоград, 2002.
4. Лосев А.Ф. Бытие — Имя — Космос. М., 1993.
5. Фуко М. Археология знания. Киев, 1996.
6. Цветкова Т.М. О ситуации «осмысления знания» //Коммуникативная лингвистика. М., 1997. С. 6-14.
7. Цветкова Т.М. Семантика и грамматика глаголов научно-познавательной деятельности//Лингвистические маргиналии. Вып.432. М.,1996. С.140-150.
8. Pike K.L. The Relation of Language to the World. IJDL. Vol. XVI, №1. 1987. P.77-98.

Гудкова К.В.

ФИЗИКА VS ЛИРИКА (К ВОПРОСУ О РОЛИ БИНАРНЫХ ОППОЗИЦИЙ В ЯЗЫКОВОЙ И НАУЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА)

Языковую картину мира определяют как исторически сложившуюся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженную в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности. Понятие языковой картины мира восходит к идеям В. фон Гумбольдта о внутренней форме языка, с одной стороны, и к так называемой гипотезе лингвистической относительности Сепира – Уорфа, с другой.

Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (= концептуализации) мира. Свойственный данному языку способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков. С другой стороны, языковая картина мира является «наивной» в том смысле, что во многих существенных отношениях она отличается от «научной» картины. При этом отраженные в языке наивные представления отнюдь не примитивны: во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем научные. Таковы, например, по мнению Ю.Д. Апресяна, наивные представления о внутреннем мире человека. Они отражают опыт интроспекции десятков поколений на протяжении многих тысячелетий и способны служить надежным проводником в этот мир (Апресян 1995:39).

В работах, посвященных языковой картине мира, на первый план выдвигается противопоставление научной системы понятий (представленной в физике, психологии, логике, геометрии, анатомии и т. д.), в совокупности образующих научную картину мира, и обыденной, «наивной» понятийной системы (наивные физика, психология, логика, геометрия, анатомия), которую человек использует относительно независимо от научных знаний (Яковлева 1994:9). Таким образом, вполне устоявшимся является и разграничение научной и «наивной» картин мира.

Под научной картиной мира в данный момент понимают систему наиболее общих представлений о мире, вырабатываемых в науке и выражаемых с помощью фундаментальных понятий и принципов этой науки, из которых дедуктивно выводятся основные положения данной науки. Соответственно, наивная картина мира определяется как «донаучная», представляющая собой отражение обиходных (обывательских, бытовых) представлений о мире.

Что влияет на наше языковое поведение, что определяет выбор языковых единиц – естественнонаучные знания или наивные, обиходные представления? В каких случаях функционирование языковых выражений зависит от «объективных» свойств обозначаемой ими внеязыковой действительности?

Мы живем в реальном мире, законы которого охватывают все стороны нашей жизнедеятельности. А поскольку речь человека осуществляется в реальном мире, то можно предположить, что указанные законы действуют и на нее. Современная физика далеко продвинулась в описании названных законов, но и она еще может объяснить далеко не все. Однако некоторые направления физики уже проникают в некие ранее закрытые области мироздания. Это относится, прежде всего, к квантовой механике, которая занимается описанием процессов, происходящих в бесконечно малых элементах.

А поскольку все большие объекты материального мира, в конечном счете, состоят из малых, то, по всей вероятности, эти законы действуют и на них. Просто у современной науки недостаточно средств и приборов для их описания.

Например, в квантовой механике существует принцип суперпозиции, выведенный эмпирическим путем. Квантовая система в состоянии А приводит при измерении к результату 1. Та же система, находясь в состоянии Б, приводит к результату измерения 2. Пусть мы не знаем, в каком из двух состояний находится система. Тогда принцип суперпозиции гласит, что система находится в суперпозиции состояний (и в А, и в Б одновременно) и только при измерении переходит в одно определённое состояние. При измерении мы можем зафиксировать это состояние, причем только одно. Это связано с грубостью измерительных приборов, вмешательство которых нарушает реальную картину и искажает ее. Принцип суперпозиции пытается описать реальное положение вещей и гласит, что состояние объекта - это суперпозиция состояний, которые не могут быть реализованы одновременно с классической точки зрения, то есть суперпозиция альтернативных (взаимоисключающих) состояний.

Языковая картина мира, как известно, называется наивной картиной мира, поскольку примитивно отражает естественные процессы и явления. Мы хотим показать, что иногда языковая картина мира более точно отражает явления реальности. Продемонстрируем языковую вербализацию принципа суперпозиции. Рассмотрим пример из романа А. Мак Кол Смита *The Kalahari Typing School for Men*.

'Yes,' said Mma Makutsi. 'And there's one other thing. These new detectives are not ladies, like ourselves. These are men.'

*'Ah', said Mma Ramotswe. 'That is a **good** thing, and a **bad** thing too.'*

Некое реально существующее явление, предмет находится одновременно и в состоянии А (good), и в состоянии Б (bad), в соответствии с принципом суперпозиции. В нашем случае роль измерения играет языковая вербализация. И если реальный измерительный прибор может одномоментно зафиксировать только одно состояние, то язык, в отличие от физического прибора, способен «измерить» состояние суперпозиции. Таким образом, вербализация оказывается довольно точным измерительным прибором, который фиксирует оба состояния.

Приведем еще примеры языковой вербализации принципа суперпозиции. Первый пример взят из романа А. Голдена *Memoirs of a Geisha*.

*That afternoon when I met so-and-so... was **the very best** afternoon of my life, and **also the very worst** afternoon.' I expect you might put down your teacup and say, 'Well, now, which was it? Was it the best or the worst? Because it can't possibly have been both!'*

*Ordinarily I'd have to laugh at myself and agree with you. But the truth is that the afternoon when I met Mr. Tanaka Ichiro really was **the best and the worst** of my life.*

Следующий пример - из романа Дж.Патерсона *Beach Road*:

So why don't I feel better about another day in paradise?

*Maybe it's just this neighborhood. Beach Road is wide and elegant, with one ten-million-dollar house after another, but in a way, it's as **ugly** as it is **beautiful**.*

И еще один пример из романа Д. Стейнбека *East of Eden*:

*They walked into the kitchen he **remembered** and **didn't remember**.*

Все приведенные примеры демонстрируют вербализацию принципа суперпозиции, то есть способность языка зафиксировать оба состояния системы. Эта вербализация осуществляется бинарными оппозициями: good-bad, best-worst, ugly-beautiful, remember-didn't remember. Таким образом, язык оказывается более совершенным прибором в своей области, чем физические приборы в области микромира, поскольку приборы фиксируют только одно состояние, а бинарные оппозиции - оба состояния. И наивная картина мира оказывается не такой уж «наивной».

Литература

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания//Вопросы языкознания. № 1. 1995. С.37-67.
2. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.

О.В.Емельянова

В КОНТАКТЕ: SOMEONE VS SOMEBODY

Семиотическая универсалия «свой — чужой» давно привлекает внимание исследователей; интерес к этой проблеме усилился в наши дни в связи с общей антропоориентированностью современной лингвистики. Установлено, что категории «свое» и «чужое» устойчиво входят в коллективные и индивидуальные языковые картины мира.

Естественный язык располагает средствами как включения, так и исключения объектов из «своего» мира или в известной степени соотносимой с ним «личной сферой говорящего» (Апресян 1995: 645). К этим средствам могут быть причислены и английские неопределенные местоимения *someone* и *somebody*, которые далеко не одинаково ведут себя в указанном отношении.

В течение долгого времени считалось, что значения *someone* и *somebody* тождественны, хотя и отмечались отдельные расхождения в их употреблении. В дальнейшем разные ученые, независимо друг от друга, сделали похожие наблюдения, в которых на первый план вышли такие понятия как *индивидуализация / отсутствие индивидуализации* (индивидуализация при этом понимается как акцентирование внимания на *личности* заполнителя актантной позиции). Собранный материал показывает известную зависимость выбора НМ от акцентирования либо личности участника события (*someone*), либо события в целом (*somebody*).

Воздействие на языковое сознание восприятия категории «свое» проявляется в том, что столкновение с ним вызывает реакцию позитивного плана: доверие, симпатию, радость, стремление вступить в контакт (Шунейко 2009:389). На последнем понятии следует остановиться подробнее. Выделяют следующие основные типы контактов: пространственный и перцептивный как его разновидность, физический, психический и социальный. В ситуациях, отражающих все эти типы контактов, отмечено безусловное преобладание НМ *someone*. Контекст зрительного восприятия актуализируется главным образом за счет глаголов *to see* и *to watch*, слухового – *to hear*. При анализе английского материала, как в художественной литературе, так и в *British National Corpus (BNC)* обнаружено большое количество примеров с НМ *someone* в контекстах, актуализируемых за счет так называемых перцептивно-контактных глаголов *meet* и *encounter*. Установление контакта происходит самыми разными способами; физический контакт (непосредственное соприкосновение), даже совершенно нежелательное для объекта, также является способом, пусть и весьма своеобразным, включить этот объект в личную сферу: *Then someone slapped her face (BNC AEB 394)*. Ср. также *someone pushed her; someone had slammed into her with his full weight; afraid of inadvertently hitting someone behind the door, someone bashed him on the back, someone grabbed his hand* и пр.).

Не все пространственные и перцептивные контакты получают дальнейшее развитие, однако именно они делают возможным появление следующих этапов контакта. Социальный контакт – это определенная система, в которую входят минимум два лица, некая ценность, являющаяся основой контакта, и какие-нибудь взаимодействия по поводу этой ценности: *...so wherever you are in the country, you (лицо 1) can contact someone local (лицо 2) when you need the union's help (ценность) (BNC A6A 1829)*.

В зависимости от того, кто заинтересован в контакте, они могут быть формальными и неформальными (основанными на индивидуальных потребностях лица). Именно в контекстах осуществления неформального контакта регулярно используется НМ *someone*. Подобные контексты реализуются за счет регулярного использования

глаголов говорения tell, say, ask, talk и др. в случае прямого (непосредственного) контакта. Опосредованные, т.е. устанавливаемые через различные средства коммуникации, контакты также отражаются в контекстах с использованием НМ someone: someone had phoned me, he was calling to someone; real urge to speak to someone on the phone.

Перечисленные виды контактов могут складываться в различные комбинации, создавая контексты включения объекта в личную сферу самыми разными способами, напр. to agree with / stay with / choose / marry / pay / trace someone и др., каждый из которых так или иначе манифестирует готовность впустить объект в «свой» мир. Сочетание пространственной в самом прямом смысле слова (впустить в свой дом) и психологической (доверять) близости представлено в следующем примере: 'She never would have buzzed someone into the lobby of her building, then opened the door of her apartment unless she felt she could trust that person' (Clark, 187).

Психологическая и эмоциональная близость, служащая основанием для включения объекта (прежде всего человека) в личную сферу говорящего, реализуется разными контекстными средствами. Любовь, дружба, симпатия, привязанность – вот те взаимоотношения, в сфере которых неизвестный (или не называемый по каким-то причинам), но индивидуализированный объект обозначается НМ someone: But as we drew close to the Golden Gate, I had a premonition that I was riding with someone I was meant to be with, and definitely someone I liked to be with (Rendell, 132). Примеры такого рода многочисленны и разнообразны: be attracted to / care about / care for / be crazy about / fancy someone; someone dear to you; someone very close, someone really important, someone you love и многие другие.

В изолированных примерах трудно объяснить проникновение somebody в контексты, для которых, как мы могли убедиться, характерно преобладание НМ someone. Однако привлечение более широкого контекста художественных произведений подтверждает возможность функционально-смысловой дифференциации этих НМ. Так, установление непосредственного личного контакта в следующих двух примерах выражено одним и тем же глаголом meet: When Dee phoned she mentioned someone she met at the Binky-Charley party who seemed very smitten with you (Clark, 73); ...And I was right to worry, he thought. Clearly, the minute she was away from me she met somebody (Clark, 38). В первом случае НМ someone привычно вписывается в контекст «своего» мира с характерной для него заинтересованностью и доброжелательностью. Во втором речь идет о патологическом ревнивце, болезненно переживающем воображаемую неверность жены; можно трактовать использование НМ somebody как попытку исключить враждебный говорящему объект (представителя «чужого», враждебного мира) из своей личной сферы.

По данным Британского корпуса, соотношение между НМ и составляет примерно 70% к 30%; приблизительно такие же данные получены при анализе текстов художественных произведений. В свете сказанного выше хотелось бы думать, что подобное соотношение свидетельствует о возрастающей готовности людей идти на контакт, впустить в свой мир. Хотелось бы верить, что это, в свою очередь, отражает известное смягчение нравов, что люди становятся более открытыми и доброжелательными – однако, по-видимому, такие выводы были бы преждевременными.

Источники

1. Clark M.H. You Belong to me. London, 1999.
2. Rendell R. The Monster in the Box. Arrow Books, 2009.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная картина мира // Интегральное описание языка и системная лексикография. Избранные труды. Т.2. М., 1995.
2. Шунейко А.А. Свое, чужое и срединное // Слово – чистое веселье. Сб. статей в честь А.Б. Пенъковского. М., 2009. С. 388-395.

Зеленищikov А.В.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ В ГЕНЕРАТИВНОМ СИНТАКСИСЕ

Исследования в области генеративного синтаксиса последних десятилетий, руководствуясь так называемой минималистической программой, предложенной Н. Хомским в 1995г. (Chomsky 1995), строятся на базе двух фундаментальных принципов, которые определяют универсальность синтаксической структуры языковых конструкций. Это, во-первых, методологический принцип *бинарности* синтаксических отношений, заключающийся в том, что любая языковая структура организована отношением между двумя элементами (конституентами), один из которых является головным членом отношения, определяющим основные свойства образующегося двучленного единства. Во-вторых, это принцип *рекурсивности*, предполагающий, что любой конституент синтаксической структуры может содержать (включать) в своем составе другой конституент, обладающий собственной (или аналогичной) синтаксической структурой.

Язык как определенная вычислительная система, используя *минимальный* набор операций, генерирует из выбранных из лексикона единиц синтаксически организованные языковые объекты, поступающие на вход двух систем, интерпретирующих языковые

структуры как в перцептивно-артикуляционном, так и в концептуально-интенциональном аппарате общей когнитивной организации человеческого сознания.

В статье кратко рассматривается специфика построения (деривации) предложений (фраз) в минималистической теории с целью показать относительное место функциональных и лексических категорий в репрезентации синтаксических структур.

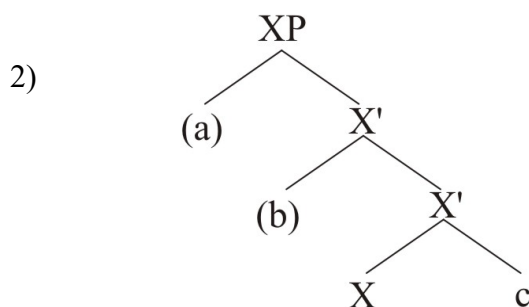
Общую схему строения фразы можно задать правилами:

1a) $XP \rightarrow \dots X' \dots$

1b) $X' \rightarrow \dots X' \dots$

1c) $X' \rightarrow \dots X \dots$

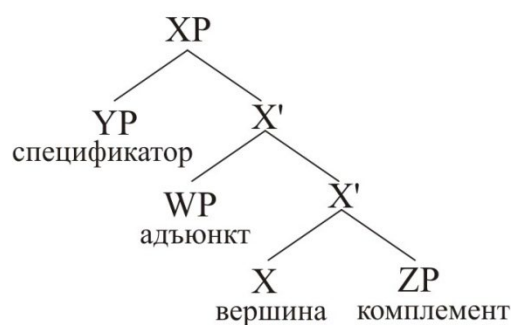
Правило (1a) утверждает, что любая **лексическая** категория (NP, VP, AP, PP) помимо обязательного наличия головного члена может содержать факультативные элементы; правило (1b) учитывает возможность неоднократного введения элементов в состав фразы, отражая тем самым свойство *рекурсивности* синтаксической структуры. Наконец, правило (1c) требует, чтобы в составе фразы обязательно была ее вершина (категория X). Представим это в виде дерева:

Теория, которая строится на базе правил (1), учитывающих наличие (и рекурсивность) промежуточных уровней X' в иерархической синтаксической структуре фразы, называется **X-штрих** теорией (или X'-теорией) (более подробное изложение основных положений X-штрих теории см. в (Зеленщиков 2012)).

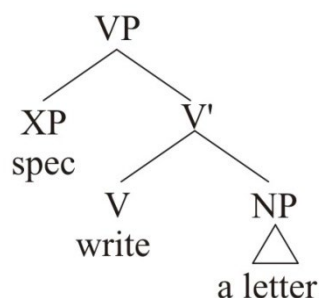
X'-теория утверждает, что общая схема дерева составляющих, построенная в соответствии с общими правилами (1), является универсальной структурой, присущей всем синтаксическим группам во всех языках мира. Не только группа NP или AP и предложная группа PP обладают такой структурой, но и, как увидим ниже, группа глагола VP также может быть построена по этой же схеме. Более подробно, с указанием фразовых конститuentов (XP, YP, WP, ZP) и их синтаксических характеристик (функций), такая схема приведена в примере (3):

3)

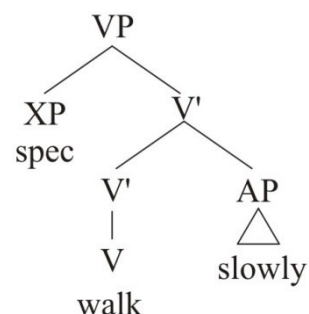

Структура глагольной группы строится по тем же правилам. Так, деревья составляющих фраз с непереходным (walk) и переходным (write) глаголами даны, соответственно, в (5) и в (4):

4)

5)

Позиция спецификатора (spec) в (4) и (5) не занята (лексически не выражена), но в дальнейшем увидим, что в соответствии с гипотезой «внутреннего субъекта глагольной группы» (VP-internal subject hypothesis) эту позицию занимает субъект – подлежащее предложения.

Повторим, что эта схема

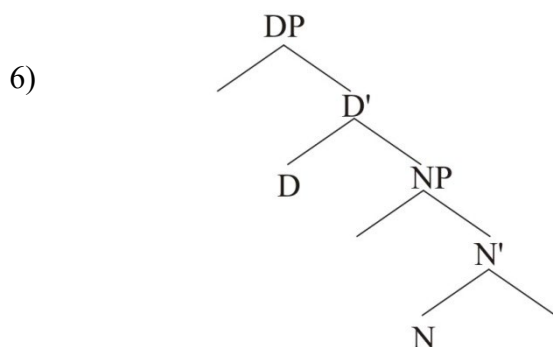
а) стоит на отношении доминирования между конstituентами (конституент А содержит в своем составе конstituенты В и С);

б) учитывает свойство рекурсивности языковых структур (конституенты В и С могут, в свою очередь, состоять из других составляющих);

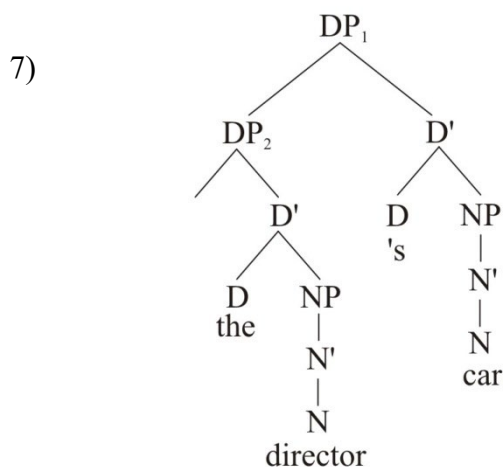
в) устанавливает статус (функцию) элементов в иерархии конstituентов, выделяя вершину фразовой категории, определяющую семантико-синтаксические характеристики всей фразы, включая возможное наличие или отсутствие в ее составе других фразовых категорий – конplementов, адьюнктов и спецификатора.

Структура группы существительного включает детерминант (артикл, указательное или притяжательное местоимение и др.), который подобно вершине лексической фразовой категории (N, V, A, P) не содержит других элементов в своем составе. Это дает основание

рассмотреть его как *вершину* отдельной **функциональной** фразовой категории – группы детерминанта DP (determiner phrase):

Введение DP вместо привычной лексической категории NP с вершиной N обусловлено, в частности, тем, что такая схема позволяет адекватно описывать строение не только фраз типа (*артикль*) + *существительное*, но и сочетаний с существительным в притяжательном падеже: the director's car или the girl I saw yesterday's name. Такие конструкции, как известно, могут заменить группу существительного с предложной группой of + NP, ср.: the car of the director; the name of the girl I saw yesterday. Важно, однако, что после существительного в притяжательном падеже (с маркером 's) невозможно употребление другого детерминанта: *the director's the car или *the girl I saw yesterday's the name. Это означает, что маркер 's и другие детерминанты находятся в отношениях дополнительной дистрибуции и, следовательно, 's можно рассматривать как вариант детерминанта, т.е. *вершины D группы детерминанта DP*. Дерево составляющих (7) представляет структуру фразы The director's car:

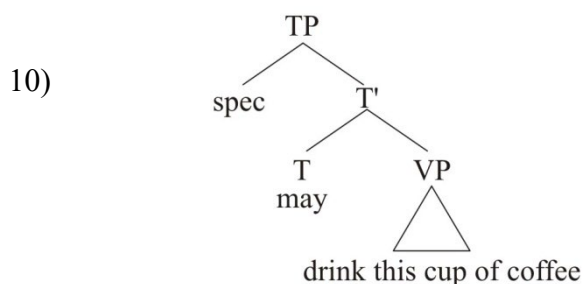
Таким образом, в качестве синтаксической вершины фразы в теории выступают, с одной стороны, **лексические** категории (N, V, Adj), которые обладают субстантивным значением, приписывают тета-роли (семантические роли) своим аргументам (комплеентам) или получают соответствующую роль, выступая в качестве аргумента, и являются открытыми классами лексических единиц. С другой стороны, в качестве вершины синтаксической фразы могут выступать элементы, которые не имеют субстантивного значения, не приписывают и не получают тета-ролей и являются представителями закрытых классов языковых единиц. Занимая позицию вершины синтаксической фразы, такие *функциональные* единицы содержат лексические категории в качестве своих комплементов.

Предложение с глагольным сказуемым также анализируется с использованием функциональных категорий в роли вершины его синтаксической структуры. Если применить один из диагностических тестов, определяющих конstituенты в составе словосочетаний, то можно показать, что маркеры модальности и времени расположены «выше» в иерархической синтаксической структуре фразы-предложения, чем собственно глагольная группа, представляющая его сказуемое. Ср. предложение (8) и его вариант (9):

8) John may drink this cup of coffee;

9) What John may do is drink this cup of coffee.

В предложении (9) глагол do заменяет глагольную группу VP (drink this cup of coffee), в которую модальный глагол may не входит. Схематически отношения между модальным глаголом и VP можно представить следующим образом:

В этой схеме TP (Tense Phrase) – функциональная категория, включающая собственно время, модальность, вид (ТМА), взаимное расположение которых относительно друг друга в настоящей статье рассматриваться не будет.

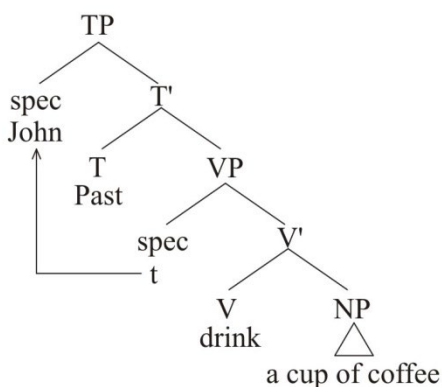
В предложении (11) показатель прошедшего времени – первичный вспомогательный глагол did – вынесен за пределы глагольной группы VP (drink a cup of coffee) и занимает позицию вершины группы TP, представляющей функциональную, а не лексическую, категорию:

11) John drank a cup of coffee.

12) What John did was drink a cup of coffee.

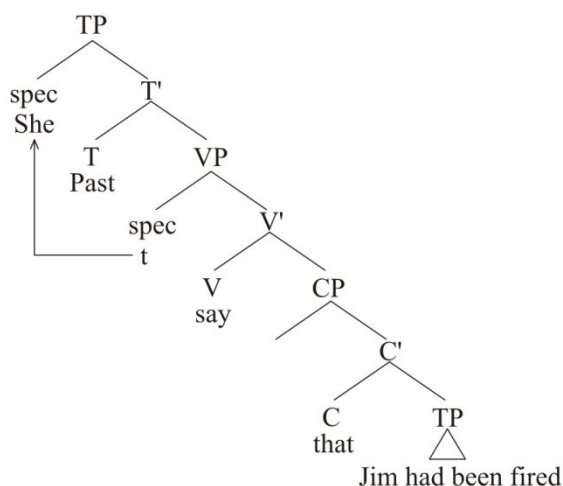
Конституент T, как головной член (вершина) категории TP, содержит комплемент, представленный лексической категорией VP. Важно подчеркнуть, что хотя в предложении (11) прошедшее время выражено формой самого глагола, это не рассматривается как «нарушение» общей схемы синтаксического анализа: конституент T в подобных случаях представляет «абстрактное значение Past, которое реализуется в фонетическом компоненте грамматики как соответствующая форма глагола-сказуемого. Общая (упрощенная) схема (13) синтаксической структуры простого предложения отражает не только включение лексической категории в состав функциональной, но и показывает (с помощью стрелки) обязательное «перемещение» субъекта предложения (John) в позицию спецификатора TP.

13)

Структура сложноподчиненного предложения She said that Jim had been fired с придаточным дополнительным предложением, вводимым с помощью комплементатора that, приведена на схеме (14):

14)

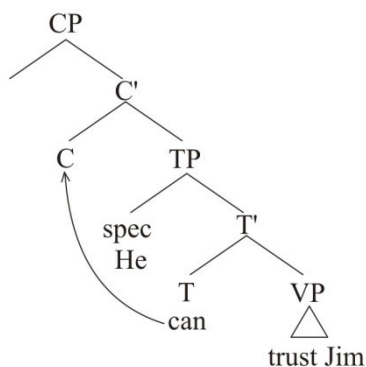

CP (Complementizer Phrase) с вершиной C, реализуемой союзами (that, if и др.), составляет еще один уровень организации предложения, включающий TP. Есть, однако, основания полагать, что подобной структурой обладают не только придаточные конструкции, но и простые предложения. Так, по данным Атласа языков мира (WALS), общий вопрос (yes/no question) в большинстве рассмотренных языков (520 из 842) образуется с помощью частицы, которая занимает в декларативном предложении отдельную позицию и указывает, что данное предложение является вопросительным предложением. Например, во французском языке выражение Est-ce que в начале простого декларативного предложения рассматривается как показатель общего вопроса:

15) Est-ce que le president vient? – Is the president coming?

В английском языке вопросительные предложения образуются с помощью инверсии вспомогательного глагола, который в рассматриваемой теории занимает место головного члена категории CP (см. (16)). Таким образом, уровень CP представляет коммуникативную характеристику предложения-высказывания.

16)

В результате, универсальная грамматика строит (формальную) модель иерархических отношений между тремя основными уровнями синтаксической структуры предложения - уровнем VP (точнее vP), на котором определяются отношения между глаголом и его компонентами – предикатом и его аргументами Этот уровень можно назвать *актантным* уровнем, на котором определяются свойства участников описываемой ситуации (определенность-неопределенность, кванторные и анафорические отношения), *ситуативным* уровнем TP, где устанавливается «место» и способ существования/осуществления описываемой ситуации в мире (в частности, во времени), и уровнем CP, определяющим характеристику предложения в целом и включающим указание на коммуникативный тип предложения, его информативную структуру и его место в тексте-дискурсе. Отдельный уровень составляет ряд согласовательных и структурных отношений (категории лица, числа, рода, падежные отношения и др.), описываемый в грамматике посредством операций проверки соответствующих категориальных признаков.

Литература

1. Зеленщиков А.В. Основы универсальной грамматики. СПбГУ, 2012.
2. Chomsky N. The Minimalist Program. Cambridge (Mass.), 1995.

Кожокина А.В.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КАУЗАТИВНОЙ КОНСТРУКЦИИ С ГЛАГОЛОМ TO MAKE

Цель настоящей статьи – рассмотреть особенности механизмов каузации в каузативной ситуации (КС) с глаголом to make. Глагол to make задает ситуацию: «Х каузирует У сделать/ стать Р, где х – каузатор, у – объект каузации, р – каузируемое состояние. Мы попытаемся ответить на вопрос «почему объект определенным образом реагирует на воздействие каузатора?», «что позволяет объекту подвергаться этому воздействию?», «на что он опирается, производя ответную реакцию?».

Выделяются непосредственный и опосредованный виды воздействия каузатора на объект каузации. При непосредственном прямом воздействии связь каузатора и объекта каузации (человека) подчинена естественным закономерностям, например: (1) *Perpet makes me sneeze.*

В опосредованном типе каузации важна не природная сила каузатора, а особенности объекта каузации, его готовность, способность откликаться на внешнее воздействие. Для того, чтобы стать каузатором, необходимо, чтобы каждая новая ситуация

была выделена человеком из реальной действительности и ей должна быть присвоена функция каузации. При восприятии некой ситуации у человека есть естественная способность выделить в ней квалиа (Dennett 1988). Условно, после того, как человек выделил квалиа в перцепте, он готов отреагировать на него своим дальнейшим поведением, состоянием, реакцией. (2) The hushed, intent faces of the people at the garage door made him automatically put on the brakes. Субъект нажал на тормоз, поскольку увидел в лицах нечто особенное, т.е. именно выделенная в увиденных лицах квалиа заставила его затормозить. Таким образом, через квалиа образуется связь каузатора, объекта каузации и его состояния/ действия.

Глагол to make также может указывать на готовность объекта каузации в таких КС, в которых каузатор и объект каузации являются неодушевленными предметами, например: (3) The wind made the bells ring. Звон колокольчика обусловлен его внутренними особенностями, и то, что он звонит, является скорее его «виной», чем стремлением ветра заставить его делать это.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что для КС с глаголом make характерно выражать смысл не о каузаторе, а об объекте каузации (человеке, неодушевленном предмете). Благодаря особенностям своего сознания, в частности способности испытывать квалиа, поступки человека, его действия, состояния являются следствием, результатом действия созданной им причины.

Источники примеров

www.natcorp.ox.ac.uk

Литература

Dennett D.C. Quining Qualia // Consciousness in Modern Science / Ed. A. Marcel and E. Bisiach. Oxford University Press, 1988

Нидциалковски М.А. МОДЕЛИ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С МОДАЛЬНЫМИ ГЛАГОЛАМИ

Предложения с модальными глаголами как предмет изучения привлекает все большее внимание исследователей. Так, в 2011г. исследовательская группа «Наблюдения за использованием английского языка» (Survey of English Usage) Лондонского Университета опубликовала результаты исследования относительно частоты употребления различных моделей предложений с модальными глаголами. Этой группой были проанализированы примеры, содержащиеся в London-Lund Corpus, собранные с 1960-х по

1970-е гг., и примеры из International Corpus of English, датирующиеся 1990-ми гг. Целью настоящего доклада является анализ использования модальных глаголов в вопросительных предложениях по результатам опубликованного исследования.

В результате анализа результатов исследования все предложения вышеуказанного типа можно разделить на четыре модели:

modal+VP

modal+perfect HAVE+ VP

modal+progressive BE+VP

modal+passive BE+VP

Внутри каждой модели в зависимости от структуры предложения можно выделить четыре основные подтипа:

1. modal+subject+VP
2. modal + X+ subject + VP / modal + subject + X + VP (Например, “Can you just do it?“)
3. modal with semi-auxiliaries (Например, “Would you begin to investigate this case?“)
4. tag questions

В заключение следует отметить, что данное исследование, проведенное Б. Аартсом, С. Валлисом и Дж. Бови, показало, что большинство проанализированных примеров относится к первой модели (modal+VP) – 86%. Кроме того, первый подтип является наиболее распространенным, за ним по частотности следует второй подтип; третий и четвертый подтип встречаются крайне редко. Согласно статистическим данным, частотность употребления модальных глаголов в вопросительных предложениях в проанализированных примерах с 1960-х по 1970-е гг. в сравнении с примерами, датируемыми 1990-ми гг., незначительно падает.

Литература

Aarts B., Wallis S., Bowie J. Profiling the English Verb Phrase over Time: Modal Patterns. University College London, 2011.

Рамантова О.В.

**КОММУНИКАТИВНЫЙ ВКЛАД ГОВОРЯЩЕГО И СЛУШАЮЩЕГО
В СИТУАЦИИ ПЕРЕДАЧИ СЛУХОВ.**

Прежде всего, следует обозначить основные характеристики ситуации передачи слухов. Ведущим критерием выделения такой коммуникативной ситуации является то,

что говорящий не является первоначальным источником передаваемой им информации. В остальном данная ситуация вполне соответствует традиционному представлению об устном общении, а именно: ситуация передачи слухов предполагает наличие участников диалога (говорящего и слушающего), сообщения, определенных обстоятельств коммуникации, указания на источник информации. В зависимости от целей общения значимость приобретают статус и личные взаимоотношения коммуникантов – в ситуации передачи слухов, как показало исследование, этот аспект особенно важен для верификации сообщения.

Центральная роль в ситуации порождения и дальнейшего распространения слуха принадлежит говорящему и слушающему, попеременно владеющими приоритетом ведения диалога. При этом возможны следующие варианты композиции такого диалога: 1) говорящий и слушающий; 2) говорящий, его непосредственный слушающий и пассивные слушающие. В зависимости от коммуникативных целей говорящего передаваемое им сообщение может быть адресовано только слушающему его коммуниканту (как в п.1.), либо, передавая информацию одному слушающему, говорящий желает воздействовать на другого слушающего, о присутствии которого он осведомлен, но который не является активным собеседником (как в п. 2.).

В зависимости от речевых намерений коммуникантов следует различать разную степень их коммуникативного вклада в передачу слуха. Наиболее общими речевыми намерениями коммуникантов являются следующие установки:

- a) сообщение о чем-то;
- b) запрос информации;
- c) побуждение к действию или, наоборот, его прекращению;
- d) выражение т.н. «желательности» той или иной ситуации (Печникова 2008: 3).

Для ситуации передачи слухов наиболее частотными являются высказывания, которые по коммуникативному типу представляют собой вопросительные и повествовательные предложения. Это соответствует естественному ходу диалога, в котором один из коммуникантов обнаруживает неподтвержденность сведений, неопределенность источника, на который ссылается говорящий. Следовательно, слушающий задает вопросы, которые могут быть направлены как на выяснение подробностей самого слуха, так и на уточнение обстоятельств, при которых была получена обсуждаемая новость. При таком положении дел будет справедливо присудить основную роль в дальнейшем движении слуха именно слушающему коммуниканту. Тем не менее, стоит учитывать и то, что говорящий, отвечая на вопросы, передает не только свои знания, но и свое мнение, а это в свою очередь может модифицировать или серьезно

исказать сведения и повлиять в дальнейшем на дезинформирование других слушающих, пусть и опосредованным образом.

Нужно признать, что говорящий несет определенную ответственность за достоверность сообщаемой им информации, но поскольку слушающий становится следующим потенциальным звеном в движении слуха, именно ему и принадлежит доминирующая роль в ситуации передачи слуха. Он получает информацию и *на основании сложившейся у него картины мира* передает ее дальше.

Исследованный материал показал, что возможны и такие диалоги, в которых говорящий и слушающий только делятся информацией на одну и ту же тему. Ни один из коммуникантов намеренно не задает вопросы с целью ликвидировать пробел в своих сведениях. В данной ситуации правильнее говорить о равном участии говорящего и слушающего в передаче и интерпретации слуха. Но это частный, более редкий случай распространения слухов.

Источники

Shakespeare W. Complete works. London, 1965.

Литература

1. Печникова Н.А. Коммуникативные типы предложений (материалы спецкурса). Ульяновск, 2008.
2. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. Москва, 2009.

Смирнова Е.А.

К ВОПРОСУ О ВИДАХ ИНКОРПОРАЦИИ

Первые попытки классифицировать инкорпорацию были предприняты Э.Сепиром, который положил в основу своей классификации синтаксические отношения между элементами сложного глагола. Э.Сэпир выделяет **инструментальный** (например, *to steam-run* «работать на пару»), **локативный** (*to concert-sing* – *петь в концерте*), **объектный** (*to song-write* – *писать песни*) и **субъектный** типы инкорпорации имени. На наш взгляд, предложенную Э.Сепиром классификацию можно продолжить, поскольку синтаксические отношения между глаголом и именем не исчерпываются типами, перечисленными выше. Нами была предпринята попытка создать классификацию английских глаголов с инкорпорированными актантами, положив в основу семантические функции актантов, предложенные В.В.Богдановым (Богданов 1977: 52-55): 1. **Инструментатив + глагол**: а) неотчуждаемое орудие + глагол (например: *breastfeed* – *кормить грудью* [1], *handcraft* – *изготавливать вручную*); б) инструмент + глагол (*bottle-*

feed – вскармливать искусственно, *pinprick* – уколоть); в) природная или нематериальная сущность + глагол (*windsurf* – заниматься виндсерфингом, *spellbind* – очаровывать); 2. **Объектив + глагол** (*housekeep* – вести домашнее хозяйство, *baby-sit* – сидеть с детьми); 3. **Локатив + глагол** (*housebreak* – совершать кражу со взломом); 4. **Дескриптив + глагол** (*chain-react* – давать цепную реакцию); 5. **Элементатив + глагол** (*landslide* – оползать, обваливаться); 6. **Агентив + глагол** (*brain-drain* – эмигрировать для получения работы на более выгодных условиях).

Еще один способ классификации глаголов с инкорпорированными именами, предложенный Э. Сепиром, заключается в различении языков, которые (как ирокезские, пауни, шошонские и такелма) **префигируют** инкорпорлируемые имена к глагольной основе, и таких, которые (как яна и цимшиан) **суффигируют** их (Сепир эл.р.). В современном английском языке инкорпорированные актанты либо префигируются к глагольной основе (*to breastfeed*), либо вообще не имеют синтаксического выражения (*to bottle*), что позволяет говорить еще о двух видах инкорпорации.

Как отмечает М.А. Анохина, в английском языке инкорпорированный актант может быть представлен **адгенентно** в составе глагольных композитов, т.е. синтаксически (например, *brainwash* – промывать мозги), или **ингерентно**, в форме семантического компонента, не получающего синтаксического выражения (например, *heel* – ставить каблуки, *chicken* – трусить) (Анохина 2006: 7). При переводе таких глаголов на русский язык оба компонента обычно получают адгенентное выражение.

Существуют и другие подходы к классификации типов инкорпорации. Так, М. Митун классифицирует инкорпорацию, основываясь на идее о наращивании функций инкорпорированных комплексов в речи. Выделяется четыре вида инкорпорации, которые носят иерархический характер, т.е. в языке может присутствовать каждый последующий тип только при наличии предыдущего: 1. Лексическое сложение – образование сложных лексических единиц из двух или более основ. Этот тип инкорпорации характерен, например, для языков австралийских аборигенов. Важной особенностью данного типа является потеря актантами глагола своего синтаксического статуса и грамматических категорий, таких как определенность/неопределенность, число, падеж. 2. Манипулирование падежом. В ряде языков, в которых возможно образование сложных слов из глагола и существительного, т.е. представлен первый тип инкорпорации, наблюдается второй тип, который является, по мнению М. Митун, естественным развитием первого типа. При втором типе инкорпорации меняется структура инкорпорированного комплекса: косвенное дополнение занимает место, освободившееся после инкорпорации прямого дополнения, т.е. когда в переходном глаголе

инкорпорируется прямое дополнение, инструментатив, локатив или бенефициатив (в терминах В.В.Богданова) может занимать освободившуюся позицию дополнения. 3. Манипулирование структурой дискурса. Носители некоторых языков используют этот способ выражения мысли для передачи уже известной или второстепенной информации. Данный тип характерен, например, для камчато-чукотских языков. 4. Классификационная инкорпорация существительных – существительное с относительно обобщающим значением инкорпорируется в глагол, за которым может следовать более конкретная именная группа, которая служит определителем для инкорпорированного актанта глагола. В качестве именной группы может выступать указательное местоимение и/или прилагательное и/или существительное. Данный тип инкорпорации характерен для языков, в которых встречаются все предыдущие типы, в частности для могавка (Mithun 1984: 848-872).

В английском языке из выделенных М. Митун четырех типов инкорпорации встречается только первый, который представлен рядом глаголов, причем инкорпорированный актант может быть представлен не только **существительным**, но и **прилагательным**, например *white-wash* – *обелять, скрывать недостатки*, *quick-freeze* – *быстро замораживать (продукты)*.

Таким образом, в английском языке встречаются инкорпорированные комплексы, образованные по схемам **существительное + глагол** и **прилагательное + глагол**. По типу инкорпорированного актанта можно выделить глаголы с инкорпорированными **инструментативом, локативом, объективом, дескриптивом, элементативом, агентивом**. Данные актанты могут быть представлены как **адгенентно**, так и **ингерентно**.

Примечания

[1] Здесь и далее использовался Новый большой англо-русский словарь под ред. Ю.Д. Апресяна.

Литература

1. Анохина М.А. Явление инкорпорации в английской глагольной лексике: на материале адвербиальных глаголов английского языка: Дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2006.
2. Апресян Ю.Д. Новый большой англо-русский словарь <http://www.classes.ru/dictionary-english-russian-Apresyan-term-3174.htm>
3. Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л., 1977.
4. Большой Энциклопедический Словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/139314>

5. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии.
http://www.classes.ru/grammar/145.Sepir/source/worddocuments/_21.htm
6. Mithun M. The Evolution of Noun Incorporation // *Language*, Vol. 60, No. 4 (Dec., 1984), pp. 847-89 <http://www.jstor.org/stable/413800?origin=JSTOR-pdf>

ЛЕКСИКОЛОГИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Авдеева Л.А.

СЕМАНТИЗАЦИЯ ТОПОНИМОВ В СЛОВАРЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ЛОНГМАН»

В словарной практике последних десятилетий действуют две диаметрально противоположных тенденции: тенденция к универсальности словаря и тенденция к его узкой аспектизации. Направление универсализации вызвало появление справочных изданий смешанного типа, удачно использующих энциклопедические и лингвистические приемы описания слов (Герд 1997:201). Словарь английского языка и культуры издательства «Лонгман» (Longman Dictionary of English Language and Culture, далее – САЯК) являет собой новый тип, обладающий помимо указанных еще и культурологическими характеристиками. Культурологическая направленность САЯК проявляется, в частности, в том, что топонимы фигурируют в качестве входных единиц словаря и сопровождаются семантизацией в правой части словарной статьи, нацеленной на расширение культурологического содержания леммы-топонима.

В предлагаемом ниже примере семантизация единицы словника **Berlin Wall** включает экспликацию признака связи называемого объекта с фактами истории.

Информацию подобного типа находим в статьях, вводимых вокабулами **Arnhem**, **Appomattox**, **Old Vic**, **Washington Monument** и др.

Помимо связи с историей народов в словарных статьях лемм-топонимов эксплицируются следующие культурологические признаки называемых объектов: связь со сферой искусства (напр. леммы **Cannes**, **West End**, **Manhattan**), образования (**Oxford**, **Escorial**), обслуживания (**Bond Street**, **Madison Avenue**), связь с различными видами спорта (**Alps**, **Aviemore**, **Lough Neagh**), хозяйственно-экономической деятельностью человека (**North Carolina**, **Oxfordshire**, **Nebraska**), религиозными убеждениями (**Lebanon**, **Jerusalem**, **Wailing Wall**), признак популярности в сфере туризма (**Ayers Rock**, **Bognor Regis**, **Brighton**), популярности среди носителей языка (**Big Ben**, **Northumberland**, **Niagara Falls**), ценности музейных коллекций (**Victoria and Albert Museum**, **Louvre**, **National Gallery of Art**) и др. Культурологическое содержание многих вокабул расширяется путем использования ссылок на цветные фотографии и карты, включенные в корпус словаря (**Berlin Wall**, **Brighton**, **Big Ben**, **West End**).

Отмечаемое многопризнаковое описание семантики топонимов в САЯК не охватывает всю топонимическую часть словника. Некоторые статьи интерпретируют

значение топонима по схеме, включающей в свой состав только классифицирующее имя и обязательный модификатор – указание на ареал расположения называемого объекта.

Admiralty Arch...the large arch which stands between the Mall and Trafalgar Square in central London.

С другой стороны, многие словарные статьи раскрывают содержание топонима путем экспликации целого ряда разнообразных признаков географического объекта.

Los Angeles...the second largest city in the USA, which is in California on the Pacific coast – see colour maps on pages 1374-5.

>CULTURAL NOTE Los Angeles is famous for being the centre of the American film industry (in **Hollywood**) and for having lots of rich and beautiful people. Many people come to live in Los Angeles because of the good weather, but people who do not like Los Angeles think that only CRAZY or strange people live there and sometimes call Los Angeles La-La Land. There are many FREEWAYS in Los Angeles and it is difficult to go anywhere without using a car so Los Angeles is also a place with very bad air POLLUTION or SMOG because of the cars and industry. In 1992, there were serious race RIOTS in Los Angeles following a decision by a court to free four white policemen who had beaten a black man, Rodney King. A number of people were killed, and many buildings, esp. in the poor areas of the cities, were burned. – see also HOLLYWOOD<

Опыт использования культурологической информации при раскрытии содержания топонимов в САЯК нуждается в унификации, но очень наглядно представляет язык в его непосредственной связи с культурой

Литература

1. Герд А.С. К определению понятия «словарь»./Проблемы лексикографии./ Под. ред. А.С.Герда и В.Н.Сергеева. СПб., 1997. С.191-203.

Ачкасов А.В.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ПОЛИТИКА ГАРМОНИЗАЦИИ ТЕРМИНОЛОГИИ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ

Программа по гармонизации европейских систем образования, целью которой является обеспечение «прозрачности» и сопоставимости систем образования по основным структурным и содержательным параметрам, требует унификации и гармонизации основного терминологического фонда инициатив ЕС.

Работа по функционально-понятийной и терминологической гармонизации наднационального терминологического фонда реализуется на двух «ярусах» обобщения.

Верхний «ярус» предполагает создание наднациональной системы понятий (терминов), имеющих единый объем значения, общие дефиниции и функционирующих в качестве метаязыка для всех участников процесса гармонизации. Это, например, терминология, представленная в документах ISCED (*International Standard Classification of Education*), ECTS (*European Credit and Transfer System*), *Diploma Supplement* и *Tuning Project*. Нижний ярус включает систему понятий, варьирующихся в национальных системах образования, но имеющих общие базовые дефинитивные признаки, заданные категориями верхнего яруса (например, терминология базовых компонентов структуры образования, квалификаций, систем аккредитации и контроля образования и т.д.). Терминология «верхнего яруса» представляет собой строго дефинированные понятия, составляющие собственный фонд инициатив, обеспечивающих возможность сопоставления отдельных параметров образовательных систем, в основном в аспектах уровней и результатов обучения. Терминология «нижнего яруса», при общности основных дефинитивных признаков, имеет национальные «измерения» и поэтому нередко требует пояснений.

Примером формирования наднациональной системы концептов является терминология ISCED, которая является частью семейства международных классификаций ООН [1] и создает понятийную сетку для классификации образовательных систем. ISCED разработана как «основа для классификации образовательных программ на основе категорий, согласованных на международном уровне» [2] по двум основным классификационным признакам: уровням образования (*levels of education*) и направлениям образования (*fields of education*). Основным терминологическим фондом ISCED, в соответствии с этим, являются наименования уровней образования, наименования категорий, которые могут соответствовать разным уровням образования (*general education, vocational education, first degree, second degree* и т.д.) и наименования направлений образования (86 наименований в проекте ISCED 2011), которые сгруппированы тематически (*General Programmes, Education, Humanities and Arts, Social Sciences, Business and Law* и т.д.). Основу наименований уровней образования составляют кластеры терминокомпонентов, указывающие на разные классификационные признаки понятий (*primary–secondary–tertiary; lower–upper, post–non, general–vocational*). В ISCED 1997 набор компонентов был значительно шире, и имелись дублетные наименования одних и тех же уровней образования. В проекте ISCED 2011 набор терминокомпонентов изменен. В частности, указание на уровни третьего цикла образования осуществляется не с помощью терминокомпонента *stage* (*first stage of tertiary education, second stage of tertiary education*), а с помощью дифференцирующих компонентов *short cycle, bachelor, master, doctoral*, используемых в других инициативах

ЕС, что свидетельствует о тенденции к терминологической унификации в разных образовательных инициативах ЕС в целом. Отнесение программы к тому или иному уровню по классификации ISCED требует учета целого набора переменных перекрестных классификаций, таких как ориентация программы (*general–vocational*), возможность доступа к высшему образованию после окончания программы, место квалификации в структуре национальных квалификаций и т.д.

Еще один пример наиболее последовательно и успешно реализуемой стратегии по созданию общего понятийно-терминологического аппарата «верхнего уровня» – терминология ECTS, зафиксированная в терминологическом разделе (глоссарии) “ECTS Users’ Guide”. Этот глоссарий также включает дефиниции понятий, свойственных собственно ECTS («собственный» терминологический фонд ECTS), дефиниции понятий, значение которых относительно строго определено в рамках Болонского процесса, и уточняет значения общих понятий образования, имеющих широкий и часто неопределенный объем значения, однако нуждающихся в конкретизации для успешного функционирования данной системы.

Аналогичные терминологические «приложения» можно найти и в других базовых документах Болонского процесса или в рамках отдельных инициатив, и они выполняют ту же функцию наднациональной понятийно-терминологической надстройки «верхнего» яруса, обеспечивающей сопоставимость национальных систем образования и их успешное взаимодействие в рамках конкретных проектов

Подобные терминологические приложения (глоссарии) не ставят целью дать исчерпывающий перечень понятий Болонского процесса. Они призваны дать однозначные толкования терминологического фонда в рамках конкретного документа или инициативы, и поэтому один и тот же термин может быть включен в разные глоссарии. При этом не всегда понятны принципы отбора терминологии в подобные глоссарии. Так, например, в глоссарий проекта «Настройка образовательных систем» включен международный термин *higher education*, не требующий пояснений, и термин *continuing professional development*, входящий в терминопole «повышение квалификации и переподготовка специалистов».

Практическая терминологическая работа ведется в рамках разных инициатив и организаций Евросоюза далеко не всегда согласованно. Часть терминологии «верхнего яруса» используется в разных инициативах Евросоюза, включается в разные глоссарии (со ссылками или без ссылок на другие источники) и может быть интерпретирована как общий терминологический фонд всех направлений гармонизации образовательных систем Европы.

На практике глоссарии в области образования далеко не всегда согласованы даже на уровне базовых понятий. Ряд связанных общих понятий Болонского процесса трактуются в глоссариях через отсылку на смежные понятия, при этом объем значения понятий и их дефинитивные признаки варьируются в разных источниках. Это можно проиллюстрировать на примере терминов *module – course unit – educational component*. Термин *module* в цитированном выше глоссарии определяется как "self-contained, formally structured learning experience. It should have a coherent and explicit set of learning outcomes, expressed in terms of competences to be obtained, and appropriate assessment criteria" [3]. Это определение в глоссарии ECTS относится не понятию *module*, а к понятию *educational component* и трактуется как гипероним понятий *course unit, module, seminar, work placement* [4]. Напротив, понятие *module* предельно конкретизировано в глоссарии ECTS и определяется, в соответствии с функционалом ECTS, через понятия *course unit* и *credit*: "A course unit in a system in which each course unit carries the same number of credits or a multiple thereof" [5]. При этом определения понятия *course unit* в глоссарии ECTS нет, хотя из процедуры описания присвоения кредитов следует, что *course unit*, в отличие от понятия *module*, не предполагает четко определенного количества кредитов.

В целом такую ситуацию можно охарактеризовать как функционально-семантическое варьирование терминологии при общности семантического ядра. Политика гармонизации терминологии образования в ЕС, таким образом, не предполагает последовательной централизованной унификации терминологии и отражает практику отдельных образовательных инициатив.

Примечания

- [1] - International Family of Economic and Social Classifications // <http://unstats.un.org/unsd/class/family/>
- [2] - International Standard Classification of Education (ISCED) 2011. Draft // http://tuikapp.tuik.gov.tr/DIESS/FileUpload/yayinlar/ISCDE_2011_draft.pdf
- [3] - Glossary on the Bologna Process. English-German-Russian. Bonn. August 2006. P. 143
- [4] - ECTS User's Guide. European Credit Transfer and Accumulation System and the Diploma Supplement. 2005; ECTS User's Guide. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2009
- [5] - ECTS User's Guide. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2009. P.39

ПРОБЛЕМЫ СОСТАВЛЕНИЯ АНТОНИМИЧЕСКОГО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ

Как отмечают лексикографы, современное общество сильно отличается от общества XX века. Именно пользователь словаря влияет на лексикографические параметры и определяет информацию в словаре. Основным вопросом, на который отвечает современный лексикограф, является вопрос: «Кому адресован словарь?». В современной лексикографии сформировалось направление «перспектива пользователя» (*user's perspective*), которое нацелено на изучение нужд и требований читателя. А пользователь словаря - это категория, которая представлена значительным числом групп, каждая из которых характеризуется своими требованиями и способностями воспринимать лексикографическую информацию (Карпова 2010, Taganova 2011).

Современная английская лексикография характеризуется большим числом как классических, так и новаторских словарей. Среди последних можно назвать словари ненормативной лексики, молодежного, тюремного жаргона и т.п. Лексикографы объясняют такое явление сложившейся в конце XX – начале XXI в. тенденцией к появлению словарей регистрирующего типа. Одновременно с такими словарями стали появляться и толковые словари английского языка, объектом описания которых наряду с общеупотребительной лексикой стали определенные группы слов. Например, лексика из таких областей как молодежная субкультура, косметика и т.п. (Карпова 2010:63).

Нельзя не согласиться с Т.Г.Петрашовой, что практика лексикографии находится в состоянии бурного развития; это обусловлено тем фактом, что произошла революция в международном общении, в котором именно словари выступают связующим звеном между разноязычными коммуникантами (Петрашова 2011: 312).

Однако несмотря на безусловное обилие лексикографической продукции, незаслуженно обойденной вниманием оказалась такая группа лексики, как антонимы. Анализ существующей лексикографической продукции выявил отсутствие словарей антонимов английского языка (причем следует отметить, что в русском языке такие словари существуют). Все существующие словари - это словари синонимов и антонимов, в которых к ряду синонимов приводится одно слово после пометы «антоним», хотя во многих случаях к словам приведенного синонимического ряда также можно подобрать антонимы. Единственный словарь антонимов - это словарь В.Н. Комиссарова, написанный в 1964 г. Словарь состоит из двух частей: в первую часть включены корневые антонимы (*large-small*), а во вторую аффиксальные (*fit-unfit*). Микроструктура словаря построена по

принципу бинарных оппозиций, то есть в словарной статье приводится пара антонимов, к которой подобраны иллюстративные примеры.

Следует отметить, что отношения антонимии являются одним из важнейших видов системно-семантических отношений между единицами языка. Антонимия представляет собой общесемантическое явление: в любой системе имеется, по крайней мере, пара знаков, связанных отношениями противоположности (Боева 2000:4). В языке антонимия детерминирована отношениями противоположностей реального мира и представлениями о них, исторически выработанными сознанием и выраженными в единицах и фигурах языка (Миллер 1990:97). В антонимические отношения вступают не только лексические, но и фразеологические единицы. Особенность анализа фразеологической антонимии заключается в том, что не только нет словарей фразеологических антонимов, но и в одноязычных и двуязычных фразеологических словарях оппозиции обычно не указываются. Учитывая современные лексикографические тенденции, мы полагаем, что словарь фразеологических антонимов займет свое место в ряду словарей нового типа. Такой словарь будет и регистрирующим и толковым, поскольку нам представляется, что необходимо дать толкование включенных фразеологизмов.

Общие вопросы, связанные с антонимией остаются еще не до конца решенными. Мы предлагаем принцип бинарных оппозиций, как наиболее оптимальный при создании словаря. Согласно этому принципу фразеологизмы в словаре представлены в виде пар – оппозиций. Поскольку такая микроструктура является более наглядной, так как дает возможность пользователю сразу познакомиться с противоположным по значению фразеологизмом.

Как отмечает Дж. Лайонз, отраженные в языке категории и противопоставления являются специфичными для данного языка и несопоставимы с соответствующими компонентами других языков (Лайонз 2004:272). В силу чего мы полагаем принцип бинарных оппозиций оптимальным способом оформления микроструктуры антонимического словаря, который будет иметь обучающую направленность, поскольку такой словарь помогает быстрее и полнее охватить и познать картину мира, выражаемую средствами другого языка, так как характеризует процесс или явление с двух сторон.

Е.Н.Миллер справедливо замечает, что установление антонимичности фразеологических единиц осложняется тем, что непосредственное противопоставление фразеологических антонимов – явление редкое, потому критерий обнаружения их во взаимном противопоставлении может быть использован лишь частично (Миллер 1990: 90). Е.Н.Миллером предложены методы установления антонимичности фразеологизмов. Антонимия признается фразеологической, если установлено, что образуемая

словосочетаниями противоположность значений не идентична ни одной из противоположностей значений соответствующих лексических компонентов. Например: *in the back of beyond – a stone's throw away from sth.* (у черта на куличиках – рукой подать), *to be thick as thieves – live a cat-and-dog life* (водой не разольешь – как кошка с собакой), *pour oil on the flame – smooth over the rough spots* (подливать масло в огонь – сглаживать углы), *work one's fingers to the bone – twiddle one's thumbs* (работать не покладая рук – сидеть сложа руки).

Эмпирическую основу любого нового справочника составляют существующие словари. В английской лексикографической традиции словари фразеологизмов носят название *dictionaries of idioms*, изданием которых заняты все ведущие словарные издательства Великобритании. Как отмечает О.М. Карпова, в современной английской лексикографии развивается самостоятельный раздел – фразеография, которая занимается описанием различных структурных типов устойчивых выражений (Карпова 2010:88). Среди двуязычных фразеологических словарей самым авторитетным является словарь А.В.Кунина, который выдержал несколько изданий.

Английская национальная лексикография имеет богатую историю и бесценный опыт в области составления словарей различных типов. И если словари для общих целей послужили серьезным фундаментом для развития лексикографической науки, то словари для специальных целей играют не менее важную роль в ее эволюции и развитии. Именно благодаря словарям для специальных целей мы имеем возможность наблюдать такое многообразие изученных областей и широкую тематическую направленность современных словарей.

Литература

1. Боева Н.Б. Грамматическая антонимия в современном английском языке. М., 2010.
2. Карпова О.М. Английская лексикография. М., 2010.
3. Лайонз Дж. Язык и лингвистика. М., 2004.
4. Миллер Е.Н. Природа лексической и фразеологической антонимии. Саратов, 1990.
5. Петрашова Т.Г. Методическая основа лексикографического анализа специальных словарей//Лексикографические ракурсы: традиции и вызовы XXI века. Материалы IX Международной школы-семинара. Иваново, 2011. С. 312-315.
6. Taganova T.A. New user and new types of dictionaries of contemporary English language// Лексикографические ракурсы: традиции и вызовы XXI века. Материалы IX Международной школы-семинара. Иваново, 2011. С.64-66.

СЛОВАРЬ ЭКСПРЕССИВНО-КОЛЛОКВИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: ОТРАЖЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИХ СОЦИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

Материалом для словаря экспрессивно-коллоквиальной лексики послужили слова, извлеченные сплошной выборкой как из фундаментальных словарей, так и словарей современной разговорной речи и сленга.

Лексическая система любого национального языка неоднородна по отношению к территориальным, этническим и социальным характеристикам его носителей, а также к сферам его функционирования и нормам его употребления. Существует множество различных классификаций словарного состава, большинство из которых основывается на каком-либо одном или, реже, двух принципах, отражающих взаимосвязи между обществом и языком.

Наиболее распространена функционально-стилистическая стратификация английского вокабуляра. Можно отметить следующее: 1. разделение слов на литературные, общие (по-видимому, нейтральные) и коллоквиальные; 2. нижнее положение сленга по отношению к коллоквиализмам; 3. взаимосвязь сленга с профессиональными терминологическими системами с одной стороны, вульгаризмами и диалектами, с другой; 4. невозможность указать конкретный момент перехода слов из одного пласта лексики в другой; 5. упоминание школьного сленга как одной из его разновидностей, взаимодействующей с терминологическими и диалектальными лексическими системами.

Классификация словарного состава английского языка наиболее подробно и четко представлена в работе В.П.Коровушкина (Коровушкин 1985: 58-64). Она объединяет социально-коммуникативную стратификацию и стратификацию по качеству «просторечности». При этом выделяются следующие слои: литературный стандарт, экспрессивное просторечие и социально-профессиональное просторечие. Экспрессивное просторечие включает в себя низкие коллоквиализмы, сленгизмы и вульгаризмы.

Рассмотрим, как авторы словарей разграничивают различные слои лексики. Словарь Ричарда Спирса «Сленг и эвфемизм» (Spears 1981: 19-121), изданный в США, дает материал, взятый из различных источников, охватывая девять столетий и все основные англо-говорящие страны. Следует обратить внимание на тщательно разработанную систему помет. *Центральный сленг* – тип переставления порядка элементов слова, при котором написание слова выворачивается наизнанку; e.g., «oolfoo» for «fool». *Разговорный* – относится к словам, которые используются в ежедневном неофициальном общении, но которые не используются в официальном письменном английском. Некоторые слова-табу

традиционно считаются разговорными. Сленгизмы и разговорные слова похожи, и слово может использоваться как сленговое в одной сфере (области) и как разговорное в другой. *Пренебрежительно* – относится к словам обращения, которые унизительно оскорбительны адресату. *Шутливо* – нарочито юмористично, комично; смешно. *Насмешка (издевка, высмеивание)* в имитации особенного языка или стиля, чаще всего китайского или японского: «mock-Chinese», «mock-Latin». *Рифмованный сленг* – слово, представленное А и Б (или только А) в образце А и Б = В, т.е. «needle and pin» означает «gin», (a = needle, b = pin, c = gin). Также называется *Рифмованный сленг кокни* – Cockney rhyming slang. Автор часто использует двойные пометы, относя слово к переходному слою лексики от сленгового к разговорному: **cronk** (also **krank, kronk**) 1. *ill slang and colloquial*, 1800s – pres. 2. **intoxicated with alcohol** (from German krank, “sick”) *U.S. slang and colloquial*, mid 1800s – pres. данный словарь является не только уникальным по своему содержанию и системе разработанных помет, но и представляет собой существенный вклад в социальную лексикографию и лексикологию английского языка.

В «Новом англо-русском словаре современной разговорной лексики» С.А. Глазунова представлены как слова, так и современные идиомы и разговорные выражения британского и американского новейшего сленга и диалектов; вульгарная и нецензурная лексика также нашла в нем отражение (Глазунов 2000: 2–281). Словарь содержит тщательно разработанную систему помет: *infml* informal, *sl* slang, *vulg* vulgar, *taboo*. Кроме того, применяются сложные пометы типа *vulg infml*, *vulg sl*, *taboo sl*. Точное отнесение той или иной лексической единицы к определенному слою лексики автору не представляется возможным, т. к. не существует четких границ между неофициальной лексикой и сленгом, вульгаризмами и табу.

Позиция автора относительно перевода каждой единицы сводится к тому, что сленговые и разговорные слова и выражения не могут быть точно переведены, т. к. их значения раскрываются в контексте, в конкретной языковой ситуации. Приведем несколько примеров: **beefcake** *n infml* 1. There was one calendar showing beefcake rather than cheesecake. Мне попался один календарь, где были фотографии обнаженных мужчин, а не женщин. 2. She’s been going out with a real beefcake. Она встречалась с одним здоровым парнем. Настоящий амбал.

К экспрессивно-коллоквиальной лексике относятся слова с пометами *шутливое*, *ироническое*, *пренебрежительное*, *презрительное*, *неодобрительное*, *эмоционально-усилительное*, *разговорное (colloquial, informal)*. Данная этико-стилистическая градация эмоциональности представлена в «Большом англо-русском двухтомном словаре» под ред. И.Р. Гальперина (Гальперин 1972). Слова с *шутливой* и *иронической* экспрессией

относятся к низким коллоквиализмам, которые, несмотря на обиходно-разговорный характер, все же входят в систему литературных норм, например: **dame** – *шутл* пожилая женщина, **dry-bones** – *шутл* кожа да кости, **exquisite** – *ирон* тонкая натура, изысканная личность. Слова с пометами *неодобрительное* и *эмоционально-усилительное*, скорее всего, относятся к литературным коллоквиализмам, например: **goings-on** – *неодобр* образ жизни, **harbourer** – *неодобр* укрыватель, **dire** – *эмоц-усил* крайний, полный. Хотя некоторые слова с теми же пометами можно отнести к низким коллоквиализмам: **damned** – *груб, эмоц-усил* ужасный, чрезвычайный, адский, **deuced** – *эмоц-усил* чертовский, ужасный, **engineer** – *неодобр* подстраивать, организовывать (путем махинаций). Слова с пометами *презрительное* и *пренебрежительное* имеют уничижительную экспрессию. Они принадлежат к пласту общих сленгизмов. Это стилистически сниженный лексический пласт, например: **dabster** – *пренебр* неумелый работник, **gutter-blood** – *презр* человек из черни.

Слова с пометами *разговорное* (*colloquial, informal*) относятся к низким коллоквиализмам, имеют основную коммуникативную функцию и граничат, с одной стороны, с литературными коллоквиализмами, а с другой стороны, – с общими сленгизмами, например: **Catch 22** *разг* неразрешимая ситуация, дилемма; **cold-meat cart** – *разг* катафалк, особенно запряженный лошадьми.

Литература

1. Гальперин И.Р. Большой англо-русский словарь. В двух томах. М.: Сов. энциклопедия, 1972.
2. Глазунов С.А. Новый англо-русский словарь современной разговорной лексики. М.: Русский язык, 2000. – 776с.
3. Коровушкин В.П. К проблеме классификации вокабуляра просторечия как компонента социально-коммуникативной системы национального английского языка // Бюллетень передового опыта. Вып. пятый / Отв. за вып. В.В. Савчик. Череповец: ЧВВИУРЭ, 1985. С. 58-64.
4. Spears R.A. Slang and Euphemism. A dictionary of oaths, curses, insults, sexual slang and metaphor, racial slurs, drug talk, homosexual lingo, and related matters. – New York: Jonathan David Publishers, Inc. 1981. XXVIII, 448p.

АКТУАЛИЗАЦИЯ НАУЧНОГО И НАИВНОГО ЗНАНИЯ В ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ И НЕТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ

Стремительная глобализация мировых проблем, важность определения и точного обозначения тех культурных ценностей, которые лежат в основе коммуникативной деятельности, с одной стороны, и объективная интегративная тенденция развития гуманитарных наук, с другой, стали причиной перехода к антропологической парадигме, в центре внимания которой находится комплекс вопросов, связанных с взаимодействием человека, языка и культуры. Процесс коммуникации представителей различных языковых сообществ, наблюдаемый в последние десятилетия, следует трактовать как взаимодействие когнитивных пространств, как взаимодействие различных языковых сознаний, различных картин мира.

Тесная взаимосвязь языка с картиной мира не подлежит сомнению, поскольку с одной стороны, именно в языке формируется языковая картина мира у человека, а с другой, сам язык выражает и эксплицирует другие картины мира, которые посредством специальной лексики входят в язык, привнося в него черты человека, его культуры, его научного и наивного знания. Коллективный и индивидуальный опыт человека, составляющий когнитивную базу, представляет как наивные, обыденные знания, так и научные, что объясняется расширением познавательной деятельности человека об окружающей действительности.

В когнитивной лингвистике наивная и научная картины мира одного и того же фрагмента действительности могут отличаться. Данное расхождение Л.В. Щерба демонстрирует на примере специальных терминов (Щерба 1974: 64). Прежде всего, необходимо пояснить что подразумевается под термином.

В современной лексикологии термины являются узаконенными, кодифицированными названиями специальных понятий какой-либо науки. Ряд авторов называет термины профессионализмами (Прохорова 1997; Абрамов 2007). Профессионализмы, по их мнению, в отличие от общеупотребительной лексики, служат для разграничения близких понятий, используемых в определенном виде деятельности людей (Розенталь 2002: 2). А.В. Суперанская относит профессионализмы и термины, то есть все слова, связанные с профессиональной деятельностью человека, к специальной лексике (Суперанская 1989: 26).

Как справедливо отмечает А.А. Уфимцева, в терминах закреплён результат не пассивного, а живого, активного отражения, в содержание которого включена человеческая практика (профессиональная деятельность) (Уфимцева 1974: 9). Таким

образом, термины вербализуют научную картину мира, в то время как нетерминологическая лексика – наивную картину мира, то есть обыденное представление о мире. Однако следует отметить, что разделение картин мира на научную и наивную является условным, так как наука оказывает большое влияние на повседневный образ жизни и влияет на наивную картину мира. В связи с возникновением новой парадигмы в современной лингвистике, Е.И. Голованова рассматривает термины с точки зрения коммуникативно-когнитивного подхода (Голованова 2004: 18). В термине как языковом знаке, считает автор, аккумулировано знание трех видов: языковое (является результатом обыденного, наивного познания), рациональное (энциклопедическое, научное) и специальное (основанное на профессиональном опыте и возникшее как результат профессионального познания). Таким образом, каждый из видов знания, репрезентируясь в термине, основан на определенном опыте взаимодействия человека с миром. Используя терминологическую и нетерминологическую лексику, человек синтезирует научную и наивную картины мира, поскольку, как справедливо замечает Л.А. Манерко, бытовое и рациональное знания связаны: они являются результатом параллельных видов познания и сосуществуют в мозгу человека (Манерко 2000: 25).

Актуализация научной и наивной картин мира отчетливо прослеживается на примере иноязычной лексики терминологического и нетерминологического характера в английском языке. В терминологической и нетерминологической лексике английского языка наблюдается немалое количество алиенизмов, или иноязычной лексики, что объясняется одной из его основных функций – быть языком «международного общения».

Так, примерами заимствованных терминов служат слова и выражения, номинирующие сферу бизнеса в английском языке: *pactum* (лат.) – соглашение, договор; *Aktiengesellschaft* (нем.) – акционерное общество в Германии; *franco* (ит.) – бесплатная доставка товара до склада покупателя; *credit foncier* (фр.) – организация, которая предоставляет заем на покупку недвижимости; *jonsekum (jonseton)* (кор.) – депозит на приобретение квартиры, сумма которого равна аренде за год; *gai-ge* (кит.) – реформа в Китае; *gyoku* (яп.) – акции; *sarakin* (яп.) – кредит для служащих и т.д.

Таким образом, каждый заимствованный термин аккумулирует профессиональные знания и репрезентирует фрагмент научной картины мира представителей того или иного делового сообщества. Однако процесс общения коммуникантов происходит с использованием не только научных, но и наивных (обыденных) знаний. Таким образом, наблюдается процесс интеграции научных и наивных знаний.

Примерами вышесказанного являются немецкие слова *Werk* – работа, производство; *Mittelstand* – компании среднего размера; французские слова *doyen* –

опытный, старейший работник; из языка хинди *dukan* – магазин, лавка; из арабского языка *bazaari* – рынок; из русского языка *peredovik (proizvodstva)* – образцовый работник; китайские слова *pasar malam* – ночной рынок (в Сингапуре); *guanxi* – специальные личные связи с владельцами магазинов и т.д.

Профессиональная лексика экономики и деловых отношений представляет собой сложное объединение, в основе которого, с одной стороны, находятся термины, с другой – общеупотребительная лексика, то есть слова и словосочетания, которые используются при описании различных аспектов бизнеса и репрезентируют научную и наивную картины мира. Чем интенсивнее вовлечена та или иная сфера деятельности в международное сотрудничество, в более или менее длительные международные связи, тем более открыта лексика и терминология этой сферы иноязычным инновациям.

Литература

1. Абрамов В.П., Абрамова Г.А. Социолектная и обиходно-просторечная медицинская лексика. Краснодар, 2007.
2. Голованова Е.И. Лингвистическая интерпретация термина: когнитивно-коммуникативный подход/Е.И.Голованова//Известия Уральского государственного университета. – 2004. – № 33. – С. 18-25.
3. Манерко Л.А. Язык современной техники: ядро и периферия. Рязань, 2000.
4. Прохорова В.Н. Профессионализмы. // Русский язык. Энциклопедия. М., 1997.
5. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык. М.: Айрис-Пресс, 2002.
6. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: Вопросы теории. – М.: Наука, 1989. – 246с.
7. Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. М.: 1974.
8. Щерба А.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – 230с.

Иванова Е.Ю.

ЕЩЁ РАЗ О МОРФОЛОГИЧЕСКОМ СТУТУСЕ ЭЛЕМЕНТА UP В СОЧЕТАНИЯХ ТИПА EAT UP

Традиционно сочетания типа *eat up* выделяются в качестве формальных словосочетаний с особым «идиоматичным» значением, которое не выводимо из значения каждого из компонентов, составляющих т.н. фразовый глагол (Арнольд 1959: 167, 172; Кунин 1972: 228).

Обратимся к определению фразового глагола, которое предложено в словаре *American Heritage Dictionary*: «A phrasal verb is an expression consisting of a verb and an adverb or a preposition with a unitary meaning that cannot be deduced from the sum total of the meanings of its constituent parts». Из данной дефиниции следует, что подобные единицы следует выделять, поскольку знания корневых значений каждого из слов, составляющих т.н. «фразовый глагол», недостаточно.

Мы хотели бы рассмотреть примеры употребления подобных сочетаний, уточнить морфологический статус второго элемента т.н. фразового глагола на примере единицы *up* и попытаться оспорить данную точку зрения, а так же целесообразность выделения фразовых глаголов в качестве отдельного класса на примере употребления сочетания *eat up*. Примеры, которыми мы будем пользоваться, взяты из Американского национального корпуса и поисковой системы Google.

Словари *Macmillan English Dictionary*, *Macmillan Phrasal Verbs Plus* и *Oxford Dictionary* определяют сочетание *eat up* как фразовый глагол, не оговаривая отдельное значение единицы *up*. Однако если мы обратимся к статье *Macmillan English Dictionary*, посвящённой наречию *up*, мы обнаружим, что некоторые статьи словаря вступают в противоречие, так как в одном из первых представленных примеров для *up* мы увидим: «Eat up all your dinner», где на этот раз наречие, обладающее своей автономной семантикой, почему -то представлено в сочетании с глаголом *eat*.

Рассмотрим пары однотипных контекстов, в которых мы можем пронаблюдать употребление глагола *eat* и сочетания *eat up*. В первом случае говорящий, художник по профессии, сообщает, что рутинные дела, связанные с живописью, отнимают у него большое количество времени; несмотря на это, увидев что-то красивое в окружающей его природе или в работах коллег, он откладывает в сторону все остальные дела и спешит в мастерскую, чтобы немедленно приступить к работе: «Checking e-mail messages, doing paperwork, buying frames, and other tasks can eat up the hours. But then I can see something beautiful in nature or in another artist's work and I put all those mundane chores aside and rush back into my studio». В данном контексте мы видим, что ситуация, в описании которой использовано сочетание *eat up*, подразумевает некую нежелательную трату времени, поглощение времени чем-то необходимым, но не являющимся основной задачей. Точно такие же ситуации мы встречаем в контекстах, где *up* опускается: «Why Facebook eats most of your time?» (Times Of India) и «How a slow computer eats your time ». Все приведённые нами примеры являются однотипными контекстами и демонстрируют одну и ту же модель ситуации, свидетельствуя о том, что значение глагола *eat* в сочетании с *up* автономно, а

элемент *up* является отдельным элементом, выполняющим интенсификационную функцию.

В следующем примере описывается проблема затрат государства, связанная с выплатами процентов по долгам и тратами на социальное страхование: “By 2025, interest payments combined with the cost of Social Security will eat up every single tax dollar that comes in. There's none left for defense. Nothing for the new health care package, nothing for roads, bridges, infrastructure, nothing.” Сопоставим данный пример с другими контекстами, где описываются ситуации, связанные с теми или иными нежелательными тратами денег, и где глагол *eat* употребляется без элемента *up*: «How taxes eat your income: it's not how much money you take, it's how much money you keep that matters» и «the central bank eats your money». Как и в предыдущем случае, употребление наречия *up* факультативно.

Во всех вышеприведенных контекстах единица *up* обладает автономным значением, обозначая интенсивность изменения, привносимого глаголом, способность данного глагола войти в фокус значимости, что не представлено в использованных нами словарях.

Рассмотренные контексты вызывают сомнения в том, что целесообразно говорить о идиоматичности сочетания глагола и наречия. Неясно, что именно является причиной переосмысления значения каждого из слов, составляющих т.н. фразовый глагол. Так как автономная семантика каждого из компонентов т.н. фразового глагола выводится из свойств каждого из знаков, которые его образуют, можно полагать, что фразовый глагол не существует как специальная семантическая единица.

Литература

1. Арнольд И.В. «Лексикология современного английского языка» - Москва “Высшая школа” 1959
2. Macmillan English Dictionary – Macmillan Ed., 2007
3. Macmillan Phrasal Verbs Plus Dictionary – Macmillan Ed., 2005
4. American Heritage Dictionary of the English Language – Boston, Houghton-Mifflin, 1996
5. Oxford Advanced Learners Dictionary – Oxford University Press, 2007
6. Кунин А.В. Английская фразеология – Москва 1970

К ПРОБЛЕМЕ ЭТИМОЛОГИИ ГЕРМ. *TIL- (ДА., Д.-ИСЛ. TIL, ДВН. ZÎL)

Корень *til-*, представленный в германской языковой традиции формами гот. *ga-tils* “соответствующий, удобный”, двн. *zîl* “цель”, д.-исл. и да. *til* “до, к”, не имеет надежной этимологии.

Общепринятая точка зрения сопоставляет **til-* с корнями **tīd-*, **tīm-a-* (да. *tīd*, двн. *zīt*, д.-исл. *tír* “время, срок”; да. *tīma*, д.-исл. *tími* “время”) < праи.-е. **deH₂-* “резать, делить” (скр. *dāti*, др.-гр. *δαίωμα*) (Rasmussen 1989: 51; Boutkan, Siebinga 2005: 409-410; Rix 2001: 103). Семантика “резать, отделять” распространяется на весьма разнообразные понятия (Откупщиков 2005: 202).

Другой путь допускает связь с др.-ирл. *ad* “закон” < праи.-е. **H₂ed-* “определять, устанавливать” (Vendryès 1959: 13; Pokorny 1959: 3).

Этимологический словарь готского языка упоминает обе возможности сопоставления (Lehmann 1986: 344). Проблематично сравнение с др.-ирл. *tan*, лат. *tempus* “время” < **temp-* “растягивать” (Falk, Torp 1960: 1256-1257), равно как сопоставление с гот. *talzjan* “обучать”, да. *tellan* “говорить”, двн. *zala* “речь, счет” (Jóhannesson 1956: 490-491). Иногда словарная статья ограничивается германским ареалом соответствий (Kluge, Lutz 1898: 213; Schützeichel 1969: 246).

Предлагается сопоставлять герм. **til-* с гот. *ub-il* < **ub-l̥-* “чрезмерный, злостный” (ср. скр. *ура* “наверх”) и абстрактным именем гот. *in-ilo* < **in-l̥ō* “повод”, которые еще К. Бругманн (Brugmann 1889: 195-196) помещал в единый ряд с формами с суффиксом *-il-*: гот. *mikil-s*, да. *mikil*, ср. др.-гр. *μεγáλο-* < **meg-H₂-l-*, принадлежащими к архаическому пласту лексики (Meier-Brügger 1992: 26; Leumann 1977: 305-311).

Возведение к дейктической основе **t-* может быть поддержано сохранившейся в древних германских языках системой сложных локальных наречий с суффиксами-частицами (Адмони 1978: 68-69).

Литература

1. Адмони В.Г. Наречие и его соотношение с однокорневым прилагательным // Историко-типологическая морфология германских языков: именные формы глагола, категория наречия, монофлексия. М., 1978.
2. Откупщиков Ю.В. Из истории индоевропейского словообразования. М., СПб., 2005.
3. Сравнительная грамматика германских языков. Т.4. «Глагол». М., 1966. С. 385-386.
4. Boutkan D., Siebinga M.S. Old Frisian Etymological Dictionary. Leiden, 2005.

5. Brugmann K. Grundriss der Vergleichenden Grammatik der Indogermanischen Sprachen. Bd. 2(1). Strassburg, 1889.
6. Falk H.S., Torp A. Norwegisch-Dänisches Etymologisches Wörterbuch. Bd.2. Heidelberg, 1960.
7. Jóhannesson A. Isländisches Etymologisches Wörterbuch. Bern, 1956.
8. Kluge F., Lutz F. English Etymology. Strassburg, 1898.
9. Lehmann W.P. A Gothic Etymological Dictionary. Leiden, 1986.
10. Leumann M. Lateinische Laut- und Formenlehre. München, 1977.
11. Meier-Brügger M. Griechische Sprachwissenschaft. Bd. II. Berlin, New-York, 1992.
12. Pokorny J. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Bd. I–II. Bern, 1959.
13. Rasmussen J.E.. Studien zur Morphophonetik der Indogermanischen Grundsprache. Innsbruck, 1989.
14. Rix H.. LIV². Wiesbaden, 2001.
15. Schützeichel R. Althochdeutsches Wörterbuch. Tübingen, 1969.
16. Vendryès J. Lexique étymologique de l'irlandais ancien. Vol.1. Paris, 1959.

Киселева С.А.

ПОНЯТИЯ *UNSPEAK* И *DOUBLESPEAK* В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ И ВОЕННОМ ДИСКУРСАХ

Язык, как известно, теснейшим образом связан с менталитетом, культурой, традициями его носителей, поэтому многие процессы и явления, происходящие в обществе, находят отражение в системе языка. Английский язык как один из наиболее динамично развивающихся языков мира претерпел за последние десятилетия значительные изменения, которые во многом определены изменениями в общественной сфере. Не случайно, что именно в мире английского языка возникла мощная культурно-поведенческая и языковая тенденция, получившая название политической корректности (Political Correctness – P.C.).

Поскольку политически корректные идеи часто демонстрируются в смягченных выражениях, одним из наиболее эффективных средств для создания политически корректной лексики являются эвфемизмы. «Эвфемизм, - пишет В.И.Заботкина, - возникает по ряду прагматических причин (вежливость, деликатность, стремление завуалировать негативную сущность отдельных явлений действительности)» (Заботкина 1989: 84).

Явление *doublespeak*, представляющее собой разновидность эвфемии, широко используется в официальном языке правительственных учреждений, военной

терминологии и корпоративной речи. Разновидность политической корректности – *doublespeak* – нацелена на отвлечение внимания от негативных явлений действительности. По мнению В. Лютца (Lutz, 1987), *doublespeak* – «это язык, который из плохого делает хорошее, из отрицательного – положительное, а неприятное начинает казаться приятным или, по крайней мере, сносным. Это язык, который избегает ответственности или перекладывает ее на других. Это язык, который находится в противоречии с истинным значением. Это язык, который скрывает истинную мысль» (*Перевод наш - С.К.*). Д. Кристал отмечает, что данное определение понятия *doublespeak* подчеркивает, что подобный язык не является продуктом небрежности или хаотичных мыслей, а, наоборот, предполагает ясность мысли. Основная претензия к подобному языку – это то, что он намеренно был создан для того, чтобы исказить реальность и вводить в заблуждение. (Chrystal 2003: 176) - (*Перевод наш - С.К.*).

Рассмотрим эвфемизмы, используемые для обозначения агрессивных военных действий. Значительная часть таких слов проникла в язык еще в 1960-е гг. во время войны во Вьетнаме. Слова *involvement* (вовлечение) и *conflict* (конфликт) использовались вместо *aggression* (агрессия) и *war* (война); подавление вооруженного сопротивления стали называть *pacification* (умиротворение); вместо слова *bomb* (бомба) употреблялось слово *device* (устройство), а вместо *bombing* (бомбардировка) – *limited air strike* (ограниченный воздушный удар) или *air support* (воздушная поддержка).

Так, в примере «The Japan air self-defense force flew its first *humanitarian mission* into Iraq as part of coalition air forces, landing at Tallil Air Base on March 3» вместо негативно коннотированного словосочетания «воздушное вторжение (возможно с последующей бомбардировкой)» используется словосочетание «гуманитарная миссия», являющееся стилистически нейтральным.

Таким образом, основными функциями эвфемизмов являются замена прямых названий «пугающих» предметов и явлений, нежелание называть что-либо неприятное, негативное своим прямым именем; эвфемизм используется для обозначения всего того, что в данном социуме может считаться неприличным, а также не соответствовать принятому этикету. Политкорректные эвфемизмы создаются из боязни обидеть собеседника или не соблюсти принятые на данный момент нормы общения; распространено использование эвфемизмов с целью искажения или маскировки подлинной сущности обозначаемого.

Еще один феномен, наблюдаемый в английском языке сегодня, – это так называемый *unspeak*. По мнению С. Поула, *unspeak* призван указывать на какое-либо явление, практически не называя его. Это делается с целью предотвращения всякого спора в

отношении данного явления и, следовательно, нахождения аргументов, оспаривающих позицию автора текста. Одновременно говорящий таким образом пытается исключить или подавить возможную противоположную точку зрения. Этого можно добиться только при условии, что в слово закладывается такой смысл, который позволяет рассматривать проблему только под одним углом (Poole 2007: 3).

Сравнивая различные явления такого плана, как, например, *Newspeak* (термин введен Джорджем Оруэллом в произведении “Nineteen Eighty-Four”), *doublespeak* (*doubletalk*) и *unspeak*, Поул приходит к следующим выводам. *Unspeak* в отличие от *Newspeak* не предполагает создание абсолютно новых слов: “As an Unspeak phrase comes a widely used term of public debate, it tends to saturate the mind with one view point and to make an opposing view ever more difficult to enunciate” (Poole 2007: 4). По сравнению с *doublespeak*, *unspeak*, напротив, употребляется для названия вещей своими именами: “It says one thing while really meaning that thing, in a more intensely loaded and revealing way than a casual glance might acknowledge” (Poole 2007: 5).

Явление *unspeak* стало особенно интенсивно использоваться в целях пропаганды благодаря развитию телевидения и радиовещания, так как вмещает в себя максимальное количество аргументов при обеспечении максимальной языковой компрессии.

В заключение следует отметить, что *unspeak* – эвфемизм с явным циничным отношением к рассматриваемому явлению (joy camp = forced labour camp, ethnic cleansing = mass murder), в то время как *doublespeak* является социально-политическим эвфемизмом, камуфлирующим истинную природу явления (neutralize the target = deliberately kill people, taking friendly fire = being attacked by your own troops).

Литература

1. Гуманова Ю.Л. «Политическая корректность» как социокультурный процесс (на примере США): Автореф. ... канд. социол.н. Москва, 1999.
2. Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка. Москва, 1989.
3. Кацев А.М. Языковое табу и эвфемия. Ленинград, 1988.
4. Ковалева Т.А. Фразеологические эвфемизмы в современном английском языке: Автореф. ... канд. филол.н. Москва, 2008.
5. Палажченко М.Ю. Политическая корректность в языковой и культурной традиции (на английском и русском материале): Автореф. ... канд. культурологич.н. Москва, 2004.
6. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge, 2003.

7. Lutz W. *The New Doublespeak: Why No One Knows What Anyone's Saying Anymore*. Harper Collins, 1996.
8. Orwell G. Appendix: The Principles of Newspeak, in *Nineteen Eighty-Four*. New York, 1977.
9. Poole S. *Unspeak: Words are Weapons*. Great Britain, 2007.

Kozlova T.O.

ICONIC ROOTS IN PROTO-INDO-EUROPEAN AND THEIR DIVERSIFICATION IN GERMANIC LANGUAGES

Proto-Indo-European (PIE) roots have been thoroughly studied with regard to their form and meaning. However, the issues of form-meaning correlation in PIE roots are still desiderata.

Some authors (M. Makovsky, V. Levitsky) suggest that the phonetic structure of PIE roots was not random and represented the key concepts of PIE culture. It triggered the hypothesis about the presence of forms that directly reflected the things they signified. To test the hypothesis, I studied one etymological database (S. Nikolayev, S. Starostin), dictionaries of PIE roots and their reflexes (J. Pokorny, C. Watkins), and other etymological sources (F. Kluge, V. Levitsky) to identify iconically expressible meanings in PIE roots and the way they were reflected in daughter branches. Indeed, a large proportion of PIE roots were iconic. The main iconic means (Козлова 2010) involved onomatopoeia, lengthening and shortening of medial vowel, metathesis, reduplication, symmetric and asymmetric arrangement of the phonetic structure pattern.

In this paper, I will investigate the presence of iconicity in the symmetric shape of PIE roots (CVC) and how it motivated the semantic continuants of PIE etymons in Germanic languages.

The CVC structure is almost evenly distributed though the main semantic classes ('divide, cut', 'connect, tie, unite', 'bend', 'move', 'sound') and the frequencies of this pattern are the highest (Levitsky 2008: 96 – 97). I argue that the productivity of CVC shape in PIE was determined by the ability of CVC template to mirror the syncretism of meaning - 'integration/disintegration'. The semantic development of the roots resulted in the split of syncretism in two directions, 'exterior' and 'interior'. This is evidenced by the homonymy of CVC roots and their semantic disintegration along two trajectories. For instance, the set of PIE **g^her-* manifested 'exterior orientation and divergence out from a central point', i.e. 'cutting' or 'radiation' (**g^her-²* "scratch, scrape", **g^her-³* "shine, shimmer"), on the one hand, and 'interior orientation', i.e. 'attainment' or 'obtainment' (**g^her-¹* "yearn for", *g^her-⁴* "gripe, grab, enclose"), on the other.

In the Germanic languages divergence occurred along each vector and led to other types of contrast between the reflexes: **g^her*-¹ “yearn for” > ‘extreme desire for material gain’ (OHG *ger*, OSax. *gerag* “greedy”, Goth. *faihu-gairns* “greedy for money”) vs ‘longing for sensual gratification, snare of pleasure, or eagerness’ (OIcl. *gjarn*, OEng. *georn* “desirous, eager, earnest, diligent, studious”; OHG. *gerno*, Du. *gaarne*, OSax. *gern* “eager”, OFris. *jerne*, Swed. *gärna* “eagerly”; OEng. *giernan* “to yearn for”, OSax. *girnean*, OHG *gerōn*, Ger. *begehren*, OIcl. *girna*, Goth. *gairnjan* “to lust, crave”).

Similarly, the syncretism of meanings was mimed by the symmetric pattern in PIE **bher*-, **g^wel*-, **pel*- and many other roots.

References

1. Левицкий В.В. Семантические и фонетические связи в лексике индоевропейского праязыка. Опыт квантитативного анализа этимологического словаря. Черновцы, 2008.
2. Козлова Т.О. Індоевропейські корені: роль альтернатив у процесах семантичної рефлексії архаїчного етимону // Наукові записки. Кіровоград, 2010(а). Вип. 89 (4). С. 31 – 35.

Кряжевских Н. Н.

ВАРИАТИВНОСТЬ ПРИЗНАКА ОДУШЕВЛЕННОСТЬ/НЕОДУШЕВЛЕННОСТЬ КАК ПРИНЦИП РАЗГРАНИЧЕНИЯ ЛСВ В СТРУКТУРЕ ПОЛИСЕМИИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

Данная работа посвящена вопросу о роли признака одушевленности/неодушевленности как одного из принципов, который может быть взят за основу при разграничении ЛСВ в структуре полисемии существительного.

Термином «полисемия» в современной лексической семантике обозначают факт наличия у слова более одного значения (Зализняк 2004:21-22).

Объектом исследования является многозначное существительное GHOST, которое было выбрано в силу своей неоднозначности с точки зрения признака одушевленности/неодушевленности.

Исследование проводилось на основе сопоставительного анализа словарных дефиниций существительного GHOST в 39 англоязычных толковых, учебных, специализированных словарях и дальнейшей типологизации контекстов по электронным корпусам.

Во всех проанализированных словарях одушевленность/неодушевленность как маркер значения отсутствует.

Всего было проанализировано 15 толковых англо-английских словарей. Все рассмотренные словари обладают следующими общими чертами:

- полисемия внутри слова (минимальное количество значений в словарной статье – 3, максимальное – 24);
- в словарной статье приводятся примеры не на все ЛСВ, что мешает правильному пониманию функционирования слова в контексте;
- существительные и глаголы приводятся в 1 словарной статье; лексико-грамматическая категория часто дается как отдельное значение в структуре полисемии слова.

В четырех рассмотренных нами учебных англо-английских словарях выделены следующие общие черты:

- максимальное количество значений в данном типе словарей – 3, минимальное – 1, т.е., в отличие от толковых словарей, есть варианты с моносемией.
- в большинстве случаев даются примеры функционирования всех ЛСВ в словарной статье.

Было проанализировано 24 специальных словаря. В большинстве словарей преобладает моносемия значения – ЛСВ в словарях разной тематики не совпадают, в силу узкой специфики их содержания и сферы употребления.

Специальные словари можно разделить на 3 группы:

- словари терминов (12 словарей);
- словари стилистически-окрашенной лексики (9 словарей), из которых 3 литературных исторических словаря, 3 словаря уличного сленга, 2 идиоматических словаря и 1 словарь рифм;
- энциклопедические словари и справочники (4 словаря) – преобладают сложные существительные с одним элементом ghost.

Для каждого ЛСВ в ходе исследования выделены соответствующие типы контекстов. Все примеры употребления ЛСВ в контексте проверены по лингвистическим корпусам. Выделены ЛСВ, указывающие на одушевленного субъекта и неодушевленный объект. Все виды контекстов, в которых реализуется одушевленный вариант слова, представлены как несколько аналогичных типов ситуаций, в которых GHOST реализует весь свой семантический потенциал, а неодушевленные являются производными вариантами по метонимии с ограниченным по отношению к основным потенциалом, т.е. характеризуются меньшей вариативностью в пределах ситуации (Кряжевских 2011: 214).

Литература

1. Зализняк А.А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания. 2001. №2. С. 13-25.
2. Кряжевских Н.Н. Вариативность одушевленности/неодушевленности в полисемии существительного GHOST: сопоставительный анализ толковых словарей и электронных корпусов //Лексикографические ракурсы: традиции и вызовы XXI века: материалы IX Международной школы-семинара, Иваново, 8-10 сентября 2011 г. Иван. гос. ун-т, 2011. С.2-215.

Матвеева Е.Н.

ВНУТРИСЕМЕЙНЫЕ АПЕЛЛЯТИВЫ XIX ВЕКА

Язык, возникший из потребностей общения людей между собой, располагает определенным арсеналом средств, уточняющих направленность высказывания на адресата речи, поскольку всякий говорящий, как правило, адресует свои слова кому-либо или чему-либо. Ориентация на адресата проявляется в особой языковой функции, которую К.Бюлер выделил среди основных функций языка и назвал АПЕЛЛЯТИВНОЙ (Bühler 1934: 128).

Статус обращения трактуется в лингвистике достаточно противоречиво. Вслед за Н.Д.Арутюновой, мы будем рассматривать обращение как синтаксическую позицию и обращение как особого рода номинацию, которую занимает специфическая номинация – аппеллятив. В качестве критериев принадлежности слова или одного (нескольких) его ЛСВ к категории аппеллятивов рассматривались следующие словарные пометы: usually a term of address/ also a term of address/ also a rude term of address (DTA 1990)

В настоящее время американский вариант английского языка является устойчиво сложившимся типом литературной речи, который характеризуется специфическими чертами на всех уровнях языковой системы.

В корпусе исследуемого материала решено было выделить четыре подгруппы внутрисемейных аппеллятивов: 1) аппеллятивы, адресованные детьми родителям и другим родственникам; 2) аппеллятивы, адресованные детям детьми; 3) аппеллятивы, адресованные взрослыми родственниками детям; 4) аппеллятивы, адресованные супругами друг другу.

При рассмотрении американской ВСК следует также учитывать особенность развития и структуры американской семьи: французский историк А.Д.Токвиль (Токвиль 1992: 426) в 1840х гг. обращал внимание на демократическую структуру американской семьи и описал ее непринужденность, равенство отношений в ней и новые возможности для образования, которые она предоставляла девочкам. Традиция вольнолюбия усиливается изменениями во внутреннем строении семьи.

В первой подгруппе обширный пласт апеллятивов-инфантицизмов обслуживает внутрисемейные отношения, указывая на родственные связи. Интересно проследить за эволюцией апеллятивов, номинирующих родителей, в диахронии: так, варианты Мама, Мамма с ударением на последнем слоге использовались в английских семьях среднего и высшего сословия XVI века. Данное произношение привело к появлению и других форм, например Ма. В США ударение в данных словах падало на первый слог, что привело к появлению вариантов «Момма» и «Мом». В XIX веке были широко распространены следующие обращения к матери: ma, mamma, mammy, mama, mother. Для детей более старшего возраста характерно использование обращения Mother. Использование этого термина приходилось преимущественно на представителей среднего и высшего классов, в то время как средний класс предпочитал термин Ma.

Апелляции к отцу в XIX веке были весьма разнообразны: Father, Daddy, Papa, Pap, Pa, Pop. ДТА помечает, что после XIX века апеллятивы Pa, Papa, Pap и их производные типа Pop прекратили свое существование. Применение апеллятива Father зависело от индивидуальных семейных взаимоотношений и широко использовался наряду с апеллятивом Mother в средних и высших слоях общества.

Следующие по употребительности ряды апеллятивов адресуются детьми бабушкам и дедушкам. В данном исследовании непосредственно прямых обращений к данной категории родственников практически не было выявлено, - возможно, потому, что в процессе своего развития американская семья постепенно отторгала свойственников, бабушек-дедушек, двоюродных сестер и братьев, тетушек и другую дальнюю родню (Болховитинов 1983: 96).

ДТА интерпретирует термин Grandmama как архаичную форму апелляции к бабушкам адресантов, использовавшуюся в XVIII и XIX вв., как коллоквиальный вариант апеллятива Grandmother в семьях высшего сословия. Обращение Grandmama, являясь наиболее простым вариантом правописания, также встречается в семейных идиолектах американских семей достаточно высокого статуса. На низших ступенях социальной лестницы происходит сокращение до Gran или Granny.

Помимо обращений в адрес бабушек и дедушек, зафиксированы обращения в адрес прочих родственников, входящих в близкий круг общения ребенка: godfather, godmother, aunt, aunty, auntie, uncle, m'am.

Aunt и uncle обычно сочетаются с именем собственным при прямой апелляции, в особенности когда племянники находятся в юном возрасте. По мере взросления прослеживается тенденция употребления Aunt и uncle без имени собственного или же только имени собственного.

Auntie, aunty является наиболее частотным апеллятивом-инфантицизмом, который, сходно с формой Aunt, употребляется по отношению к родственницам или близким друзьям семьи. Также сочетается с именем собственным при прямой апелляции.

Номинации godfather, godmother в разговорной речи практически не использовались.

Следующую группу составляют апеллятивы, адресованные детьми детям.

Вокатив brother находился в употреблении до конца XIXв. Апеллятив Cousin используется как вокатив очень редко. Пик популярности данного вокатива пришелся на XVIII и XIX вв. Также неизвестно, почему он вышел из моды.

Стоит отметить, что в детском идиолекте также достаточно много прозвищ, при помощи которых ребенок выражает оценочное отношение к своим сверстникам: Cry-baby, Custard, Splitter.

Идиолект родителей довольно беден стандартными апеллятивами-релятивами. Из иллюстративных источников были выявлены следующие обращения: son, daughter, child, girl, my boy, nephew, dear.

Апеллятив Son по отношению к сыну употребляется достаточно редко, в большинстве случаев он номинирует адресатов, не состоящих в родстве с адресантами, значительно моложе отправителей речи. Апеллятив Daughter в текстах встречается еще реже и объясняется как архаичный, – возможно, потому, что у него нет уменьшительных сокращений. Child чаще используется как обращение к девочке или девушке взрослым, принимающим на себя роль родителя.

Обращения Boy и Girl трактуются словарями как дружеское обращение одного хорошо знакомого к другому, присущее американскому варианту английского языка, и чаще используются не родителями, а более дальними родственниками. Nephew, согласно словарям, встречается исключительно в литературе XIXв.

Немногочисленны случаи употребления апеллятивов-релятивов супругами по отношению друг к другу. Так, Husband как вокатив в настоящее время используется гораздо реже, нежели в XVII в. Вокатив Wife мужья используют как показатель того, что они стоят выше своих жен по социальному статусу, являются хозяевами положения. Особенно наглядно это проявляется в шуточных диалогах.

Как свидетельствуют результаты выборки из DTA, супругами в формате ВСК задействовано значительное количество гипокористик, выражающих положительное эмоциональное отношение субъекта речи к референту: darling, honey, sweetheart, sweet, baby mine, little girl, girl, girlie, dear, dearest, pet.

В данной категории клишированное употребление апеллятивов-гипокористик в ВСК приводит к изнашиванию и нейтрализации их системного оценочного потенциала. Ярким примером является апеллятив Darling: речевое ослабление мелиоративного

компонента стало частью системного значения: a popular form of address to a person of the opposite sex whose name you cannot at the moment recall (Webster).

Honey использовалось как ласковое обращение с XIVв. В XIXв. этот апеллятив был маркером разговорной речи американцев, однако в настоящее время он встречается также и на территории других англоязычных стран. Еще одно обращение – Sweetheart/Sweet (эквивалент ‘Darling’) – используется между влюбленными, между детьми и родителями, а также между подругами.

Интерес для изучения представляет апеллятив Dear, широко распространенный в XIXв. При использовании данного апеллятива в письмах в качестве формы приветствия степень дружелюбности обращения варьирует в зависимости от того, какие слова следуют после него: ‘Dear John’ может быть положительным; ‘Dear Sir’, скорее, просто формальность.

Таким образом, можно заключить, что апеллятивный массив формируется под воздействием таких характеристик, как социальная среда, социальный статус, возраст и уровень эмоциональности коммуникантов.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Коммуникативная функция и значение слова //Филологические науки. М., 1973. №3. С. 84-89.
2. Болховитинов Н.Н. История США. М. 1983.
3. Сухарева Т.В. Коллоквиальные апеллятивы в американском варианте английского языка: Автореферат дис. канд. филол. наук. Н.Новгород, 1995.
4. Токвиль, де А. Демократия в Америке: Пер. с франц. М, 1992.
5. Bühler K. Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache. Jena, 1934.
6. Dunkling L. Dictionary of Epithets and Terms of Address. Taylor & Francis Routledge, 1990.
7. Webster’s Online Dictionary.

Мухин С.В.

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЗАИМСТВОВАННОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Одной из характерных особенностей английского языка является то, что его словарный состав отличается большей долей заимствованной лексики, чем лексикон типологически схожих языков. По некоторым оценкам, доля заимствованных лексических единиц составляет до 70% (Арнольд 1973: 249). Для фразеологии подобной статистики не

существует. Чтобы в какой-то степени восполнить этот пробел, предпринята попытка установить в системе английской фразеологии примерный удельный вес фразеологических единиц (ФЕ), заимствованных из различных языков.

С этой целью проведен анализ Большого англо-русского фразеологического словаря А.В. Кунина как наиболее полного из существующих словарей, предлагающих пометы этимологического характера (Кунин 1998: 10). Под термином «заимствованные фразеологизмы» понимаются натурализованные фразеологические заимствования, иначе говоря, фразеологические кальки (ФК). Иноязычные фразеологические комплексы не рассматриваются, поскольку их, как правило, относят к периферии английской фразеологии и они исследованы достаточно подробно (Патрушева 1989: 16). Для выявления ФК необходимо выработать некоторые принципы, определяющие, что считать ФК.

Фразеологической калькой считается:

1) фразеологизм, прототип которого существует или существовал в неанглоговорящем языковом сообществе. Прототип в языке-источнике может быть ФЕ, свободным словосочетанием или словом. Например, *bread and circuses* (хлеба и зрелищ) – калька с латинского фразеологизма *panem et circenses*; *boon companion* (собутыльник) – калька с французского свободного словосочетания *bon compagnon*; *swan song* (лебединая песня) – калька с немецкого слова *Schwanengesang*.

2) фразеологизм, прототип которого был создан в англоговорящем языковом сообществе носителями английского языка, но выражен формой другого, не родного языка. Например, *the City of Brotherly Love* (город братской любви) – калька с греческого слова *Philadelphia*, или же афоризм *knowledge is power* (знание – сила), впервые сформулированный Фрэнсисом Бэконом на латинском языке: *nam ipsa scientia potestas est*.

3) фразеологизм, прототипом которого служит неязыковой факт, реальный или вымышленный, имевший место в неанглоговорящем языковом сообществе. Так, многочисленны ФЕ, имеющие в качестве образной основы греческую и другую мифологию, а также факты античной истории: *a Herculean labor* (геркулесов труд); *the horn of plenty* (рог изобилия); *Draconian laws* (драконовские законы).

С учетом перечисленных принципов и этимологических помет определяются этимологические слои заимствованной фразеологии и устанавливается их удельный вес.

В словаре профессора Кунина зафиксированы ФЕ, заимствованные из 20 языков. Общее число этих единиц 540, что составляет чуть менее 3% от всех единиц словаря. Представляется, что для фразеологии это достаточно высокий показатель. Среди ФК безусловное большинство составляют фразеологизмы французского и латинского

происхождения: 214 и 195 единиц соответственно, или же в процентном выражении 40 и 36%. Далее идут единицы греческого происхождения, их 70. Единиц немецкого происхождения насчитывается 27. По 7 единиц было заимствовано из арабского и испанского языков. Пять единиц пришли из итальянского языка, три из голландского, две единицы из индейских языков Северной Америки. По одной единице представлено из следующих языков: китайского, датского, древнеегипетского, иврита, хинди, исландского, норвежского, персидского, русского, тайского, турецкого.

Этимология некоторых ФЕ не может быть установлена с определенностью. Вопрос относительно их языка-источника остается открытым. Например, около 20 единиц латинского происхождения могли быть заимствованы непосредственно из латинского языка либо через посредство французского: *poetic license* – *licence poétique* – *licentia poetica* (поэтическая вольность); *common sense* – *sens commun* – *sensus communis* (здоровый смысл) и др.

Этимологию некоторых ФК можно охарактеризовать как условную. Подобная характеристика уместна в отношении всех семи единиц, помеченных как арабские заимствования, поскольку они взяты из сказок «Тысячи и одной ночи» – сборника рассказов, изначально принадлежавших к разным культурам.

Этимологическая принадлежность отдельных единиц представляет сложности в плане диахронии. Например, ФЕ *place in the sun* (место под солнцем), которая была заимствована из французского языка в XVII в. Прототипом явилось выражение, впервые употребленное Блезом Паскалем: *place au soleil*. Однако впоследствии этот фразеологизм был забыт и вновь введен в обиход лишь в 1911 г., на этот раз как калька с немецкого *Platz an der Sonne*.

Проблематика ФК требует детального и специального рассмотрения как в аспекте этимологии, так и в других языковых аспектах. Большой интерес для подобного исследования представляют ФК французского и латинского происхождения как самые многочисленные и отражающие наибольшую степень внешнего влияния, оказанного на систему английской фразеологии.

Литература

1. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. М., 1973.
2. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. – М, 1998.
3. Патрушева О.А. Системно-функциональные особенности иноязычных фразеологических комплексов в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1989.

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ АНГЛИЙСКИХ ТЕРМИНОЛОГИЗМОВ И ПРОБЛЕМА ДЕФОРМАЦИИ

Известно, что к разработке вопроса о влиянии терминологии на образование фразеологических единиц (далее ФЕ) в английском языке еще в начале 1970-х гг. обратился известный фразеолог А.В. Кунин. В статье 1971г. он выделил семь основных типов фразеологизации в зависимости от того языкового материала, который лег в основу будущей ФЕ (Кунин 1971:8-9). Однако в 1971г. А.В. Кунин еще не говорил о терминологических сочетаниях как возможных источниках образования ФЕ. В монографии «Фразеология современного английского языка» 1972г. издания автор характеризует профессиональную речь как «важнейший источник фразеологизмов» (Кунин 1972: 8).

В настоящей статье анализируются источники появления и развития в английском языке двуплановых единиц – терминологизмов, которые одновременно являются терминами и фразеологизмами. Можно констатировать, что в результате многоступенчатого процесса в естественном языке под влиянием детерминализации и деспециализации, при условии использования в нетерминологическом тексте, у языковых единиц на базе первых, терминологических значений развиваются вторичные значения, которые являются переосмысленными, иными словами, фразеологическими. Данные единицы продолжают оставаться терминами, но обладают одновременно несколькими значениями: первое - терминологическое, и второе - метафорическое. Примерами таких единиц являются, например: *action stations* – терминологическое значение (военная сфера) – «в боевой готовности», фразеологическое значение – «подготовка к какому-либо событию»; *critical mass* (физический термин) – критическая масса, фразеологическое значение – «большое количество»; *cut loose* – морской термин «отдать швартовы», фразеологическое значение – «убежать», «действовать *или* говорить свободно» и др.

Известно некоторое количество подобных единиц, которые изначально появились во французском, голландском или иных языках. Претерпев фонетические, морфологические или семантические изменения, данные единицы стали функционировать в английском языке как терминологизмы, или терминологические фразеологизмы.

Приведем примеры некоторых терминологизмов, которые были заимствованы английским языком. Единицы *gain ground* и *lose ground*, которые являются антонимичными, были заимствованы из французского языка:

gain ground АРФС: 1. наступать на, захватывать, посягать на [букв.воен. выигрывать пространство, продвигаться вперед; этим. фр. *gagner du terrain*]; 2. делать успехи, прогрессировать; 3. распространять, прогрессировать.

lose ground АРФС: 1. уступать, идти на уступки; отступать, сдавать свои позиции [букв. воен. отдавать, уступать территорию; отходить, отступать; фр. этим. *perdre du terrain*].

Kenk: fall behind; lose in strength, extent, popularity, etc. opp. to gain ground.

С единицей **forlorn hope** во время заимствования произошли видимые изменения, так как, по мнению многих авторов лексикографических источников, изначально данное словосочетание в голландском языке имело форму **verloven hoop**:

АРСТ:

воен. отряд, обреченный на гибель [*буквально* потерянная надежда; *этим. голл.* *verloven hoop*]; фраз. очень слабая надежда, последняя надежда; невыполнимая задача, безнадежное предприятие; ≅ гиблое дело.

<http://www.thefreedictionary.com>

n

1. a hopeless or desperate enterprise

2. a faint hope

3. (Military) *Obsolete* a group of soldiers assigned to an extremely dangerous duty

[C16 (in the obsolete sense): changed (by folk etymology) from Dutch *verloren hoop* lost troop, from *verloren*, past participle of *verliezen* to lose + *hoop* troop (literally: heap)]

<http://www.etymonline.com>

Commonly in forlorn hope (1570s), which is a partial translation of Du. *verloren hoop*, in which *hoop* means "troop, band," lit. "heap," and the sense of the whole phrase is of a suicide mission. The phrase is usually used incorrectly in English, and the misuse has colored the sense of forlorn.

При изучении этимологии данного словосочетания были обнаружены интересные данные: **forlorn hope** использовалось в значении «отряд, который выступает первым, практически всегда гибнущий»; солдаты, так называемые *attack dogs*, которые жертвовали своими жизнями во имя победы своей армии. Знаменательно, что в английском военно-морском флоте существовало словосочетание '*Flowing Hope*', означающее отряд моряков, миссией которых было отвлечь силы противника на себя, пусть и ценой собственной жизни.

Таким образом, при заимствовании словосочетание *forlorn hope* претерпело значительные фонетические изменения.

Примером терминологизма, который можно считать «деформированным» не только с точки зрения произношения, письменной формы, но и в плане семантики, является словосочетание *run the gauntlet*:

АРСТ воен. пройти сквозь строй [этим. швед. *running the 'gatlopp'* – означало наказание в Шведской армии. Выражение вошло в английский язык во время Тридцатилетней войны (около 1640 г.), и *gatlopp* вскоре было заменено на *gauntlet*, более знакомое англичанам]; *фраз.* подвергнуться нападкам, суровой критике, опасности

<http://www.etymonline.com>:

The name of the brutal punishment was originally 'running the gantelope'. Gantlope is an Anglicized form of the Swedish word 'gatlop', or 'gatu-lop', which refers to the gate of soldiers that the victim had to pass through. The 1st Earl of Shaftsbury recorded the phrase in his *Diary*, 1646:

"Three were condemned to die, two to run the gantelope."

Любопытно, что современное слово *gauntlets*, которое является компонентом данного словосочетания, означает не что иное как садовые перчатки, обычно грубые, предназначенные для ведения садовых работ. Исторически слово *gauntlet* означало латную рукавицу, как правило, из стали. Именно поэтому в армии существовало наказание, при котором провинившиеся солдаты должны были проходить сквозь строй и подвергаться ударам такими рукавицами. Как правило, выживали при такой экзекуции немногие, так как удары должны были наноситься со всей силы. В английском языке малознакомое и трудно произносимое слово *gatlopp* приобрело более привычную форму *gantlope*, впоследствии *gauntlet(s)*. Именно в таком виде - *run the gauntlets* – словосочетание и существует по настоящее время.

Заслуживают дальнейшего рассмотрения такие единицы, как *round robin* (заимствование из французского языка), *stand aloof* (из голландского) и некоторые другие.

Литература

1. Кунин А.В. Пути образования фразеологических единиц (на материале английского языка) // Иностранные языки в школе. М., 1971. №1. С.8-21.
2. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь (АРФС). М.1984.
3. Кунин А.В. Фразеология современного английского языка. Опыт систематизированного описания. М., 1972.

4. Никулина Е.А. Англо-русский словарь терминологизмов (АРСТ). М.: Прометей. 2005.

Интернет-источники

1. <http://www.etymonline.com>
2. <http://www.thefreedictionary.com>

И.В.Панасюк

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ГИПЕРБОЛЫ

В классической стилистике гипербола определяется как художественный прием преувеличения, которое представляется сомнительным или просто невероятным (И.А. Гальперин), как изобразительное средство языка, заключающееся в заведомом преувеличении, повышающем экспрессивность высказывания и сообщающее ему эмфатичность (И.В. Арнольд). Отмечается, что языковые гиперболы, подобно языковым метафорам и сравнениям, изучаемым лексикологией, противопоставлены оригинальным, авторским гиперболам, которые собственно и относятся к сфере стилистики. Разделение гипербол на устойчивые, закрепленные в языке и на авторские, уникальные, безусловно, правомерно и полезно. Однако при анализе устной разговорной речи, а также и письменных текстов разных типов, в частности, художественных и публицистических, обнаруживается, что для решения стилистических задач авторы прибегают к комплексному использованию гиперболических высказываний обоих типов. В связи с этим, в ряде современных работ гипербола рассматривается как совокупность лингвистических средств преувеличения для создания эффекта повышенной силы при передаче эмоционального состояния или определенных прагматических целей. Следует отметить исследование К. Кларидж, в котором для анализа гиперболы используются данные ряда корпусов (Claridge). Опираясь на огромные массивы лингвистических данных, автор получает убедительные выводы о тенденциях в развитии гиперболических значений, а также о частотности использования того или иного средства гиперболизации в разные эпохи и разными носителями английского языка. Корпусной подход к изучению лингвистических явлений, тем не менее, не исключает контекстуальный анализ. Думается, что оба направления анализа должны быть в постоянном взаимодействии, что позволит подойти к более глубокому и всестороннему пониманию явлений лингвостилистики.

В данной работе ставилась цель рассмотреть особенности контекстуальной реализации гиперболы в романе современного британского прозаика Иена МакЮэна «Солнечная энергия».

Писатель применяет целый спектр имеющихся в английском языке гиперболических средств для обрисовки персонажа, а именно, гиперболический эпитет “great”, так называемую числовую гиперболу “a thousand thank yous” «тысяча благодарностей», вежливое преувеличение с использованием усилительного наречия “much”: “much anticipated” «очень ждем». Рассмотрим Пример 1: Another official, younger but more senior, of Indian origin, received him by a set of lofty double doors thrown open to the din of teatime chatter. After the preliminaries – a great honour, a thousand thank yous, much anticipated, about lateness please not to worry – the young man, whose name, Saleel, Beard remembered from email exchanges, ran through the composition of the audience: institutional men and women, a few civil servants, a few academics, no journalists (Mc Ewan, 201). Анализируя контекстуальное окружение «ключевой» гиперболы “a thousand thank yous”, можно убедиться, что она является как бы вершиной айсберга, опираясь на гиперболы других типов.

В Примере 2 можно видеть, как числовая гипербола “thousands of unquoted companies” инкорпорируется в сильно гиперболизованный контекст, в котором имеются следующие гиперболические выражения: гиперболический эпитет “colossal fortunes”, гиперболический глагол “seething with vitality”, существительное с гиперболическим значением множества “log jams”, гиперболическая метафора “oceans of dreams”. Кроме того, автор использует повтор и асиндетическое перечисление для усиления убедительности речи своего персонажа. Пример 2: Colossal fortunes will be made. The sector is seething with vitality, invention – and, above all, growth. It has thousands of unquoted companies positioning themselves with new techniques. Scientists, engineers, designers are pouring into the sector. There are log jams in the patent offices and supply chains. This is an ocean of dreams, of realistic dreams of making hydrogen from algae, aviation fuel from genetically modified microbes, of electricity out of sunlight, wind, tides, waves, cellulose, household waste... (ibid, 211). В Примере 3 эйфорическое состояние персонажа описывается с помощью повтора отрицательного наречия “never” в комбинации с превосходной степенью прилагательного. Пример 3: Beard’s pain was lifting, the painkillers had a strong euphoric effect. He had never enjoyed anything quite so good as the steak, French fries, green salad and red wine before him. And Jesus – he had never met anyone with this name, even though he knew it was common in Spain – seemed to him the most interesting he had met in years (cc.89-90). В Примере 4 автор реализует гиперболическое значение глагола “kill”:

Пример 4: He had reached the place where the amorphous overlapping ten queues narrowed down to three in order to line up for the immigration desks. And here he came, a gaunt parchment-faced fellow in a loden coat (Beard had always despised the style), sliding in from the left, trying to use his height to squirm ahead, angling his oversized briefcase at knee height to use as a wedge. Abruptly, driven by shameless rectitude, Beard stepped forward to deny the man space, and felt the briefcase bang against his knee. At that moment Beard turned and sought out his gaze and said politely, though his heart beat a little harder, "Terribly sorry." A rebuke poorly disguised as an apology, pretending manners to a man he would rather at that moment kill. It was good to be back in England (ibid,155-156). Фактически весь абзац, предшествующий глаголу "kill", является описанием постепенно нарастающего недовольства и раздражения главного персонажа, вынужденного терпеть наглость пассажира, лезущего без очереди, и извиняющегося перед последним, в то время как на самом деле готовым его убить. Автор использует ряд лексических средств для создания преувеличенно отрицательного облика и поведения этого пассажира: высокий рост, огромный чемодан, пальто защитного цвета, который он терпеть не может. При этом вся его злость находит выход в саркастически-гиперболизированном извинении – "Terribly sorry." И в завершении описания эмоционального состояния героя, резко контрастирующим с внешней вежливостью, употребляется гиперболический глагол "kill".

Таким образом, можно отметить, что реализация гипербол в художественном тексте осуществляется на протяжении определенного контекста за счет использования разнообразных средств, при этом «пик» гиперболического значения приходится на слово или группу слов, маркированных по этому признаку.

Литература

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык. М,2002.
2. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. Опыт систематизации выразительных средств. М, 2012.
3. Claridge C. Hyperbole in English. A Corpus-based study of Exaggeration. Cambridge University Press, 2011

О МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ ФЕ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: RED TAPE

Общепринятая точка зрения о природе фразеологических единиц (idioms) основывается на положении о том, что это особые образования, компоненты которых подверглись переосмыслению и поэтому не могут рассматриваться как синтаксически полноценные словосочетания, состоящие из слов в тех значениях, которые им присущи за пределами фразеологической единицы: «An idiom is a set phrase of two or more words that means something different from the literal meaning of the individual words.» (Ammer 2003:III). В докладе на примере словосочетания red tape, определяемого как семантически немотивированная ФЕ (Ginzburg 1966:102), мы продемонстрируем то, каким образом данное словосочетание проявляет все признаки синтаксически полнооформленного компонента предложений, содержание которого целиком основано на естественных для английского языка значениях слов red и tape.

The American Dictionary of Idioms предлагает следующую дефиницию для данного сочетания: «Official forms and procedures, especially those that are complex and time consuming» (Ammer 2003:348).

Если обратиться к электронным корпусам реальных употреблений этого сочетания (BNC и COCA, например), то, прежде всего, необходимо отметить специфику сочетания red tape с глаголами. Наиболее частотными глаголами являются cut (through), tie (up with), tangle (up in). Многочисленные примеры глагольных образований типа cut through red tape, tied up with red tape, tangled up in red tape, swaddled in red tape убедительно демонстрируют то, что содержанием этих словосочетаний является либо обозначение действий, направленных на освобождение от связанности (cut, unsnarl, slash through), либо описание состояния скованности (tied up, tangled up, bound in, swaddle in). Это содержание является естественным результатом сочетания указанных глаголов со словом tape: The books were all tied up with tape (пример из словарной статьи на слово tape в словаре Collins Cobuild (Collins Cobuild 2006:1481). Во всех контекстах бюрократические процедуры, упоминаемые в ближайшем словесном окружении, представлены в данных словосочетаниях как сковывающая движение лента, которая либо должна быть перерезана, либо продолжает препятствовать свободе движений. Интересно, что тот же словарь дает сочетание red tape как элемент словарной дефиниции статьи глагола bind: «If you bind something or someone, you tie rope, string, tape, or other material around them so that they are held firmly the red tape which was used to bind the files» (Collins Cobuild 2006:129).

Соотнесение дефиниции и примера в словарной статье хорошо показывает источник иносказательной образности в сочетании red tape и одновременно свидетельствует об отсутствии переосмысления в этом сочетании, когда негативное воздействие на свободу действий различных бюрократических правил уподобляется состоянию, которое описывается в языке как being bound with red tape. The red tape which was used to bind the files и заголовок статьи *For Their Next Act, Cutting Red Tape*, посвященной тому, как сложно приезжающим в Великобританию бороться с бюрократическими формальностями, препятствующими возможности нормально работать в стране, используют один и тот же содержательный потенциал слов red и tape, только в заголовке он используется для иносказательно оценочного уподобления описываемой в статье ситуации необходимости разрезать красную ленту, сковывающую свободу движений. В обоих случаях очевидна и полноценная синтаксическая оформленность red tape.

Следует подчеркнуть и вполне естественное значение прилагательного red в данном словосочетании. Во-первых, значение red как цвета, связанного с обозначением препятствия, с сигналом о необходимости прекращения каких-либо действий фиксируется в словарных статьях: red light – a traffic signal which shines red to indicate that drivers must stop; red flag – a flag that is red in colour and is used to indicate danger or as a sign that you should stop; red card – the referee holds up a red card to indicate that the player must leave the pitch (Collins Cobuild 2006:1201-1202). Во-вторых, очевидность содержательной полноценности прилагательного red в сочетании red tape подтверждается и тем, как часто именно цвет ленты, препятствующей свободе действий, выдвигается на первый план в структуре заглавий текстов: *From Red Tape to Red Power*; *Red Flags and Red Tape: the making of a labour bureaucracy*; *The Big Black Book of Red Tape*. Если бы фразеологическая единица в реальности, а не в теории, обладала бы полным переосмыслением значения компонентов, то подобные образования не были бы естественными для языковой деятельности и их было бы невозможно объяснить.

Таким образом, мы видим, что идиомой, собственно, является не переосмысленное словосочетание red tape, а ситуативный сценарий having to deal with bureaucratic hurdles is like cutting red tape that would otherwise keep you bound and may eventually strangle you. Языковой материал свидетельствует о том, что red tape нецелесообразно рассматривать вне связи с данным иносказательно-оценочным комплексом и что оба компонента данного словосочетания полностью сохраняют свои значения.

Литература

1. Ammer C. The American Heritage Dictionary of Idioms. Boston, New York. 2003.

2. Collins Cobuild Advanced Learner's English Dictionary. Glasgow. 2006.
Ginzburg R.S. et al., A Course in Modern English Lexicology. Moscow. 1966.

Хромцова Ю.В.

К ВОПРОСУ О ЛЕКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВАХ ВЫРАЖЕНИЯ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Понятие предположения было и, пожалуй, остаётся одним из наиболее дискуссионных. Вопросы среди учёных-лингвистов. Предположение представляет собой особый вид модального значения. Грань между модальностью предположения и вероятности очень тонка, поэтому все средства их выражения лингвисты обычно выделяют в одну большую группу (Абдусаламова 2006: 46). В пределах потенциальной модальности выделяют три значения: вероятности, достоверности и предположения. Предположение – это субъективная оценка реальности высказываемого со стороны говорящего, основанная на том, насколько он осведомлен о положении вещей. Если продуцент недостаточно осведомлен о данном факте (или не хочет ничего категорически утверждать), он говорит о нем как о чем-то более или менее вероятном. На самом же деле то, что он предполагает либо соответствует действительности, либо не соответствует ей. А вероятность – это степень возможности появления какого-либо определенного события в тех или иных условиях (Беляева 1988: 114).

Итак, рассмотрим модальные модификаторы, которые используются для выражения предположения в художественных произведениях. В качестве объекта исследования выбран текст классического детектива «They came to Baghdad» Agatha Christie.

Модальные глаголы обозначают возможность, способность, вероятность, а также необходимость совершения действия, выраженного смысловым глаголом. Поскольку они выражают лишь модальное отношение, а не действие, в качестве отдельного члена предложения никогда не употребляются. Модальные глаголы употребляются с инфинитивом, образуя с ним сочетания, которые в предложении являются сложным модальным сказуемым.

Модальные глаголы передают различные оттенки предположения, начиная с предположения, граничащего с уверенностью, и заканчивая предположением, в котором говорящий не уверен.

Наряду с модальными глаголами, модальные слова являются еще одним способом выражения предположения. Из таких модальных слов как: *perhaps*, *maybe*, *probably*, *possibly* наиболее часто для выражения предположения используются модальные слова *perhaps* и *probably*. Некоторые лингвисты не выделяют такой категории как модальные

слова и причисляют их к наречиям. В целом же лингвисты упоминают о модальных словах очень кратко, просто выделяя их из общей системы частей речи.

Совокупность лексики со значением предположения насчитывает в современном английском языке 316 единиц, отобранных нами в результате анализа художественного произведения Агаты Кристи «Встреча в Багдаде».

На основании анализа анализируемого нами произведения была отобрана лексика, принадлежащая к разным частям речи. Наиболее продуктивным способом выражения предположения являются модальные слова. Из 316 отобранных для анализа лексических единиц (далее ЛЕ) 109 ЛЕ (34,5%) составляют модальные слова и столько же 109 ЛЕ (34,5%) – глаголы мыслительной деятельности. Достаточно продуктивно функционируют в современном английском языке и модальные глаголы в сочетании с перфектным и простым инфинитивами, отражающие исследуемую семантику, 50 ЛЕ (15,82 %). Наречия представлены 29 ЛЕ (9,18%). Было найдено всего 8 ЛЕ, выраженных существительными, которые составляют 2,5% от общего количества примеров, и лишь 6 прилагательных (1,9%), а также 5 модальных частиц с семантикой предположения слабой степени уверенности (1,6%).

При описании семантики предположения мы интерпретируем это явление как совокупность трех эмотивно-оценочных типов, так как весь спектр выражения предположительного отношения может члениться на подтипы в зависимости от степени интенсивности выражения предположительной оценки. Следовательно, исследуемые лексические единицы отражают определенные аспекты предположения: большую степень уверенности о предполагаемом факте (событии), среднюю и меньшую степень уверенности. Таким образом, на основании выделения дифференциальных сем, все конститuentы англоязычного корпуса можно разделить на три подгруппы.

Как показал анализ словарных дефиниций, значение предположения не едино. При общности интегральной семантики выражение предположительной оценки лексические единицы номинируют различные аспекты данного явления, что выражается в наличие той или иной дифференциальной семы в структуре значения. В зависимости от дифференциальной семантики «мысль, суждение», «отсутствие точного знания», «наличие одного или группы известных фактов», «логическая обработка имеющихся фактов», «неуверенный вывод» корпус примеров можно разделить на три типа (Авраменко 58: 2007). Выделенные семантические типы предположения различаются степенью уверенности, а также характером отношений между собеседниками, особенностями коммуникативной ситуации.

К первому типу относятся слова и выражения, несущие семантику предположения, выражающие сильную степень уверенности в чем-либо, такие как: *seem, believe, think, surely, certainly* и др.

Наиболее распространенным глаголом, передающим семантику предположения, в английском языке является глагол *to think* «думать». Этот глагол выражает самое общее значение и передает самые различные оттенки значения, но в данной статье нас интересуют только значения, передающие семантику предположения: «верить, полагать, не будучи сильно уверенным в достоверности сообщаемого факта».

Ко второму эмотивно-оценочному типу относится предположение средней степени уверенности. К числу лексических единиц, выражающих семантику предположения, относятся такие, как *consider, surmise* и др.

В третьем случае понятие «предположение» включает в себя семантику слабой степени уверенности, достоверности о каком-либо факте или явлении. К данному типу мы отнесли следующие слова и выражения: *suppose, seem, guess, perhaps, probably, maybe, hardly, scarcely* и другие.

В рамках проведенного исследования была предпринята попытка проанализировать средства выражения предположения. Задачи, поставленные для реализации цели работы, были выполнены на фоне обращения к работам таких отечественных и зарубежных лингвистов, как В.Д. Аракин, В.Н. Жигadlo, М.Я. Блох, А.С. Хорнби и др.

В ходе работы было рассмотрено понятие предположения как категории модальности. Так, предположение – это категориальная форма наклонения, выражающая отношение говорящего к сообщаемому или сообщаемого к действительности. Рассмотрение работ различных языковедов показало, что вопрос о предположении в лингвистике остаётся недостаточно изученным.

Источник

Christie A. They came to Baghdad. СПб., 2009.

Литература

1. Абдусаламова М.М. Модальность предположения в аварском языке в сопоставлении с германскими языками: Автореф. дис. канд.филол. наук. Махачкала, 2006.
2. Авраменко Е.Б. Явление модальности в современной лингвистике // Диалог языков и культур: теоретический и прикладной аспекты: Сборник научных статей.- Выпуск 2 / Сост. и отв.ред. Т.С. Нифанова. Архангельск, 2007.

3. *Беляева Е.И.* Модальность и неграмматические аспекты директивных речевых актов в современном английском языке. Воронеж, 1988.

Шадрина Н.А.

ОБ ОЦЕНОЧНОМ ПОТЕНЦИАЛЕ ИНТЕНСИФИКАТОРА “ТОО” В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Разные аспекты взаимодействия и взаимосвязи категорий оценки и интенсификации отмечались исследователями обеих категорий. Например, оценочные наречия могут выполнять интенсифицирующую функцию, не теряя при этом «аксиологическую память» (Bolinger 1972: 26). Эта взаимосвязь не случайна, так как оценочность отражает качественную сторону речи, а интенсивность – количественную сторону качественности.

Другим общим признаком обеих категорий является отношение к норме. Понятие нормы относится ко всем (или почти ко всем) аспектам картины мира. Роль нормы в системе ценностей и оценок состоит в том, что оценка, как правило, соотносит предметы или явления картины мира с идеализированной, нормативной её моделью. Оценка помогает определить нормирующую деятельность человека или общества и границы нормативного мира. Все ценностные суждения скрывают за собой общее утверждение, отсылку к некоторому стандарту, применимому не только к данному, но и к другим случаям.

Практически все исследователи нормы в аксиологии считают, что она релятивна. Это объясняется разными причинами. Прежде всего, субъективностью оценки. Но попытки выведения оценки за рамки субъекта оценки не снимали проблему её вариативности. Перенесение критерия оценки на норму оставляли её, тем не менее, вариативной, так как норма тоже может меняться. Вместе с тем, можно составить представление о среднем или типичном представителе аксиологического признака – стандарте, нормативе, образце, модели – хотя ни один реальный признак не будет совпадать с ним в точности. Но по отношению к этому стандарту всё то, что лучше среднего норматива, квалифицируется как положительное, а то, что не достигает стандарта, – отрицательно.

Оценочные признаки и их отношение к норме могут быть отражены на шкале оценок. Точкой отсчёта на неё является «зона нормы», которая нечётко ограничена, размыта, соотнесена со стереотипным представлением о данном признаке. Этот стереотип складывается стихийно на основе информации из области восприятия, из функциональной области, а также на основе ассоциативных связей (Вольф 2006: 55-58).

Любое отклонение от нормы в сторону увеличения как положительного, так и отрицательного признака может рассматриваться как сдвиг в сторону «хуже» (Hare 1967:121). Не только в лингвистических, но и в философских работах отмечается, что

изменение количественной определённости вещей в границах меры не затрагивает их качества. За пределами меры количественности изменение сопровождается изменениями качества (ФЭС 1983:265).

Изменение меры количественности, интенсификации признака в лингвистике осуществляется категорией интенсивности, компонентом которой является рассматриваемый в статье интенсификатор *too*. Данная категория имеет общие свойства с категорией оценочности. Например, категоризация в ней происходит также по шкале, которая строится по тому же принципу, что и оценочная шкала, и содержит показатель нормы, «ординарного» (Туранский 1991:5). О большей или меньшей степени интенсивности судят по показателю «нормальной», нейтральной степени интенсивности с учётом той отметки на шкале, которую эмпирически принимают за ординарный уровень.

Рассмотрим место интенсификатора *too* в структуре категории интенсивности. Он характеризуется как «предельный интенсификатор», «показатель избыточной степени» (Quirk, Greenbaum 1982: 85). Об этом же свидетельствует семантическая структура *too*, зафиксированная в словарях. Один из ЛСВ в словаре LDCE (1995:1523) - “more than is reasonable...”. Словарь MED (2002:1515) также содержит ЛСВ, указывающие на способность *too* передавать качество признака, превышающее определённую норму: “more than is necessary or acceptable, “more than someone can deal with or bear”.

Далее рассмотрим функционирование интенсификатора *too* в качестве показателя интенсивности признака, чтобы ответить на следующие вопросы: 1) может ли употребление данного интенсификатора приводить к качественным изменениям интенсифицируемого признака; 2) какую оценку (положительную или отрицательную) приобретает признак, интенсифицируемый при помощи этого показателя; 3) влияет ли контекст на функционирование анализируемого интенсификатора.

Например, при сочетаемости с аксиологическими единицами положительной семантики: *too beautiful*, *too sweet*, *too elaborate* – интенсификатор *too* может менять знак положительного оценочного отношения на противоположный:

He is *too beautiful* for a man.

Однако эта закономерность не является универсальной. Интенсификатор может и не менять знак оценочного отношения. Например,

It's *too good* for words.

It's *too good* an opportunity to miss.

Если же рассматривать употребление интенсификатора *too* с аксиологическими единицами отрицательной семантики: *too bad*, *too awful*, *too terrible*, то можно прийти к

выводу, что в данном случае он не меняет оценочный знак, который всегда остаётся отрицательным.

Рассмотрим употребление исследуемого интенсификатора с параметрическими единицами, которые в системе языка не имеют оценочной семантики. Она появляется у параметрических прилагательных в сравнении: много – это хорошо, мало – это плохо.

Интенсификатор *too* при употреблении с параметрическими признаками выводит их за пределы нормы. Например,

Life is *too* short.

Очевидно, что употребление интенсификатора в данном контексте, в котором параметрический признак приобретает оценочное значение, усиливает градуальность отрицательности.

Рассмотрим ещё один пример:

The child's head is *too* big.

Параметрический признак *big* должен иметь положительную семантику, но использование интенсификатора меняет положительную семантику этого признака на отрицательную.

Таким образом, интенсификатор *too* при его использовании с аксиологическими единицами категории оценки может как менять знак оценки, то есть выполнять оценочную функцию, так и служить только средством интенсификации признака на оценочной шкале. Варианты функционирования интенсификатора в данном случае зависят от контекста употребления.

Литература

1. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. Москва, URSS, 2006.
2. Туранский И.И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. Москва, Высшая школа, 1990.
3. ФЭС – Философский энциклопедический словарь. Москва, 1983.
4. Bolinger D. Degree Words. The Hague: Paris, 1972.
5. Hare R. M. The language of morals. L.etc., 1967.
5. LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English, 1995.
6. MED – Macmillan English Dictionary, 2006.
7. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A University Grammar of English. Moscow, 1982.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Жемчужникова А.К.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ЧУЖДОСТИ

Человеку всегда было свойственно подразделять мир вокруг себя на две противопоставляемые части – «здесь» и «там», «белое» и «черное», «съедобное» и «несъедобное». В данном случае нам интересно противопоставление «своего» и «чужого».

Маркированным компонентом в сложившейся оппозиции является именно «чужое». Его семантика противопоставляется некоторой абстрактной, часто интуитивной, норме восприятия окружающего мира. «Свое» – то, что входит в сложившуюся для данного коллектива норму, согласуется с господствующими в нем стереотипами. «Чужое», в противоположность ему, значит отклоняющееся от этой нормы. Важно отметить, что категория чуждости является интерпретационной, отражая картину мира конкретного участника коммуникации.

Противопоставление «своего» и «чужого» интерпретируется в виде оппозиции «хороший – плохой», причем принадлежащее «чужому» миру чаще всего получает негативную оценку.

Чужое может вызывать различную эмоциональную реакцию – от скрытой недоброжелательности, подозрения, беспокойства до ненависти, раздражения, паники. Например: *I can't breathe in this hideous box of a house. I miss my office. I don't like those people in Hell Close, Lilibet. They're ugly. I'm frightened of them. I refuse to mix with them. I shall stay in bed until I die* (Townsend 1999: 61-62). Использование лексических единиц с отрицательной коннотацией иллюстрирует желание героя отдалиться, абстрагироваться от чуждого. Представители чуждого мира объединяются говорящим в носителей одного имени, однородную неразличимую массу, наделенную общими отрицательными признаками: *those people, they, them*. Все субъекты, воплощающие «чужой» мир, очень похожи, в противоположность «своему» миру, характеризующемуся уникальностью объекта.

Однако чужое также может интерпретироваться как «хорошее», а «свое», следовательно, переосмысливаться с нейтральной или даже негативной точки зрения. «Чужой» мир может выступать как контрастный, яркий фон обыденному «своему» миру. Сам факт отклонения от существующей нормы может вызывать положительные эмоции. Так, *All this – the river and flowers, running, which was something she rarely did these days, the fine ribbing of the oak trunks, the high-ceilinged room, the geometry of light, the pulse in her*

ears subsiding in the stillness – all this pleased her as the familiar was transformed into a delicious strangeness. (McEvan 2007: 20).

Таким образом, противопоставление «свой» – «чужой» преимущественно реализуется в аксиологическом, ценностном плане с преобладанием отрицательной оценки того, что принадлежит «чужому» миру, что, однако, не исключает и возможность его положительной оценки.

Литература

1. Еникеев М.И. Психологический энциклопедический словарь. М., 2010.
2. Карасик В. И., Прохвачева О. Г., Зубкова Я. В., Грабарова Э. В. Иная ментальность. М.: Гнозис, 2005.
3. Мед Н.Г. Образ чужого в языке и тексте//Лингвистическое наследие Ш. Балли в XXI веке. Материалы международной научно-практической конференции/Отв.ред. Г.В.Елизарова. СПб, 2009. С. 242-244.
4. Свирковская С.В. Ксенофобический дискурс (лингвопрагматический аспект). Автореф. канд. дис. Краснодар, 2005.
5. Пеньковский А. Б. О семантической категории чуждости в русском языке//Очерки по русской семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004.
6. Шунейко А.А. Свое, чужое и срединное//Слово – чистое веселье. Сборник статей в честь А.Б. Пеньковского/отв.ред. А.М. Молдован. М., 2009. С.388-395.

Кузнецова О.Г.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АМЕРИКАНСКИХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ

Лингвистические особенности рекламного текста определяются двумя параметрами, а именно прагматической направленностью рекламы и реализацией рекламы в условиях определенного лингвокультурного сообщества. Таким образом, языковые особенности рекламы в значительной степени определяются этнокультурными особенностями адресатов рекламного сообщения, в данном случае такими характеристиками американского общества. Иными словами, рекламный текст культурно детерминирован. [1;3]

Так как рекламные тексты реализуются в определенном национально-культурном пространстве, в языке рекламы находит свое отражение национальная языковая картина мира, включающая в себя национальные социокультурные стереотипы и национально-прецедентные феномены. [2; 4]

В результате исследования, материалом для которого послужили более 1500 примеров, полученных методом сплошной выборки из американских журналов за 2006-2011 годы, был выделен ряд ценностных стереотипов, используемых в американской рекламе.

Нам удалось выделить важные национальные ценностные стереотипы, апелляция к которым была многократно выявлена в американском рекламном дискурсе. К таким ценностным стереотипам относятся экономия времени, стремление к процветанию (стремление к экономии, стремление иметь больше денег), патриотизм, дом и семья (дом как «крепость», семья как традиционная ценность, любовь к детям), индивидуализм (как признание личных особенностей каждого человека и возможность достижения своей цели). Также встречались примеры рекламных текстов, в которых задействовались одновременно несколько стереотипов для усиления прагматического воздействия.

Апелляция к ценностным стереотипам в американских рекламных текстах происходит при помощи использования лексических единиц, отсылающих к вышеперечисленным ценностям, а также при помощи прецедентных феноменов (текстов, имен, высказываний), актуализирующих необходимый копирайтерам культурный опыт.

В рекламных текстах также было выделено большое количество лексических единиц, которые принадлежат к семантическим полям, являющимся центрами синонимической аттракции (money, time, individualism). Формирование таких центров синонимической аттракции обусловлено тем, что концептуализируемые ими сферы внеязыковой действительности играют важную роль в жизни общества. Существует определенная тенденция к корреляции между социокультурными стереотипами и центрами синонимической аттракции.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в американских рекламных текстах используется апелляция к значимым культурным ценностям, и именно состав этих ценностных стереотипов отражает этнокультурное своеобразие американской рекламы.

Необходимо, однако, отметить тот факт, что на современном этапе в связи с процессами глобализации происходит сближение культур и изменение системы культурных ценностей и стереотипов, в связи с чем наблюдается постепенное размывание этнокультурных особенностей в рекламе.

Литература

1. Карасик В.И. Этнокультурные типы институционального дискурса // Этнокультурная специфика речевой деятельности: Сб. обзоров. М., 2000. С.37-64.

2. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2003.
3. Кочетова Л.А. Лингвокультурные характеристики английского рекламного дискурса: АКД филол.н. Волгоград, 1999.
4. Медведева Е.В. Рекламный текст в плане межъязыковой и межкультурной коммуникации.: АКД. М., 2002.

Обвинцева Т.О.

ТЕНДЕНЦИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЁН В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Центральным понятием политической лингвистики является политический дискурс, который представляет собой особую разновидность дискурса и имеет своей целью способствовать завоеванию и удержанию политической власти. В лингвистической литературе политический дискурс представлен как многоаспектное и многоплановое явление, как комплекс элементов, образующих единое целое. Политический дискурс – это совокупность «всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» (Баранов, Казакевич 1991:6). Данное определение представляет широкий подход к содержанию понятия «политический дискурс».

Виртуальное измерение политического дискурса, по мнению Е.И.Шейгал, – это «семиотическое пространство, включающее вербальные и невербальные знаки, совокупным денотатом которых является мир политики, тезаурус высказываний, набор моделей речевых действий и жанров, специфических для общения в данной сфере» (Шейгал 2000: 34).

Предназначение политического дискурса – не просто предоставить референцию, а убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию.

Речь политика должна затрагивать нужную струну в массовом сознании, его высказывания должны укладываться во всё множество мнений и оценок его адресатов, «потребителей» политического дискурса. Поэтому умелый политик оперирует прецедентными именами, архетипами и ритуалами, созвучными массовому сознанию.

Прецедентными феноменами называется особая группа вербальных или вербализуемых феноменов, которые известны любому среднему представителю того или иного лингвокультурного сообщества и входят в когнитивную базу этого сообщества.

Прецедентные феномены отражают в тексте национальные культурные традиции в оценке и восприятии исторических событий и лиц, мифологии, памятников искусства, литературы, произведений устного народного творчества (Ворожцова 2006: 226).

Прецедентное имя – индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к числу прецедентных (например, Обломов, Тарас Бульба), или с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная (Иван Сусанин, Колумб); оно может также выступать как имя-символ, указывающее на некоторую эталонную совокупность определённых качеств (Моцарт, Ломоносов) (Гудков 2003: 108).

Политическая власть в значительной степени осуществляется посредством языка, который помогает политику войти в личностную сферу реципиента с помощью различных приемов манипуляции. Под манипуляцией мы понимаем процесс навязывания населению взглядов, мнений, способов действий, которые адресант может считать заведомо ложными, но выгодными для себя; это связано с использованием специальных приемов, направленных на понижение критического мышления со стороны реципиентов. При использовании прецедентных имён нужные идеи наиболее ёмко и ярко возникают в сознании реципиента.

Ниже приведены примеры использования прецедентных имен в англоязычном политическом дискурсе:

- *Every woman wants to be the next **Monica Lewinsky**,*” she said. “*But Tony Blair he just doesn’t have that...* (The Forbes, 2004);
- *FBI chief unlocks cupboard to let **Clinton skeletons** burst out* (The Times, 2005);

Monica Samille Lewinsky — основная участница общественного и политического скандала, возникшего по поводу её сексуальной связи с президентом Соединённых Штатов Биллом Клинтоном;

- *Dmitry Medvedev 'plays **Robin** to Putin's **Batman**'.* (The Guardian 2010);
«Batman & Robin» — название популярного фильма режиссёра Д. Шумахера, снятого в 1997 году по мотивам известных комиксов;
- ***Kill This Bill**. The House pretends to reform itself* (The Washington Post, 2006);
«Kill Bill» -- название популярного фильма режиссёра К. Тарантино, снятого в 2003 году;
- *Instead, they see America as an occupier, some kind of **Darth Vader** military empire trying to colonize people* (Rising Tide, 2004);

Darth Vader -- главный герой киноэпопеи режиссера Д. Лукаса «Звёздные войны» на протяжении которой зрители наблюдают его становление в качестве проводника Силы, его переход на Темную сторону Силы и его итоговое искупление.

Поскольку политический дискурс представляет собой средства выражения, «освященные традицией и проверенные опытом», употребляемое прецедентное имя должно было известно большому количеству реципиентов. В ходе анализа англоязычного политического дискурса, выявлена тенденция к употреблению здесь двух основных сфер-источников прецедентных имен: кино и политика. Выбор данных сфер-источников объясняется высокой степенью узнаваемости подобных прецедентных имен адресатами политического дискурса разных возрастов и социальных слоёв и, следовательно, их более высокой эффективностью воздействия на аудиторию.

Литература

1. Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. М., 1991.
2. Ворожцова О.А. Прецедентные имена в российской и американской печати // Известия Уральского государственного университета. 2006. № 45. С. 222-229.
3. Гудков Д.Б. Прецедентное имя. Проблемы денотации, сигнификации и коннотации // Лингвистические проблемы межкультурной коммуникации: Сб. статей / под ред. В.В. Красных, Л.И. Изотова. М., 2003. С. 116 – 129.
4. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград, 2000.

Панова-Яблошникова И.С.

ЖЕСТЫ ПОЗИТИВНОГО ОТНОШЕНИЯ В РЕЧИ РУССКИХ И АМЕРИКАНЦЕВ

Когда мы рассматриваем речь, важно учитывать не только вербальные, но и невербальные компоненты коммуникации, иначе мы рискуем исказить смысл высказывания.

Открытость, честность, искренность обычно ассоциируются с открытыми ладонями. Другой характерный жест - прижатые к груди руки («положа руку на сердце»).

В повседневной жизни положение руки ладонью вверх характерно для нищего, просящего подаяние. Таким образом, это жест просьбы, жест отсутствия угрозы. По мнению А.Штагля, если открытая ладонь обращена вверх, это жест объяснения, открытого представления, отдавания (Штагль 1992). Д.Ниренберг и Г.Калеро основным жестом открытости считают открытые руки, а следующим за ним (по частоте проявлений)

– расстегнутую куртку или пиджак. По видеоматериалам их исследований те люди, которые меняли свое состояние в положительную сторону, бессознательно разжимали руки и расстегивались, если до этого они сидели в застегнутых пиджаках и скрестив руки на груди в защитном жесте (Ниренберг, Калеро 1992).

Все упомянутые исследования проводились среди европейского населения. Аналогичные исследования Р.Бердвистела (Birdwhistel 1966: 1971) – среди белых американцев среднего класса. В России широкомасштабных исследований не проводилось, но если посмотреть чрезвычайно интересный словарь А.А.Акишиной, Х.Кано и Т.А.Акишиной «Жесты и мимика в русской речи», составленный на основании анализа русского литературного материала, то жест «прижать руки к груди» (164) трактуется или как желание убедить кого-либо в искренности своих слов, или как желание уговорить кого-нибудь что-нибудь сделать.

Рассмотрим некоторые литературные примеры, описывающие рассматриваемые жесты (для примеров использовалась русскоязычная литература - как отечественных авторов, так и переводная; некоторые примеры взяты из словаря А.А.Акишиной).

- Ну пожалуйста! - говорил он умоляюще, прижимая обе руки к сердцу. - Прошу вас! А насчет меня не беспокойтесь. (А.Чехов. Огни)

Жест, соответствующий открытой позиции, вообще отсутствует в описаниях А.А.Акишиной. Из визуально похожих жестов описываются два – «протянуть руки» и «разводить руками». Жест «протянуть руки» (183) истолковывается только как просьба что-либо дать.

Тощее, бледное и больное ее личико было обращено к нам; она робко и безмолвно смотрела на нас и с каким-то покорным страхом отказа протягивала нам свою дрожащую ручонку. Старик так и задрожал весь, увидя ее, и так быстро к ней оборотился, что даже ее испугал. Она вздрогнула и отшатнулась от него.

- Что, что тебе, девочка? - вскричал он. - Что? Просишь? Да? Вот, вот тебе. . . возьми, вот! - И он, суетясь и дрожа от волнения, стал искать у себя в кармане и вынул две или три серебряные монетки. (Ф.Достоевский. Униженные и оскорбленные)

Жест «развести руки в стороны» трактуется А.А.Акишиной как удивление, недоумение, беспомощность в каких-либо вопросах, делах, бессилие что-либо объяснить, решить, сделать.

[Львов:] ... А вся суть в том, милый доктор (мнётся), что... короче говоря, женился я по страстной любви и клялся любить вечно, но... прошло пять лет, она все еще любит меня, а я... (Разводит руками.) (А.Чехов. Иванов)

При исследовании автором доклада интерпретации невербальных коммуникаций получены следующие результаты: жесты «руки прижаты к груди» и «открытые ладони», по литературе (Ниренберг, Калеро 1992; Штагль 1992) однозначно трактуемые европейской и американской аудиторией как «открытость, честность, искренность», русской аудиторией интерпретируются по-разному. Хотя оба рисунка частью аудитории воспринимаются как у западных аудиторов, жест «руки прижаты к груди» распознается таким образом в 3 раза чаще, чем жест «открытые ладони» – соответственно 21% и 7% испытуемых. Обе картинки в русскоязычной аудитории наиболее часто трактуются как удивление, иногда как готовность к действиям, досада и даже сомнение или несогласие.

Объяснения при этом возможны различные. Во-первых, возможно, что в русской культуре второй жест мало распространен в ином значении, чем просьба (что косвенно подтверждается материалами А.А. Акишиной). Кроме того, возможно, что первый жест воспринимается как динамический – «ударить себя в грудь», что рассматривается А.А. Акишиной как стремление убедить кого-либо в чем-либо.

Во-вторых, возможно, что дело в специфике аудитории – это студенты младших курсов филологического факультета СПбГУ, и вполне вероятно, что у них нет достаточного жизненного опыта для правильного распознавания. В этом случае при дальнейших исследованиях на группах с другим возрастным или профессиональным составом возможны другие результаты.

В-третьих, как показали исследования автора, трактовка невербальных компонент коммуникации начинается (и в большой степени основывается) на выражении лица, и только во вторую очередь – на жестах и позах. Как правило, улыбка на лице даже в случае закрытой позы чаще трактуется в сторону позитива.

Литература

1. Акишина А.А., Кано Х., Акишина Т.А. Жесты и мимика в русской речи. М., 1991.
2. Ниренберг Д., Калеро Г. Как читать человека, словно книгу. Баку, 1992.
3. Штагль А. Язык тела. Баку, 1992.
4. Birdwhistell R.L. Kinesics and context. Penguin, 1971.
5. Birdwhistell R.L. Some relation between Kinesics and spoken. //Communication and culture: Reading in the codes of human interaction", N. 3, 1966.

Приходько А.А.

КОНЦЕПТ «СМЕРТЬ» В АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Одним из ведущих направлений когнитивной науки является изучение знаний, используемых в ходе языкового общения. Во второй половине XX века когнитивная наука обращается к изучению процессов усвоения, накопления и использования информации человеком. Концептуальные исследования направлены на рассмотрение таких фундаментальных проблем, как структуры представлений знаний о мире и способы концептуальной организации знаний в языке (Пименов 2008: 81).

В языковой картине мира содержится большая информация о системе ценностей народа, об особенностях видения и представления их отдельным человеком. Ценностная составляющая структур концептов отображает не только систему ценностей, свойственную конкретной культуре, но и способы вторичной концептуализации, относящейся к сфере внутреннего мира человека.

Будучи единицей лингвокультурологической, концепт связан с интегративным характером этой дисциплины: понятие «концепт» применимо в сфере культурологи и лингвистики, литературы и искусства, психологии, этнопсихологии и психолингвистики. На сегодняшний день понятие «концепт» широко разрабатывается в самых различных отраслях гуманитарных наук (Вержбицкая 1997: 21).

Концепт может иметь как вербальную, так и невербальную форму. Он представляет собой разноуровневое явление, принадлежащее одновременно сфере логического и интуитивного, индивидуального и социального, сознательного и бессознательного.

В невербальной форме концепты представляют собой ряд значимых ситуаций, действий, жестов, стереотипов поведения. В вербальной – «ключевые слова» (тексты, культурные сценарии) данного языка и данной культуры.

Совокупность концептов определенного языка представляет собой концептосферу данного языка. Она включает в себя универсальные, общечеловеческие и специфические, национальные концепты. Любой концепт представляет собой ментальное образование, т.е. является единицей сознания, в которой соединяется весь опыт человечества по отношению к окружающему миру.

Концепт «*death*» является универсальным концептом, поскольку он встречается во всех лингвокультурах. Этим и обусловлена **актуальность** его изучения.

Концепт «*death*» включает в себя несколько содержательных измерений:

1) смерть как биологическое явление:

“I’m not afraid of death. It’s approach is really scaring” (Oscar Wilde «The Picture of Dorian Gray»).

2) философское осмысление смерти:

“The noble death is the treasure, and everyone is reach enough to buy it” Clive Staples Lewis “Chronicle of Narnia”; “The death does not exist. The life is the spirit, and the spirit can not die” (Jack London «The strait-jacket»).

3) религиозный аспект смерти:

“Why haven’t I die then? How I wanted to die in that moment, when my heart was overfilled. More when whenever I was worthy of being taken to the Heaven. (Charles Dickens «David Copperfield»).

Концепт «смерть» является одним из категориальных концептов человеческого сознания, уникальность его проявляется в том, что он представляет собой не самостоятельный концепт, а концепт, существующий в единстве с концептом «жизнь». О.Г.Постнов в своей работе, посвященной историко-этнографическому и социокультурному аспектам смерти, отмечает очевидность того, что смерть «входит в жизнь и занимает в ней какое-то место», хотя «может быть, как феномен, она все же проще, чем жизнь» (Постнов 2001:3).

Рассмотрение данного концепта с позиции его актуализации в языке позволяет отобразить картину общечеловеческого отношения к данному феномену и его представление в обыденном сознании. Вполне естественно, что на это представление в какой-то мере могут наслаиваться научные, религиозные элементы (исходя из культурного контекста или индивидуального опыта человека).

Анализ языкового материала позволил выделить четыре типа концептуальных метафорических переносов, которые ассоциируются у людей с понятием «смерть»:

Смерть – сон. Данная концептуальная метафора в наши дни является наиболее яркой. Такой перенос возник, видимо, на основе сходства двух явлений: мертвый человек подобен спящему (отсутствие движений, закрытые глаза, т. е. отсутствие физических признаков проявления жизни). Например: «Death» - «to be», it means to exist, but without motion (Jack London «The Sea-Wolf» Wolf Larsen); «To die – to fall asleep. Death means the end, the peace» (Jack London «Love of Life»).

Смерть – враг, злая сила (угроза). Эта модель метафорического переноса, по-видимому, возникла в силу двойственного отношения человека к данному феномену: с одной стороны, человек наделенный знанием о своей смертности, обязан смириться с этой мыслью, а с другой, - смерть уподобляется сильному врагу, побеждающему человека, поскольку отнимает у него самое ценное – жизнь, что видно из следующего примера: «The thought about death has a very strong effect upon the people, and they prefer closed coffins, in order even not to see those, whom they loved so much during the life...as if they want sooner forget them». (Stephen King «Pet Sematary»).

Смерть – тайна, загадка. Человек знает, что он смертен и боится этого, поскольку располагает не слишком большой информацией об этом феномене. Сведения же о смерти нельзя почерпнуть ни из жизненного опыта, ни из религиозных книг. Вот поэтому люди и именуют смерть загадкой, которую можно разгадать только после смерти: «What if the death brings us to the madness? We have a chance to survive, but it brings us to the madness. What then?» (Stephen King «Bag of Bones»).

Смерть – ядовитый, отравленный напиток, неизбежность. Этот вид метафорического переноса возник, по-видимому, по линии: яд, растворенный в напитке, есть смерть (Деева 2008: 340). Человек, который выпивает яд, пьет смерть, как например: “I hate death!” “Why?” “Because nowadays the man could go through everything, except death” (Oscar Wilde «The Picture of Dorian Gray»).

Таким образом, можно сделать **вывод**, что концепт «смерть» является неотъемлемым компонентом человеческого восприятия окружающего мира, действительности. Основным способом объективации концепта «смерть» в художественных произведениях является концептуальная метафора, основанная на различных видах когнитивных переносов.

Каждый человек понимает, что смерть – неизбежный исход жизни, но, в то же время, каждый понимает его по-своему. Существующая в структуре национального сознания картина мира основана на разветвленной системе оценок, отраженных в языке в виде ценностных ориентиров. Изучение системы ценностей этноса дает возможность выявить своеобразие его мирочувствования, мирозерцания и мировосприятия.

Литература

1. Вержбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1997.
2. Деева Н.В. Способы актуализации концепта СМЕРТЬ в древнерусских текстах // Новое в когнитивной лингвистике / Отв. ред. М.В.Пименова. Кемерово, 2008. Вып. 8. С. 340 – 347.
3. Пименов Е.А. Концепт и картина мира // Новое в когнитивной лингвистике / Отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово, 2008. Вып. 8. С. 81 – 86.
4. Постнов О.Г. Смерть в России X – XX вв. Новосибирск, 2001.

Приходько А.И.

ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Межкультурная коммуникация как особенный вид коммуникации допускает общение между носителями различных языков и различных культур.

Сопоставление языков и культур выявляет не только общее, универсальное, но и специфическое, национальное, самобытное, что обусловлено различиями в истории развития народов. Интеркультурная коммуникация имеет дело с взаимопониманием и соглашением, что которое означает понимать чужое и в то же время быть понятным, общаясь на чужом языке.

На рубеже XX и XXI веков обострились и стали весьма актуальными проблемы языковой коммуникации, изучения средств коммуникативного влияния. Изменился языковой характер эпохи: на смену строго лимитированному языку пришел свободный язык средств массовой информации, общения, возросла роль языковой личности.

На первый план вышли вопросы культуры как универсального контекста, который является источником различия в коллективах людей, а также коммуникации как самого главного и одного из фундаментальных видов взаимодействия между людьми.

Признание абсолютной ценности разнообразия мировых культур, отказ от колонизаторской культурной политики, осознание хрупкости существования и угрозы уничтожения большинства традиционных культур и языков обусловили бурное развитие соответствующих отраслей знания с опорой на новый в истории человечества феномен – интерес народов разных стран друг к другу.

В самом понятии межкультурной коммуникации заложено равноправное культурное взаимодействие представителей различных лингвокультурных общностей с учётом их самобытности и своеобразия, что приводит к необходимости выявления общечеловеческого на основе сравнения иноязычной и собственной культур.

В центре межкультурных взаимодействий стоит человек как носитель общечеловеческих универсалий и культурных особенностей. Этот человек действует и взаимодействует с другими людьми на основе этих универсалий и особенностей в колоссальном количестве контекстов общения (Почепцов 2008).

Обычно межкультурную коммуникацию определяют как общение носителей разных культур, которые пользуются разными языками. Когда человек оказывается в другой культурной языковой среде, он чувствует так называемый «культурный шок» из-за недостаточного знания национальных ценностей и законов общения носителей других культур и языков.

Во избежание всех недоразумений необходимо иметь фундаментальные знания о той или другой культуре, нужно, чтобы происходило взаимодействие между культурами.

Взаимодействие культур – это особый вид непосредственных отношений и связей, которые устанавливаются между двумя или несколькими культурами, а также тех влияний, взаимных изменений, которые происходят в ходе этих отношений.

Решающее значение в процессе взаимодействия культур приобретает изменение состояний, качеств, сфер деятельности, ценностей той или другой культуры, порождение новых форм культурной активности, духовных ориентиров и признаков образа жизни людей, под воздействием внешних импульсов. Процесс взаимодействия культур, как правило, является долговременным явлением.

Современный мир все больше приобретает глобализующий характер существования. Одним из характерных признаков глобализации является взаимодействие как отдельных людей, так и отдельных цивилизаций. Особенный статус приобретают отношения между цивилизациями.

В основе всех этих отношений лежит межкультурная коммуникация, поскольку потребность народов в культурном понимании, стремление познать духовный мир друг друга приводят к интенсификации коммуникативных процессов, которые приобретают системный характер. Только путем нахождения консенсуса человечество сможет решить глобальные проблемы и защититься от самоуничтожения.

Глобализация социального развития обусловлена растущей интенсивностью связей и отношений: экономических, социально-политических, культурных, научно-технических, коммуникативных, которые скрепляют различные сообщества современного мира.

Эти связи, отношения, контакты добавляют нашей формирующейся цивилизации некое системное качество: увеличивается всесторонняя взаимозависимость различных сообществ, стран, регионов, которые все активнее влияют друг на друга.

Интенсивность глобальных взаимосвязей способствует быстрому распространению на большей части планеты тех форм политической, социальной и особенно экономической жизни, тех типов культуры, знаний и ценностей, которые воспринимаются как наиболее эффективные, оптимальные или просто оптимальные для удовлетворения личных и общественных потребностей (Кирабаев 2005).

Процесс глобализации ведет к возникновению культурных форм, новых ценностей, образцов поведения и деятельности, усреднению мировых потребностей. Благодаря усилению взаимозависимости бизнес-процессов организаций и глобализации конкуренции на мировых рынках локальные культуры (национальные, деловые, организационные) вступают между собой в своеобразные взаимодействия, в результате чего размываются границы между своими и чужими культурами.

В результате процесса интеграции отдельных этнических культур в единую мировую культуру на принципах развития средств коммуникации, экономических связей, социальных превращений, и тому подобное происходит глобализация культуры.

В межкультурной коммуникации все это находит свое отражение в расширении контактов между государственными институтами, социальными группами и индивидами разных стран и культур, заимствовании культурных ценностей и изменении культурной среды в результате миграций (Кузьмин 2006).

Тенденция нивелирования интересов национальных государств и самобытных культур, сопровождающая глобализацию, должна быть урегулирована или сведена к минимуму путем проведения определенных оптимальных мероприятий (на уровне межгосударственных соглашений).

Осознание важности культурно-исторических факторов в процессах коммуникации, знание и адекватное воссоздание норм вербального и невербального поведения способствует успеху межкультурной коммуникации, поскольку процесс общения предусматривает взаимопонимание и взаимoadaptацию собеседников.

Для того, чтобы осознать себя неотъемлемой частью взаимодействия, нужно изменить подходы к преподаванию иностранных языков, страноведения, теории коммуникации и переходить от теоретических знаний к практическим курсам, разрушая ошибочные культурные стереотипы.

Литература

1. Кузьмин А. В. Миграция: проблемы межкультурной коммуникации. Улан-Удэ, 2006.
2. Кирабаев Н.С. Глобализация и мультикультурализм. М., 2005.
3. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М., 2008.

Рязанова Е.В.

ОСОБЕННОСТИ КАРТИНЫ МИРА В АНГЛИЙСКОЙ И ШОТЛАНДСКОЙ НАРОДНОЙ БАЛЛАДЕ

Картина мира английской и шотландской народной баллады является частью фольклорной модели мира англоязычного этноса и уходит своими корнями в древние архаичные представления людей об окружающей их действительности. Мир народной английской баллады – это мир романтический, опoэтизированный народным сознанием, мир, полный приключений, любовных интриг и мистических суеверий. Тем не менее, мир этот отражает социальные институты прошлого в западной культуре. Основным местом действия балладного жанра является средневековая Европа. В центре балладного

конфликта, как правило, драматические любовные отношения, развязка часто трагична, жертва невинна.

Следует отметить, что отношение к любви и браку в Средневековье было отличным от современных представлений. Брак считался экономическим институтом и рассматривался как необходимое условие для сохранения рода и благосостояния семьи. Любовные же отношения не являлись основанием для брака вплоть до эпохи романтизма. В средневековой Англии ревность приравнивалась к пороку, и воспитанные леди принимали как должное наличие у своего лорда другой женщины.

Отголоски таких отношений находят свое отражение в многочисленных балладных сюжетах. Так, например, в балладе *Fair Annie* главный герой сообщает своей любимой о женитьбе на другой богатой невесте:

It's narrow, narrow, make your bed
And learn to lie your lane;
For I'm ga'n oer the sea, Fair Annie
A braw bride to bring hame.
Wi her I will get gowd and gear,
Wi you I neer got none.

Балладный конфликт находится в центре внимания; где и когда он происходит не так важно. Место действия и время действия условны, но семиотически обусловлены рамками фольклорной модели мира. Бытовая обстановка ограничивается упоминанием некоторых основных локусов жилища как «своего» пространства (*castles, bowers, doors, gates, stables, castle walls*), путешествия в «чужой» мир обозначены рядом излюбленных фольклорных концептов (*wells, crosses, wan waters, dales, glens, grassy banks*). Города редко упоминаются, чаще встречаются церкви и церковные кладбища.

Особые отношения между «своим» и «чужим» миром в балладе можно увидеть в описании мистического и суеверного. В древности люди верили, что умершие души живут рядом с ними на земле, реальное и нереальное пересекались в архаичных представлениях. Не случайно в английской балладе привидения ведут себя как люди и не являются бесплотными призраками. Они не появляются и исчезают, а приходят и уходят, стучатся в дверь, разговаривают с живыми героями, которые и не подозревают, что это призраки.

Психологические портреты героев также условны, выписаны без детализации, но имеют свои четкие характеристики. Одного эпитета бывает достаточно, чтобы судить о характере и намерениях героя, так как в фольклорной модели действует закон оппозиций. Например, в балладе *Fair Annie* эпитеты *fair* и *braw* противопоставляют героинь не только

внешне, но и характеризуют одну девушку как светлую, чистую и честную, а вторую как коварную и злую. Имена героев также не важны, они варьируются в зависимости от вкусов исполнителей, богатые лорды и леди имеют простые имена (*William, Thomas, Henry, Ellen or Annie.*)

В заключении отметим, что описание фрагментов картины мира в английской балладе предоставляет плодотворный материал для сопоставительного изучения культур.

Литература

1. Wells E.K. The Ballad Tree. London, 1950.
2. Wimberly L.C. Folklore in the English and Scottish Ballads. New York, 1965.

Семенова Н.В.

ОСОБЕННОСТИ ТАКТИЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ КУЛЬТУРАХ

Одной из основных перцептивных способностей человека является касание. По мнению Лайонела Тэйлора, «чувство прикосновения – это наиболее значительное чувство в нашем теле. Оно дает нам знание о глубине или толщине предмета и о его форме. Мы чувствуем, любим и ненавидим, прикасаясь к другим и ощущая прикосновения других. Осязание как инструмент познания во всей полноте свойствен исключительно человеку; недаром английское выражение *human touch* значит еще «человеческое измерение» (Крейдлин 2002:412). Сферу употребления касаний образуют разные ситуации общения, от бытовых до ритуальных и магических. За касанием стоит огромный культурный пласт, уходящий в далекое прошлое. Так, например, считалось, что касания способны излечивать людей от болезни. В Англии XIV века прикосновение короля к телу больного золотухой признавалось целительным, а болезнь стала называться королевской (*king's evil*). Люди верили, что если они дотронутся до одежды или тела святых людей, то это отведет от них действие злого глаза или предохранит от порчи.

Многие люди испытывают потребность в касаниях (*skin hunger*) (Davis 1991). Касания часто происходят в диалогических взаимодействиях социально и коммуникативно-неравных партнеров (учитель-ученик, врач-пациент и т.д.). Правила тактильного поведения опираются на синтетические параметры: тип культурного и социального контекста, возраст и пол участников невербального коммуникативного акта, наличие или отсутствие адапторов, способ и место их касания, вид, функции, значение жеста и т.д. В русской культуре касания являются активным вторжением в личную сферу другого человека, поэтому они должны быть осторожными и ненавязчивыми. В норме в

русской культуре большой общественный вес человека дает ему «право первого прикосновения» - это правило коммуникативного тактильного поведения. Таким образом, старший по возрасту носитель русского языка может первым коснуться своего более юного начальника, например, в случае просьбы. Если же, напротив, первым своего партнера касается человек с более низким статусом, то это действие всегда расценивается как ненормативное нарушение субординации, а с этической точки зрения как anomalous и неприличное.

Одно из основных правил американского общения: «Don't touch people when speaking with them». Парадоксальным является тот факт, что жители США тратят огромные деньги на продукты, цель которых – сделать кожу мягкой для прикосновения, при этом американская культура остается бесконтактной. Большинство касаний американцев-англосаксов сводится лишь к недолгим объятиям (*hugs*), быстрым поцелуям и практически формальным рукопожатиям. Непривычным для носителей английского языка также является то, что по этикету женщина первой подает руку для приветствия и что мужчины иногда целуют женщинам руку (Виссон 2005:182). Прикосновения к незнакомым людям в общественном транспорте не пугают русских, но вызывают чувство смущения у американцев. В условия применения правил тактильного взаимодействия, свойственных русской невербальной культуре, входят не только информация о доступности (уязвимости) для касаний определенных областей тела или информация о типе касания и выражаемом касанием смысле. Касания также передают сведения об актуальном психологическом состоянии и качествах адресата, о его отношении к касаниям вообще и к данному типу касаний в частности: не ущемит ли касание его гордость, будет ли оно ему приятно и т.п. Людям, находящимся в тревожном, взволнованном состоянии или теряющим контроль над собой, обычно необходимо участие, утешение, поддержка или помощь. Поэтому они нуждаются в том, чтобы их чаще касались и тем выражали участие (хотя сами при этом они трогают людей меньше), а потому в отношении таких людей допустима большая по сравнению с нормой свобода касаний. В Америке политкорректность и преувеличенная опасность сексуальных домогательств порой вызывает в среде квазиинтеллигентных людей настоящую истерию: дружеское похлопывание по плечу или поцелуй в щеку может обернуться иском в суд. В отношении к физическим контактам у американцев есть одновременно и здоровые привычки, и предубеждения. Считается, что рукопожатие должно быть кратким, но крепким и энергичным, причем у представителей обоих полов. А однополая любовь легко считается, если женщины идут под руку, и, что много хуже, держатся за руки (Леонтович 2005:283).

Таким образом, касание является, прежде всего, актом связи, установления контакта с коммуникативным партнером. Следовательно, для успешной реализации тактильного подтверждения близости друг другу необходимо учитывать особенности невербальных актов касания в описываемых культурах.

1. Литература

1. Агуреев А. Что русскому хорошо, американцу...// Паспорт экспресс. 1999. №4-5. С.24-25.
2. Виссон Л. Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур. Москва, 2005.
3. Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. Москва, 2005.
4. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика. Москва, 2002.
5. Davis P. The power of touch. Carson, CA: Hay House, 1991.

Тер-Минасова Д.И.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТРАКТОВКИ ТЕРМИНА «ИМИДЖ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Сегодня в России вновь наблюдается появление большого количества заимствованных слов. Усиление информационных потоков, появление Интернета в большой степени способствуют этому процессу, что отражает резкое изменение жизни, появление новых областей деятельности и, как следствие, понятий.

С одной стороны, без заимствованных слов язык просто не справился бы с задачей номинации пришедших извне явлений. С другой стороны, новые заимствования могут налагаться на уже существующее в языке слово с тем же или сходным значением. Но, цитируя А.Вежбицкую, значения слов разных языков не совпадают, даже если они искусственно ставятся в соответствие друг другу в словарях (Вежбицкая, 2001: 18). В результате, в рамках одного и того же языка могут появляться параллельные значения, что создает сложности адекватного понимания.

Не так давно в лексике русского языка закрепилось слово «имидж» - самостоятельное явление, появившееся в результате возникновения направления в науке, получившего название «имиджелогия». Одновременно стало наблюдаться столкновение новой и уже существующей в языке категорий. В «имидже» переплетены совершенно разнородные факторы, а между английским (точнее говоря, американским) «имиджем» и его русским переводом «образ» существуют различия.

Толкований термина «имидж» немного и почти все они спорны. Устоявшегося определения этого термина в русском языке на данный момент также не существует. Толковые словари русского языка единогласно трактуют его через его дословный перевод «образ». Однако в XX веке в мире укоренилось новое направление в науке – связи с общественностью, в связи с чем термин приобретает иную окраску, и возникает проблема соотношения понятий «образ» и «имидж», которая выглядит искусственной в лексической среде языка заимствования (в данном случае английского), но порождает противоречия в лексике и культуре русского языка, где на первый план выходит «образ». В таких справочных изданиях как Большая Советская Энциклопедия (третье, последнее, издание) и Большой толковый словарь русского языка (1998) статья «имидж» отсутствует.

«Целью образа является не приближение его значения к нашему пониманию, а создание особого восприятия предмета, создание «виденья» его, а не «узнавания»» (Шкловский, 1929: 18). Исследование, в котором делается попытка дать определение и толкование этого термина, было проведено задолго до того, как в русском языке появился термин «имидж». Однако можно предположить, что имеется в виду «имидж», но не «образ», поскольку делается акцент на «виденье» предмета. То есть, важно не то, что представляет собой предмет, но важно то, как его воспринимают.

При данной трактовке следует учитывать, что в русском языке термин «образ» полисемантичен. Современный Толковый Словарь Русского Языка под редакцией С.А. Кузнецова дает пять определений этого слова. Следовательно, конкретное значение слова определяется исключительно по контексту.

Некоторые авторы справедливо рассматривают «имидж» как публичное «я» человека, акцентируя внимание на том, что публичный имидж объекта может не соответствовать реальному положению вещей. Интересное толкование этого термина мы находим у Дж. Грунинга: «специалисты в области связей с общественностью используют термин «имидж» в том случае, когда говорят о «репутации, восприятии, отношении, сообщении, оценке, узнавании, доверии, поддержке, коммуникации и отношении» (Gruning J., 1992: 33). Согласно позиции Г.Г. Почепцова, имидж основывается не на достоверной информации, а на том, как объект видится и воспринимается аудиторией, что зачастую не соответствует действительности. Следовательно, важной особенностью имиджа, безусловно отличающей его от русского эквивалента, является то, что он возникает и начинает представлять интерес только в тех случаях, когда объект (носитель имиджа) становится публичным.

Другие исследователи предлагают отойти от толкования данного термина через «образ» и интерпретировать его при помощи «мнения». Панасюк пишет, что имидж может

быть у какого-то конкретного человека, и мнение может быть о каком-то конкретном человеке; имидж может формироваться на основании данных не только о внешности человека, но и о его психике, и мнение может создаваться как по первому впечатлению, так и на основе оценки характера, темперамента (Панасюк, 1998: 9). Подобная интерпретация встречается и у Г.Г. Почепцова. С данной трактовкой имиджа трудно согласиться, поскольку, в соответствии с правилами русского языка, мнение бывает о **чем-то**, а имидж представляет собой **что-то**. Следовательно, мнение может складываться в том числе и об имидже кого/чего-либо, что не позволяет в полной мере использовать это слово в качестве русского аналога имиджа.

В некоторых определениях термина «имидж» акцент делается на эмоциональном и психологическом воздействии, которое он способен оказать на человека. Данное замечание очень значимо, поскольку делает имидж своего рода «визитной карточкой», которая передается окружающим с целью вызвать определенную, как правило, ожидаемую реакцию, что говорит о том, что имидж убедителен лишь в том случае, когда соответствует внутренним качествам реципиента, его убеждениям, характеру.

Принимая во внимание приведенные факты, а также особенности русского языка, более точно интерпретировать «имидж» можно через также присутствующее в дефиниции термина «образ» слово: *«живое, наглядное представление о ком/чем-либо, облик кого/чего-либо, рисующийся в воображении»*. Речь идет о термине «облик», который, согласно В. Далю, означает совокупность внешних характеристик личности, благодаря которым становятся видимыми ее внутренние качества. Ко всему прочему, облик представляет собой именно то, что хочет показать сам объект-носитель имиджа. Изучение имиджа, таким образом, должно осуществляться не отдельно, но в контексте образов, существующих об изучаемом предмете.

Литература

1. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001.
2. Даль В. Толковый Словарь Живого Великорусского Языка. М., 1994.
3. Панасюк А.Ю. Вам нужен имиджмейкер? Или о том как создавать свой имидж. М., 1998.
4. Почепцов Г.Г. Профессия: имиджмейкер. Киев, 1999.
5. Шкловский В. О теории прозы. М., 1929.
6. Gruning J., ed. Excellence in Public Relations and Communication Management. New Jersey, 1992.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА АНГЛИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ГЕРОЯ

В ракурсе данного исследования находится речевой портрет в ценностно-смысловом аспекте. Ценности актуализируются в контекстах, однако при этом они манифестируют не просто систему индивидуальных ценностных координат личности, но шире – определяют ценностный вектор культуры в целом. Основным способом экспликации ценностных категорий культуры является язык. По мнению Н.Ф. Алефиренко, представление культуры и лингвокультуры в ценностно-смысловом пространстве языка является методологической доминантой лингвокультурологии (Алефиренко 2010: 99). Это открывает пути к исследованию аксиологической составляющей речевого портрета литературного персонажа в лингвокультурологической перспективе.

Особенно это релевантно для культурно значимых образов, как, например, образ национального героя. В английской лингвокультуре народная идея о национальном герое впервые была эксплицирована в образе Беовульфа. Это эпический герой высокого миметического модуса; данный персонаж отражает основные ценностные установки англосаксонской культуры. При этом необходимо также учитывать, что аксиологическая составляющая речевого портрета фольклорного героя производна от ценностных установок эпохи и специфики жанро-родовой принадлежности литературного текста. Речевой портрет Беовульфа – это проекция общенациональных и жанровых картин мира, это «дискурсивное воплощение когнитивных основ национальной картины мира, миромоделирующего потенциала жанра и языка» (Эмер 2009: 270).

По мнению В.П. Зинченко, ценностный слой введен в структуру сознания назывным образом (Зинченко 2011: 90): слово как номинативная единица языка, как и высказывание в целом, является носителем аксиологической информации. В орбиту изучения аксиологической составляющей на уровне лексемы включаются слова с положительной коннотацией, поскольку ценностная эмоция всегда положительна и «ценностей со знаком «минус» не бывает» (Гулыга 2000: 64). Лексемы анализируются на основе принципов культурной разработанности, частотности и отнесения к ключевым словам культуры (Вежбицкая 2001: 27 – 38). При исследовании речевого портрета англосаксонского народного героя можно выделить следующие основные семантико-тематические концептуальные группы, эксплицирующие ценностные установки англосаксов.

Прежде всего, это тема родства и племени, лексически представленная наиболее разветвленным образом. Более того, в большинстве мотивов наблюдается самоидентификация Беовульфа в терминах племени и рода: Ic eom Higelaces mæg ond magodegn (407 – 408). Практически все лексемы – этнонимы на основе родства, характерные для древнеанглийского языка, присутствуют в речи Беовульфа: mæg, cun, sib, folc, leod, theod, faeder, brothrum, modor. Аксиологически отмеченными их делает частотность употребления, положительный коннотативный фон и большой фразеобразующий потенциал.

Второй по частотности употребления является семантико-тематическая группа «известность, слава». В большинстве случаев она представлена лексемами “mærgða” и “dom” : ... hæbbe ic fela mærgða(408); mærgðo deme(687); ... wyrce se þe mote domes ær deaþe (1387-1388) и т.д.. Данные лексемы репрезентируют разные стороны англосаксонского концепта «слава»: “mærgða” означает славу, известность, почитание за славные поступки и имеет ярко выраженный положительный коннотативный фон, “dom” – слава как судьба, рок, приговор (ср. значение современной английской лексемы doom). Для раскрытия поэтической семантики данной лексемы-концепта релевантным является анализ связей на основе аллитерации. В результате соположения слов с глубинными корневыми созвучиями образуется так называемая поэтическая этимология (Смирницкая 1989: 12). В большинстве случаев данная лексема аллитерирует с лексемой deaþ – смерть: не богатство возвышало человека, но слава, которая оставалась в памяти людей и после его смерти (Гуревич 1984: 246).

Доминантной по частотности, культурной разработанности и сочетаемости является лексема-концепт ellen (мужество, смелость). Во многих случаях данная лексема аллитерирует со словом eafoð (сила), в результате возникает поэтическая формула eafoð ond ellen, которая употребляется в метрически сильной позиции в речи Беовульфа. Второй доминантный способ поэтического сближения – лексемы ellen и eorl (вождь, герой): герой ценится, прежде всего, за мужество. Именно это качество героя (eorl) отмечено в последних словах Беовульфа: Ealle wyrd forswep mine magas to methodsceafte, eorlas on elne... (2814 - 2816).

Аксиологически репрезентативной группой является также лексико-семантическая группа со значением «ценности». Центральной лексемой в данной группе является древнеанглийская лексема “máðum” (ценности). Анализ контекстуальных связей выявляет ядерную зону лексемы-концепта “máðum”: ценности для Беовульфа имеют материальную, вещественную природу: золото (gold, goldæht), клад (hord, maððumwelan, ærwelan). С помощью аллитерации выявляются важные составляющие концепта: для Беовульфа

важны ему принадлежащие ценности (*maðmas* - *me*), при этом релевантным является их большое количество (*manegum* – *maðmum*).

Еще одним аксиологически релевантным концептом, является концепт «война, битва». В эпосе он представлен ядерными лексемами «*gúf*», «*beadu*», «*heaðu*», «*wig*». Самостоятельно данные лексемы в речи Беовульфа употреблены редко, но они являются основой большого количества поэтических композитов (сложных слов именных классов) и кеннингов с семантической доминантой «битва, война». Для героя битва – это место проявления героизма, его жанрового предназначения: *No ic me an herewæsmun hnagran talige guf geweorca, þonne Grendel hine* (677 - 678). Победа в битве с чудовищами сулит Беовульфу щедрые награды, которыми он так дорожит: *Ic him þa maðmas, þe he me sealde, geald æt guðe, swa me gifeðe wæs* (2490 – 2491) (*geald* – *guðe* связь между явлениями дублируется аллитерацией: золото как вознаграждение, полученное за героизм в ходе битвы).

Аксиологически маркированным в речи Беовульфа является концепт «судьба», представленный ядерной лексемой «*wyrd*». Данная лексема не является частотной, однако позиционные текстологические характеристики наделяют ее аксиологическим потенциалом. Речь Беовульфа эксплицирует один важный эпизод: проявление активной позиции по отношению к судьбе. Единственное, что, по его мнению, может противостоять силе судьбы, силе обреченности (сделать воина *unfægne* - не обреченного на смерть) – это мужество (*ellen*): *...Wyrd oft nered unfægne eorl, þonne his ellen deah* (572 - 573).

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. Москва, 2010.
2. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. Москва, 2001.
3. Гулыга А.В. Эстетика в свете аксиологии. Санкт-Петербург, 2000.
4. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. Москва, 1984.
5. Зинченко В.П. Ценности в структуре сознания // Вопросы философии. 2011. №8. С.85 – 97.
6. Смирницкая О.А. Индоевропейское в германской поэзии // Эпос Северной Европы. Пути эволюции / Под ред. Н.С. Чемоданова. Москва, 1989. С. 7 – 34.
7. Эмер Ю.А. Коммуникация в фольклорном тексте: особенности речевжанровой организации// Картины русского мира: образы языка в дискурсах и текстах / Под ред. З.И. Резановой. Томск, 2009. С.265 – 314.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В настоящее время исследование автобиографических произведений осуществляется представителями различных наук. «Классическим» считается определение автобиографического жанра, данное еще в 1971г. Ф. Леженом: «Автобиография – это ретроспективное повествование в прозе, созданное реальным лицом о своем собственном существовании с акцентом на своей индивидуальной жизни, в особенности на истории формирования своей личности» (Болдырева 2007: 8).

Для лингвокультурологического анализа автобиографический дискурс представляет собой интересный материал в силу нескольких причин.

Во-первых, автобиография – это реалья современной культуры. Сейчас каждый, кто добился видимых успехов в жизни, пишет автобиографию, преследуя при этом разные цели. В частности, в политических автобиографиях чётко прослеживается коммуникативная цель: эксплицитная – пролить свет на ход исторических событий; имплицитная – скорректировать свой публичный имидж.

Во-вторых, автобиография – это тип дискурса, в котором авторское личностное начало занимает центральное место. Фигура повествовательного «я» сложна и многозначна, т.к. паспортная личность, литературное «я» и общественная фигура автора книги совмещаются в одном лице.

В-третьих, автобиография – это гибридный тип дискурса. В рамках классификации типов дискурса, предложенной В.И.Карасиком (Карасик 2002: 279-286), автобиографический дискурс является личностно-ориентированным бытийным дискурсом, однако имеет общие черты с несколькими типами институционального дискурса: политическим, педагогическим, рекламным, научным, военным и др.

В-четвертых, языковая личность, реализующаяся в автобиографии, является носителем культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций, воплощающих исторический опыт и концентрированно выражающих смысл культуры этноса и всего человечества.

В-пятых, диалогичность автобиографической прозы проявляется в широкой интертекстуальности, которая соответствует её целеполаганию – рассказать не только о себе, но и о своем времени.

Автобиографическому политическому дискурсу присущи как гендерные, так и национально-обусловленные особенности. К гендерным показателям следует отнести следующие: 1) акцент на определённых этапах личной жизни автобиографов: женщины –

детство, мужчины – период профессионального карьерного роста; 2) тематическое содержание речи: у мужчин – деньги, бизнес, техника; у женщин – внешность (наряды, украшения), семья; 3) женская автобиографическая проза отличается большей эмоциональной насыщенностью, стремительным развитием творческого воображения.

Национально-обусловленные характеристики включают в себя расхождения в области языкового наполнения дискурса политических автобиографий, в специфике институциональности, а также в содержании этноспецифических концептов-регулятивов.

Литература

1. Болдырева Е.М. Автобиографический метатекст И.А.Бунина в контексте русского и западноевропейского модернизма: Автореф. дис. ...докт.филол. наук. Ярославль, 2007.
2. Даулетова В. А. Вербальные средства создания автоимиджа: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Волгоград, 2004.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
4. Ньюбина Л.М. Поэтика и прагматика автобиографической прозы // Материалы XXXV международной филологической конференции 13-18 марта 2006г. Вып. 14. СПб., 2006. С. 101-103.
5. Сорокин П.А. Культурология. Ростов-на-Дону, 1995.

Хомякова Е.Г.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Должна признаться, что лингвокультурологией у нас на кафедре английской филологии и лингвокультурологии СПбГУ занимаются давно и серьезно. К работам подобного рода можно отнести, например, исследования в области истории языка, диалектологии, социолингвистики, концептологии и когнитивной лингвистики, а также таких проблем английской лексикологии как заимствования, топонимика, фразеология, теория метафоры, значения и многих другие.

Вполне естественно возникает вопрос об истоках, статусе, границах и задачах данной науки. Наибольшая трудность при попытке ответить на данный вопрос заключается в том, что, возможно, именно в силу очевидной размытости дисциплинарных границ, найти основания и критерии для того, чтобы выделить эту молодую по статусу и достаточно зрелую по своей предыстории область исследований в самостоятельную науку оказывается не так просто.

Первое положение, которое следует обсудить – это **дисциплинарные границы лингвокультурологии**, если таковые есть. Хорошо известна ситуация, которая сложилась в отечественной науке в 60 – 70 годы прошлого столетия. Это было время, когда уровень и качество лингвистических работ определялось т.н. прозрачностью и чистотой их границ. Хотя уже в то время проводились междисциплинарные исследования в русле философии языка, социо- и психолингвистики, тем не менее, они, как и другие работы, которые находились на стыке различных научных областей, откровенно не поддерживались научным сообществом.

К сожалению, в этом случае совершенно не учитывался тот факт, что серьезное, многоаспектное исследование может быть успешно проведено только в том случае, если для получения достоверных объективных результатов учитываются данные не одного, а нескольких различных направлений. Вместе с антропоориентированностью лингвистики, очередной сменой научных парадигм, изменяется и подход к изоляционистской политике в научной сфере. Так, например, сегодня в исследованиях, проводимых в русле когнитивной семантики, активно используются результаты, методы и теоретические выкладки, применяемые в психологии и социологии.

Можно предположить, что лингвокультурология просто не могла бы появиться и развиваться как самостоятельная область научных знаний без учета достижений целого ряда сфер научной деятельности ученых. Наряду с лингвистикой к ним можно отнести, например, антропологию, этнографию, психолингвистику, социологию, культурологию, религиоведение, философию языка и другие научные направления, каждое из которых вносит свой весомый вклад в становление лингвокультурологии. Общее, что связывает их, заключено в особом внимании к человеку, говорящему, мыслящему и познающему. Таким образом, можно заключить, что лингвокультурология – это наука, отсутствие у которой жестких границ, скорее, обогащает ее, чем лишает очевидных достоинств.

Следующее важное положение, которое достойно, на мой взгляд, того, чтобы быть упомянутым здесь, связано с самим термином, названием дисциплины и областью ее научных притязаний. Когда приходится слышать, что лингвокультурология – это область лингвистики, изучающая взаимосвязь языка и культуры, то возникает ощущение некой недосказанности и желание расширить и уточнить понятийные рамки термина.

Для выявления семантической составляющей данного термина целесообразно выявить семантику его составляющих. Совершенно очевидно, что в рассматриваемом случае мы имеем дело с оппозицией, в основе которой присутствуют понятия «лингвистика» и «культурология». Если термин «лингвистика» нам известен как наука о естественном человеческом языке вообще и о всех языках мира как его индивидуальных

представителях, то понятие «культурологи» и что она исследует, знакомо в меньшей степени. Исходя из существующей литературы, следует, что предметом исследования культурологии является феномен культуры как историко-социального опыта людей.

Таким образом, на основе изучения значений компонентов оппозиции «лингвистика» и «культурология», можно предположить, что основу лингвокультурологии составляют лингвистические исследования репрезентации культурологических процессов в дискурсивном пространстве языка.

Для того, чтобы лучше понять феномен «культурологических процессов» необходимо попробовать разобраться, какое значение понятия «культура» репрезентировано в данном случае.

Под словом «культура» подчас подразумеваются совершенно разные понятия, и их трактовка во многом зависит от уровня образования, интеллектуальных запросов, от целей и задач участников научной дискуссии. Мы не собираемся рассматривать все многообразие существующих значений понятия «культура», ограничив себя только наиболее близкими к обсуждаемым сегодня темам.

В широком смысле, культура есть совокупность проявлений жизни, достижений и творчества народа или группы народов. Согласно существующим философским трактовкам, понятие культуры охватывает различные сферы деятельности человека. К ним относятся, например, такие разноуровневые понятия как нравы и обычаи народа, язык и его письменность, характер одежды, поселений, работы и постановка воспитания, экономика и характер армии, общественно-политическое устройство и судопроизводство, наука и техника, искусство и религия, а также все формы проявления объективного духа данного народа.

Достаточно часто понятие культуры отождествляется с определенным образом поведения, воспитания, образования и информированностью человека, хотя это утверждение имеет и своих противников.

Так, согласно авторитетным исследованиям, проведенным в середине прошлого века известным американским антропологом и культурологом Лесли Уайтом, понятие культуры следует отграничивать от поведения человека. Между поведением и культурой он проводит такое же различие, как и между речью и языком. Культура, по его мнению, определяется таким же образом, что и объекты исследования других наук, т.е. в терминах реальных статичных предметов и явлений, существующих в объективном мире.

Интересным для нас является еще одно, думаю, довольно спорное значение понятия культура. В последнее время в лингвистических работах нередко, возможно, в целях политкорректности этот термин употребляется в значении нация. Однако, в этом

случае, происходит искажение значения термина и «лингвокультурология» может пониматься как – исследование языка нации. При использовании термина «культура» в таком значении следует иметь в виду, что оно допустимо, если, если на первом месте для исследователя стоит не просто социум, пользующийся конкретным языком, а совокупность нравственно-ценностных и узואльно-национальных характеристик, носителем которых этот социум является и которые выражает в языке.

Язык, в этом случае играет роль идентификационного кода нации, а его дешифровка позволяет вскрыть закономерности развития и функционирования, как языка, который воплощает своеобразие нации, так и нации, которая им пользуется.

Рассмотрев семантику и существующие определения компонентов интересующего нас терминологического ряда, в качестве рабочего можно принять следующее определение лингвокультурологии. Согласно ему это – междисциплинарная наука, исследующая своеобразие запечатленного в языковой картине социума геоисторического опыта, который передается в пространственно-временном континууме от поколения к поколению в виде ценностных ориентиров во всех областях деятельности человека (культуре, искусстве, науке, религии, праве и т.д.).

Еще одно положение, которое хотелось бы рассмотреть сегодня, связано с тем, что лингвокультурологии в ее современном виде предшествует долгая и давняя история. Отмежевываясь от философских исследований с еще более удаленными истоками, целесообразно остановиться на тех направлениях и авторах, чьи работы в наибольшей степени способствовали появлению и формированию лингвокультурологии как самостоятельной дисциплины.

Если мы обратимся к специальным исследованиям, проводимым в этой области, либо к учебным пособиям, в которых раскрываются основы формирования этой дисциплины, то неизменное внимание в них уделяется той роли, которую сыграла в процессе появления лингвокультурологии теория лингвистической относительности Сепира-Уорфа. Едва ли уместно подробно останавливаться на ее содержании или умалять то значение, которое это открытие, очевидно опередив свое время, имело для развития целого комплекса наук лингвистического цикла, заняв достойное место в современной антропоориентированной научной парадигме, хотя в этой связи и необходимо отметить несколько важных моментов.

Как мы помним, отталкиваясь от общих наблюдений Э. Сепира о влиянии языка на восприятие объективного мира вещей, Б. Уорф, будучи страстным поклонником культуры и языков американских индейцев, в начале XX века значительно развивает его взгляды и

делает смелое предположение о том, что мышление и культура народа всецело определяются его языком.

В настоящее время эта проблема чаще связывается с вопросом взаимодействия мышления и языка, в частности, каким образом культура через язык воздействует на наше мышление. Как мы видим, данная теория, несомненно, не могла не сыграть существенной роли в формировании лингвокультурологии.

Вместе с тем, еще в начале XIX века была создана благодатная почва для появления условий переоценки роли человека в научной парадигме в целом и изучения вопросов взаимосвязи языка и культуры в частности. Речь идет о сравнительно-сопоставительном языкознании, которое, в сущности, представляет собой взгляд на формирование антропологистики в филогенезе и является исключительно важным этапом ее становления. На основе сопоставления древних и различных групп современных языков, изучения культуры народа и его национальных традиций, компаративная грамматика позволила ученым прийти к выводу о влиянии культурной принадлежности носителей языка на структурно-семантические особенности последнего.

Достижения в сравнительно-историческом языкознании традиционно связывают с именами Ф. Боппа, Р.К. Раска, Я. Гримма и особенно В. фон Гумбольдта, разработки которого в области философии языка наиболее известны в настоящее время. Именно В. фон Гумбольдт, на формирование мировоззрения которого повлиял период расцвета немецкой классической философии, был одним из первых, кто ввел термин «Weltensicht der Sprache», которое может переводиться как «языковая картина мира». Именно Человек, точнее, Человечество, является исходной точкой философии языка Гумбольдта.

В. фон Гумбольдт обосновывает статус сравнительно-исторического языкознания как новой науки исторического цикла, а именно «сравнительной антропологии». Он подчеркивает, что язык и постигаемые через него цели человека вообще, род человеческий в его поступательном развитии и отдельные народы являются теми четырьмя объектами, которые в их взаимной связи и должны изучаться в сравнительном языкознании.

Языки, всегда имеющие национальную форму, могут быть, по его глубокому убеждению, только непосредственными созданиями народов. Это положение приобретает особое значение в свете его утверждения о том, что язык развивается только в обществе. Вводная часть его главного лингвистического труда «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества» представляет собой изложение его главной теоретической концепции о сущности и взаимосвязи таких категорий, как язык, общество и народ.

В этой же работе В. фон Гумбольдт, пишет, что язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка. Иначе говоря, это язык Другого?

Данное наблюдение Гумбольдта можно считать чрезвычайно важным для формирования теоретических основ лингвокультурологии. Дело в том, что осознание роли Другого, столь важное для понимания процессов взаимодействия культур, основывается на способности человека на определенном этапе своего развития вступать в субъектно-объектные отношения. Их основу составляет субъект, хранящий в своем сознании языковой образ окружающей действительности, той культуры, которой он принадлежит и представителем которой является. Свой мир, центром, которого он себя сознает и свою культуру он противопоставляет объекту, т.е. Другому, чужому, чуждому для него сознанию, миру и культуре. Важно подчеркнуть, что ставшая личность обладает еще одной очень важной способностью в плане ментально-культурологического развития: осознавать себя не только субъектом, но и объектом, т.е. Другим, Чужим, представителем другой культуры для своего контрагента.

В этом смысле образ Круга не является случайным. Сопровождая человека с первых и до последних минут его жизни, язык очерчивает вокруг него своеобразный Круг. С одной стороны, он ограничивает эгопространство человека. С другой, Круг передает идею предельности замкнутого ментально-языкового и культурологического пространства, которое объединяет одних и разобщает представителей других языковых культур.

Иными словами, понятие языкового Круга, который вводит Гумбольдт, непосредственным образом связано с формированием языковой личности, познающей и оценивающей мир и культуру, частью которой она себя сознает. Посмотреть на себя со стороны и увидеть в себе Другого, оценить себя как непосредственную составляющую лингвокультурологической картины мира может только ставшая языковая личность, носитель той культуры, которая ее сформировала.

Важно подчеркнуть, что в ходе своей речемыслительной и коммуникативной деятельности человек-познающий постоянно стремится преодолеть притяжение своего языкового круга и выйти за его границы, что сопровождается процессами интерференции, интеграции и ассимиляции с другими культурами, существующими, как внутри, так и за пределами геополитического пространства социума. Речь идет о лингвокультурологических процессах, которые неизбежно находят отражение в языке и открыты для исследования.

Литература

Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию / Под ред. и с переводом Г.В. Рамишвили. М., 2000.

Ясницкая А.А.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ С ПОЗИЦИЙ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

В настоящее время интерес к проблемам межкультурного общения является закономерным и привлекает внимание не только психологов, лингвистов, культурологов и преподавателей иностранных языков, но и представителей различных профессиональных сообществ.

Подход к проблеме межкультурного профессионального общения с позиций психолингвистики дает основание по-новому решать задачи, возникающие в процессе изучения иностранного языка и его использования в реальном общении. В рамках одной профессиональной сферы в ситуациях межкультурного общения, понимаемого современными исследователями как взаимодействие представителей различных лингвокультур или носителей разных языковых сознаний, ключевой задачей является достижение взаимопонимания в совместной деятельности с представителями другой культуры.

Схема достижения взаимопонимания коммуникантами в знаковом общении при использовании национального языка относительно понятна и описана в целом ряде работ. Речь идет о процессах кодирования речевого высказывания, построенного говорящим в своем сознании и воплощенного во внешней речи, и декодирования в ходе восприятия речевого сообщения слушающим и построения мысли, что предполагает использование образов, ассоциированных со словами. Внутри одной культуры, когда коммуниканты обладают общностью знаний об используемом языке и общностью знаний о мире в форме образов сознаний, взаимопонимание, как правило, достигается без труда. Совершенно другая картина наблюдается, если коммуникантами выступают носители разных языков. Это связано с тем, что в сознании носителей каждой этнической культуры содержатся психические образы и представления, свойственные именно данной культуре, и эти образы и представления естественным образом отличаются у носителей разных культур. Несовпадение таких образов приводит к затруднению понимания при межкультурном общении (Тарасов 1996: 7).

Интерес к проблеме межкультурного общения в профессиональном поле как проблеме различия в содержании профессиональной деятельности и несовпадения

представлений о профессиональной культуре у представителей (носителей сознаний) разных профессиональных групп подтверждается целым рядом исследований. В связи с этим ориентирование будущего специалиста на изучение иноязычной профессиональной культуры в процессе изучения иностранного языка и формирование общности профессионального сознания потенциальных коммуникантов позволяет будущему специалисту овладеть системой понятий, принятых в другой («чужой») культуре, на основе сравнения с собственной («своей») культурой (Марковина 2010: 40). В этом случае особое значение приобретает задача максимально полного и точного определения базовых понятий (концептов) профессиональной деятельности (правовой, экономической, медицинской и т.д.) с целью моделирования фрагментов «чужого» профессионального образа мира и профессиональной культуры.

Подчеркнем, что подход к проблеме подготовки специалиста со знанием иностранного языка - языка как культуры и отображения социокультурной реальности (Леонтьев 1996: 44), ставит перед разработчиками учебного материала новую и непростую задачу, связанную с необходимостью создания зон пересечения когнитивных пространств (или общности сознаний) носителей «изучаемой» и «изучающей» культур. Успешное ее решение, когда обучающимся понятны сходства и различия отдельных фрагментов культуры представителей изучаемой профессии (носителей изучаемого языка), может рассматриваться как значимое условие достижения взаимопонимания между потенциальными участниками межкультурного профессионального общения (Марковина 2010: 39). Несмотря на то, что «взаимопонимание не может быть абсолютным, полным», и всегда остаются элементы непонимания или недосказанности (Зинченко 1991: 25), без достижения определенной степени понимания невозможна эффективная совместная деятельность, являющаяся основой существования любого социума. Следовательно, изучение специфики профессионального языкового сознания с целью оптимизации международного сотрудничества можно считать одной из актуальных исследовательских задач.

Литература

1. Зинченко В.П. Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. 1991. №2. С. 15-37.
2. Леонтьев А.А. Язык не должен быть «чужим» // Этнопсихолингвистические аспекты преподавания иностранных языков. - М.: ММА им. И.М.Сеченова, Ин-т языкознания РАН, 1996. С. 41-47.

3. Марковина И.Ю. Профессиональный образ мира: теоретические и экспериментальные подходы // Инновационные подходы в обучении иностранным языкам. Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 12 (591). Сер. Педагогические науки – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2010. – С. 38-45.
4. Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение - новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания / Отв. ред. Н.В.Уфимцева. М., 1996. С. 7-22.

РИТОРИКА И ДИСКУРСОЛОГИЯ

Алпатова С.Д.

РИТОРИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОГО АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Современное стремление к гуманизации жизни, к восстановлению самооценности и самодостаточности человеческого существования настойчиво требует пересмотреть парадигму и методологию гуманитарного знания. Его понимание всецело должно покоиться на диспозиции человеческого как идеи, принципа, образа в пределах антропологии и рассматриваться самостоятельно, независимо ни от чего другого (Ильин 2006:13). Лейтмотивом антропологического подхода, прежде всего, должна стать эвристическая основа концептуализации идеи «человека», идеи его самоактуализации (Маслоу, Роджерс). Именно поэтому в дискурсе следует наблюдать и анализировать то, что подчеркивал еще Тредиаковский «... не от правил я, употребление, но от меня правила в живущих языках» (Тредиаковский 1849:219).

«Самость» человека в дискурсе проявляется через его самовыражение в чувствах, в мыслях, в действиях, в потребностях и поступках. Стихия человеческого – деятельный жизненный опыт (Ильин 2006:20). Действующий субъект – это «индивидуум со своими потребностями, прилагающий мыслительные усилия для достижения того, чего он желает» (Котарбинский 1975:42). Итак, концепт «человеческая активность» по своей природе значим, поскольку обоснован побудительными стимулами и интегрирован «целью», придающей человеческому пространству интенциональность (Ильин 2006).

Как известно, активность языковой личности определяется прагматическими особенностями языка как «конститутивного свойства человека, способа его жизнедеятельности, вербализации его сознания и опыта» (Полюжин 2002:441), средства формирования коммуникативного намерения. Их проявление можно наблюдать как на отдельных элементах, так и на завершенных высказываниях. При этом важно заметить, что у ученого и простого носителя языка при выборе коммуникативной цели и постановке задач наблюдается некоторая общность: оба основываются на свободе выбора и близости к общеупотребительному языку. В обоих случаях слова, используемые в речи, если это не специальные научные термины, содержат смысл, соответствующий уровню обыденного сознания, однако противоречие заключается в том, что ученый в своей речи, опираясь на научное мировоззрение, пытается соединить, казалось бы, несовместимые понятия – научные и повседневные. Примером может служить речь преподавателя высокой

квалификации, где воочию наблюдается активность проникновения речевой стихии обыденного сознания в речевую систему научного мировоззрения.

Возможность такого соединения, на наш взгляд, объясняется единой метафорической природой стилистически неоднородных языковых единиц. Объективность значения языкового образования и субъективность его осмысления говорящим в процессе общения не вызывает сомнения. Однако трудность заключается в том, чтобы показать, как в значении просматривается своеобразная «проекция» эмоционально-психологического и рационального отношения человека к окружающему его миру, с одной стороны, и образно-символического восприятия человеком конкретно-чувственной и логико-обобщенной картины мира, с другой. Возможность совмещения одних и тех же элементов языковых образований, которые выступают то в роли материала (конкретное, единичное, чувственное), то в роли инструмента, периодически подвергаясь реаранжировке, дает основание оценить в той или иной степени их метафоричность. В этом и проявляется сущность человеческого в языке, как и в других видах интеллектуальной деятельности, а именно способность человека «заменить что-то чужое и непреходящее чем-то другим внутренне доступным» (Блюменберг 1995:108). Практически это выглядит таким образом: человек интеллектуально стремится к всеобщности, к объяснению связей и отношений действительности, которые он наблюдает - первый уровень обобщения. Этот уровень обобщения, основанный в значительной мере на непосредственно-чувственном опыте, пополняется абстракциями, знаниями. Такое единство тенденции к обобщению с эмоциональностью при опоре на чувственно воспринятую или эмоционально пережитую реальность и позволяет осуществлять перенос с чего-то известного на неизвестное. Не случайно первыми языковыми единицами оказываются эмоционально окрашенные междометия, слова-восклицания.

Экстралингвистические факторы (угрозы, восхищение и т.д.) включаются в структуру языка в виде замещающих их эмоционально-звуковых символов. Как любой дорожный знак метафорично служит средством передачи информации для водителей, так и возгласы «ну!», «ай!», «gosh!» функционально «сигнализируют» перенос ситуации «страха», «удивления» и т.д. на языковой звукоряд. Поэтому метафоричность терминов нередко объясняется наличием в их значении переноса «конкретное-абстрактное» (Клишин 1997: 14-15).

Другими словами, термины отличаются фактической принадлежностью как к сфере обыденного, так и теоретического сознания человека, когда создание нового (научного термина) происходит за счет переноса свойств уже освоенной области (обыденный язык) на новую область (профессиональный, научный язык). Это обращение

к переносу при формировании научных понятий хорошо проиллюстрировано в следующем высказывании Ньютона: “I had intended to work out the diagram on the basis of my simile of a river, but the development of artistic traditions is not quite as simple as the course of the river”.

Наличие двойной метафоризации объясняется тем, что внимание субъекта деятельности концентрируется на перемотивировке единицы вторичной номинации и развитии на ее базе научного (профессионального) термина. Это явление можно видеть в примерах типа *Pecha Kucha* /*pechak-cha*/. Пришедшее из японского языка слово *Pecha Kucha* используется для обозначения нового технологического устройства. Его название перенесено из мира дизайна в мир обучающих средств. В результате совмещения смысловых спектров, создаваемых японским звукорядом и восприятием конкретного объекта, с одной стороны, и смысла, формируемого замещающим символом, с другой, и достигается эффект двойной метафоризации. Пример с *Pecha Kucha* показывает, что инвариантные характеристики технологического устройства были восприняты, обобщены и перенесены на новый объект, на его новое определение. Трудность, связанная с этим определением, состоит в том, что предоставляемые этим устройством возможности действий зависят от того, кто их воспринимает: участники учебного процесса или простые носители языка. Для одних, название устройства проецируется на конкретные объекты – слайды, для других – на прогрессивное устройство. Однако в обоих случаях осмысление значения человеком зависит от того, насколько оно конкретно для обыденного сознания или абстрактного, научного мировосприятия. Итак, с помощью метафоры достигается эффект конкретизации смысла описываемого объекта за счет акцентуации одной из его сторон и снятия противоречивости между внутренней однородностью и внешним восприятием называемого объекта.

Возникает вопрос, как следует рассматривать подобные примеры формирования новых смыслов, являются ли они проявлением «экономии» языка или наблюдаемым на уровне лексических единиц так называемым «дефицитом очевидности», «недостаточности основания» (Блюменберг 1995:107), компенсируемым риторическим приемом. Объяснение находим на примере переосмысления словоформы *force* и его замены на *to force*. В определенном контексте *force*, обозначая «силу», «действие», утрачивает былую реальность: *to force tears from his eyes*. Заместитель *to force*, сохраняя базовый смысл и обладая некоторой общностью с исходной единицей, сам становится реальностью. Происходит следующее: требования, предъявляемые контекстом, оказываются недостаточными для принятия решения в ответ на стимул *to force smth*. Аналогичное находим на уровне высказывания, когда его смысл также содержит результат

«вынужденного решения», принимаемого при столкновении с дефицитом очевидности в ситуациях «вынужденного действия».

Литература

1. Блюменберг Х . Антропологическое приближение к актуальности риторики// Это человек: Антология. Сост., вступ. ст. П.С.Гуревича. М.,1995. С.101-124.
2. Ильин В.В. Философская антропология: учебное пособие. Москва, 2006.
3. Клишин А.И. Системность переноса «конкретное --> абстрактное» в полисемии глагола: проблемы семантики. Санкт-Петербург, 1997.
4. Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе. М., 1975.
5. Полюжин М.М. О понятии языковой личности и уровнях ее структуры // С любовью к языку: Сб. научных трудов. Москва, Воронеж, 2002. С.441-446.
6. Тредиаковский В.К. Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой// Сочинения Тредиаковского. Т.3. СПб.,1849. С 3- 316.

Варгина Е.И.

РОЛЬ АВТОРА И АДРЕСАТА В СОЗДАНИИ МЕТАТЕКСТА

Современный миф, представляющий собой комплекс стереотипов, реализуется в языке в виде метатекста. Метатекст не имеет материального воплощения, он существует лишь в головах, в массовом сознании, но он имеет своего автора и адресата. Обычно предлагают следующую типологию адресатов: индивидуальный (отдельный человек), коллективный (небольшая группа людей) и массовый (неопределенно большой круг лиц). (Шорина 2007:31). Однако такая классификация игнорирует важное различие между, например, читателями библиотеки или пассажирами автобуса и участниками спортивной команды или общественной организации. В первом случае мы можем говорить о групповом адресате, а во втором - о коллективном, поскольку коллектив - это система, где каждый участник преследует собственные цели, но существует достаточно много критериев успешности всей системы (Tumes, Wolpert 2004:2). Применительно к человеческому сообществу, коллектив предполагает соединение индивидов на основе общих задач, совместность действий, взаимопомощь и постоянство контакта. Поскольку адресность воздействия есть условие его успешности, средства массовой коммуникации (традиционно называемые СМИ) обычно обращаются не ко всему обществу, а к определенным группам; однако групповой адресат - это «толпа одиночек» (термин Дэвида Рисмана), они могут иметь сходные задачи, но не решают их в совместной деятельности. Именно о таком адресате следует говорить применительно и к художественной

литературе и к публицистике. В этой «толпе одиночек» они являются средствами социализации, создавая некое единство, не основанное на совместной деятельности, но основанное на общем мифе.

У.Эко разделил тексты на «открытые» (предполагающие множественность интерпретаций) и закрытые (предполагающие заданность интерпретации автором текста). Открытый текст предполагает закрытую, «фиксированную» модель Читателя. Автор обращается к нему как к единомышленнику, доверяет интерпретацию своего текста. А закрытые тексты, например, газетная публицистика или комиксы о супермене, ведут читателя по определенной дорожке, они структурированы согласно жестким рамкам некоего проекта. (Эко 2005:15 -21).

Поэзия - это максимально открытый текст, предполагающий закрытого читателя. И.В. Арнольд (Арнольд 2008: 104) цитирует Одена:

The words of a dead man
Are modified in the guts of the living

(«На смерть Йетса»).

Такие индивидуальные тексты-интерпретации при определенных условиях могут приводить к образованию метатекста, т.е. текста, существующего как самостоятельный культурный феномен, хотя и не имеющего материального воплощения. Каждый из нас может интерпретировать «Евгения Онегина», «Гамлета» или «Отелло». Но, будучи частью массового адресата, мы творим миф. Каждый из нас может соглашаться с тем, что «Отелло» - трагедия не ревности, но обманутого доверия; однако для читателя - соавтора мифа это не имеет значения, по законам мифа Отелло – ревнивец, Онегин – лишний человек и т.д. Сюжет «Евгения Онегина», по справедливому замечанию П.Вайля и А.Гениса, принадлежит не Пушкину, а русскому читателю, массовому сознанию, метатексту (Вайль, Генис 2008:85). Законы метатекста оказываются сильнее авторского намерения.

Р.Барт отмечает, что язык мифа - это метаязык, некая масса, заполняющая собой весь мир социального сознания. Миф превращает историческое, реальное в природный образ. Функция мифа – удалять реальность. (Барт 2010:304-306). «Миф отменяет сложность человеческих отношений..., всякую попытку пойти дальше непосредственной видимости, в организованном им мире нет противоречий, потому что нет глубины, этот мир простирается далеко в своей очевидности, создавая чувство блаженной ясности, вещи будто сами собой что-то значат».

Миф препятствует индивидуальному прочтению, препятствует непосредственному общению автора и адресата. С другой стороны, миф способствует социализации,

благодаря мифу вещи обретают общественную значимость. Можно сказать, что миф является одним из обязательных атрибутов неиндивидуального адресата как ментальной сущности отличной от суммы входящих в него индивидов.

Гибкость метаязыка идеально приспособлена для массовой коммуникации, она позволяет формировать виртуальные общности, заменяя общую практику на общую мифологию. Это явление универсально и проявляется как на русском, так и на англоязычном материале, оно охватывает такие сферы неиндивидуальной коммуникации, как художественная литература и публицистика. Открытый литературный текст может служить источником мифа, но творцом современного мифа является не писатель, а атомизированное общество, общение в котором происходит с помощью средств массовой коммуникации, через закрытые тексты.

Одной из функций художественной литературы является также демифологизация, побуждение читателя к рефлексии над мифом, возвращение индивидуального опыта, исторического контекста и реальности.

Литература

1. Арнольд И.В. Жизнь и наука. Воспоминания и научные труды. СПб., 2008.
2. Барт Р. Мифологии. М., 2010.
3. Вайль П., Генис А. Родная речь. Уроки изящной словесности. М., 2008.
- Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб., М., 2005.
4. Шорина Л.В. Публичный директив и его место в системе речевых актов (на материале американского варианта английского языка и русского языка). Канд. дис. СПб., 2007.
5. Tumer K., Wolpert D. Collectives and the Design of Complex Systems. NASA Ames Research Center, USA, 2004.

Ленцман М.М.

ПРОИЗНОШЕНИЕ КАК ОБЪЕКТ ОЦЕНОЧНОГО ДИСКУРСА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ: К ИСТОРИИ ВОПРОСА

Произношение во всем многообразии произносительных вариантов, характеризующихся как совокупность социолингвистически значимых произносительных особенностей ('accents'), является одним из наиболее мощных социальных символов в культуре Великобритании (Mugglestone 2003). Статус произношения как экспонента социальных характеристик и отдельного оценочного феномена, а также статус престижного произносительного варианта Received Pronunciation (RP) как символа

авторитета были закреплены в период с середины XVIII в. по конец XIX в. в текстах, принадлежащих к различным жанрам особого оценочного дискурса, или метадискурса (Agha 2003).

Тексты прескриптивной традиции середины XVIII в. обусловили трансформацию системы региональных диалектных различий в систему статус-различительных «регистров» (Agha 2003: 251). Корреляция между правильным, социально допустимым произношением и правильным поведением в обществе была закреплена благодаря широкому распространению с середины XIX в. учебников по произношению, «правильной речи» и этикету. С меньшей степенью эксплицитности, но риторически не менее эффективно стереотипизированные оценки произношения представлены в произведениях художественной литературы (Ч.Диккенс, У.Тэккерей, Дж.Гиссинг). Непосредственное выражение такие оценки получают в прямой речи, авторских описаниях, а иногда и в структуре сюжета. Наконец, произношение становится одной из основных тем остросоциальных юмористических зарисовок в дешевых еженедельных журналах ('penny journals', напр., 'Punch').

Во всех описанных типах текстов основным механизмом представления произношения является оппозиция «норма-ненорма». Все жанры метадискурса не только отражают, но и активно формируют стереотипные оценки произношения. Представляется особенно важным отметить, что описанные источники формирования представлений о произношении, устной форме языковой нормы, в XVIII-XIX вв. в Британии – это источники письменные, печатные. Можно говорить отдельно о сценическом произношении (ср. в пьесах Б. Шоу), однако устные жанры метадискурса, нацеленные на широкую аудиторию, развиваются позже. Художественное устное представление произношения рождается с появлением звукового кино, а нехудожественное – с развитием радиовещания, телевидения, позднее сети интернет.

Произношение продолжает оставаться объектом оценочного дискурса, охватывающего множество аспектов языковой практики. В Великобритании знаковыми становятся переоценка авторитета RP и рост интереса к региональным диалектам. В общемировом контексте развитие глобальных медиа обеспечивает беспрецедентный доступ к аутентичным (в отличие от стереотипизированных) формам самых разных произносительных вариантов. Важным фактором становится и культурная гегемония англоязычных стран, статус английского языка как языка международного общения. Все это – предпосылки к новому, градуальному представлению произношения, плюрализму «голосов», переосмыслению противопоставления «норма-ненорма» и, как следствие, расширению функционально-риторического потенциала произношения. Вместе с тем, как

показывает анализ современных источников, устойчиво воспроизводятся традиционные механизмы и категории оценки (ср. «правильность-неправильность»). Особенно интересным представляется функционирование таких механизмов в современных условиях, в новых жанрах метадискурса.

Литература

1. Mugglestone, L. Talking proper. The rise of accent as social symbol. Oxford, 2003.
2. Agha, A. The social life of cultural value. // Language & Communication. 2003. №23. С. 231–273.

Одобеску А.В.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПЕРСУАЗИВНОЙ СТРАТЕГИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В данной работе объектом исследования является политический Интернет-дискурс. Дискурс рассматривается как совокупность текстов, объединенных одной темой и коммуникативной целью, а также коммуникативной ситуацией и намерением адресанта.

В основе политического дискурса лежит концепт власти, выступающий как его интенциональная база и предопределяющий его главные цели: сформулировать политическую позицию и убедить адресанта в ее правильности. Интернет-дискурс предполагает большое количество коммуникантов и абсолютную свободу их информационного выбора, вследствие чего в Интернете могут формироваться устойчиво активные социальные группы. Таким образом, политический Интернет-дискурс является одним из наиболее эффективных способов воздействия на сознание избирателей.

Одним из видов воздействия является персуазивность, т.е. такой тип ментально-речевого взаимодействия коммуникантов, при котором адресант реализует попытку преимущественно вербального воздействия на сознание адресата (Чернявская 2006). Речевой акт ориентирован на адресата, при этом адресант имеет возможность выбрать способ номинации и таким образом выразить свою позицию и обозначить свою коммуникативную цель, оказав воздействие на сознание адресата.

В данной статье мы рассматриваем основные приемы реализации персуазивной стратегии на примере статусов со страницы президента США Барака Обамы в социальной сети Facebook. Конечной целью персуазивной стратегии является популяризация убеждений политического деятеля и побуждение адресата к деятельности. В рамках персуазивной стратегии можно выделить несколько коммуникативных целей, каждая из которых достигается с помощью различных персуазивных тактик. Тактики для

реализации различных целей могут совпадать, поскольку каждая из них действует в рамках общей персуазивной стратегии. Персуазивные тактики реализуются при помощи приемов, принадлежащих к разным уровням языка.

Для лексического уровня характерно употребление ключевых слов и коллокатов (*human rights, equality of men and women, free society*). Они имеют положительную коннотацию и могут быть использованы как формулы, гарантирующие позитивное восприятие включающего их высказывания. Они используются для реализации, например, тактики «побуждение к действию» (*We've got to rebuild on a new and stronger foundation for **economic growth***). Также нужно отметить использование стилистических приемов, например, метафоры. Она может подчеркнуть роль индивида в обществе (*You are the energy that powers this movement*) или достоинства представителей определенной социальной группы, при этом нейтрализуя возможные отрицательные коннотации (*our **brave men and women in uniform***).

С точки зрения грамматики, внимания заслуживает использование местоимений и глаголов. Местоимения используются для создания эффекта интимизации общения (*I want to make sure **everybody** who wants a job can find one and **everybody** can raise **their** kids and give them a better life*) при реализации тактик «выражение личной заинтересованности» и «отождествление интересов государства и индивида».

Модальные глаголы участвуют в реализации таких тактик, как «обозначение роли индивида в обществе» (*I'll **need** you to help shape our plan*), «создание алгоритма действий» (*On this issue, our work **must** continue*) и «актуализация существующих проблем» (*We **can** break our dependence on oil*). Выбор временной формы глагола часто зависит не только от реальных требований грамматики, но и играет роль эмфазы в соответствии с тем, какое впечатление высказывание должно произвести на адресата. Так, Present Perfect отражает идею преемственности и взаимодействия между прошлым и настоящим (*We need to do what America **has** always **been known** for*) или указывает на уже существующие результаты труда (*You've **done** incredible work*); Present Continuous служит актуализации обсуждаемой проблемы, создавая иллюзию действия, протекающего в данный момент (*Even though our economy **is recovering**, we've got a lot to do*).

С точки зрения синтаксиса, необходимо отметить использование параллельных конструкций (*If you want to make a difference in the life of our nation; if you want to make a difference in the life of a child – become a teacher*). Часто используются риторические вопросы (*Will you stand with me as we strive to win the future?*) или косвенные (*The only question is whether we have the will to do the job*), служащие для создания эффекта диалогизации или побуждения к действию.

Таким образом, в политическом Интернет-дискурсе для реализации персуазивной стратегии используются различные персуазивные тактики. Для их реализации комплексно используются грамматические, лексические и синтаксические средства языка. Реализация персуазивного потенциала языковой единицы зависит от коммуникативной цели высказывания. Дальнейшие исследования в этой области позволят расширить наши представления о возможностях использования лингвистических приемов для манипулирования сознанием человека.

Литература

1. Голоднов А.В. Лингвопрагматические особенности персуазивной коммуникации (на примере современной немецкоязычной рекламы): Автореф. дис. ...докт.филол.наук. СПб., 2003.
2. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М., 2006.
3. Blakar R.M. Language as a means of social power // Paralinguistics. The Hague, Paris, 1979.

Олесюк О.В.

ТРИЛОГИЯ «ТРИ ЖИЗНИ» ГЕРТРУДЫ СТАЙН: РИТОРИКА И РЕЦЕПЦИЯ

Произведения Г. Стайн непривычны для рядового читателя, потому что она нарушала сложившиеся писательские и читательские стереотипы. Мы будем говорить о трилогии Стайн «Три жизни» в риторическом и коммуникативном аспектах; наша цель - объяснить, с помощью каких риторических приемов писательнице удалось приблизиться к своему методу «продолженное настоящее» и выразить поток сознания в этом произведении, а также ответить на вопрос, как осуществляется коммуникация между писателем и читателем в подобных текстах.

Как заметила В. Бернацкая, «манера, в которой были написаны стайновские первые произведения, напоминала позднего Г.Джеймса». По ее словам, «... это была ... проза с тяготением к изображению «чистого сознания», с демонстративным отсутствием авторской заинтересованности в описываемых событиях или ситуациях» (Бернацкая 1975:123). Действительно, для Стайн характерно обращение к миру мыслей и чувств, смещение с изображения внешней действительности на внутреннюю жизнь героев, а впоследствии и на свою собственную в момент творчества.

Сюжеты повестей цикла «Три жизни» схожи: жизнь девушек-служанок, смерть героинь в финале. Однако смерть здесь лишь элементарный повествовательный прием, используемый для завершения рассказа. Более важным в повествовании является то, как раскрывается женский тип. Рассказы эпизод за эпизодом проясняют существенные черты типа, а именно неизменяемость природы личности, что утверждается в текстах через повторяемость мотивов, характеризующих героинь. Такую неизменную повторяемость описаний людей можно сравнить с постоянными эпитетами в русском фольклоре, слившимися в единое целое с существительными, которые они определяют.

С другой стороны, говоря о повторении мотивов в текстах Стайн, некоторые критики (В. Томсон, М. Брайон) сравнивают ее с Бахом: она словно «Бах, работающий над техникой своих фуг» (фуга – музыкальное произведение, основанное на многократном проведении одной или нескольких тем). Для читателей повторяемость мотивов приобретает навязчивый характер, автор, хотя и не сознательно, но как будто добивается того, чтобы читатель не забыл о свойствах, присущих героине. Эти мотивы являются основными, вокруг них завязываются остальные сюжетные линии, на них, как на нить, «нанизывается» повествование. Движение в тексте выражается в кружении, в чувстве повторяющегося мотива. Такое кружение мысли помогает Стайн достичь эффекта «продолженного настоящего», где память отсутствует, и то, что читатель только что прочитал, по замыслу автора, перестает для него существовать. Актуально то, что находится у него перед глазами, никакие возвраты назад не признаются. Отсюда видно, что техника повествовательных повторов приобретает содержательное значение.

За счет повтора чтение стайновских текстов помимо замедленного продленного разглядывания представляет собой интенсифицированный опыт чтения. Именно интенсифицирование высказывания как особенность повтора подметила Стайн. Стайн объясняет мотивацию употребления повторов – это настойчивость или выразительность, которые необходимы для того, чтобы читатель остановил свой взгляд, сосредоточил внимание. Действительно, как указывает Г. Москальчук (Москальчук 2003:28), повторы, помимо динамической функции, обладают и статической функцией, направленной на *замедление* повествования.

В повестях повтор в основном находит свое выражение в повторяемости частей предложений. В арсенале приемов на уровне синтаксиса, помогающих создать эффект потока сознания, продолжить момент повествования можно отметить длинные ряды перечислений. Предложения с асиндетоном имеют внутреннюю связность, что исключает разрыв в естественном потоке повествования. В отличие от них предложения с полисиндетоном отражают стайновское понимание потока как суммы *отдельных* опытов:

каждый член цепочки выделяется, но это происходит в последовательности, т.е. отдельные элементы в результате создают поток.

Итак, в повестях стайновский метод письма «продолженное настоящее» только начинает свое развитие. С одной стороны, тексты не являются полным отражением авторского сознания, в них нет нагромождения мысли одной на другую, можно выявить событийность, найти всякого рода опосредования, связывающие героиню с окружающей реальностью и помогающие читателю следить за развитием сюжета. С другой стороны, развитие сюжета замедленное, ощущается недостаток течения и последовательности. Именно начиная с «Трех жизней» в творчестве писательницы наблюдается отказ от внешней референтности, начинается переход к нонрепрезентативному произведению с потерянным сюжетом, временем, конфликтом, т.е. переход к формальным словесным конструкциям. Писательница предлагает дезориентирующее, бессмысленное повествование, основанное на необычном синтаксисе, характеризующемся чрезмерным употреблением повторов. Такое повествование замедляет чтение, требуя от читателя высокого уровня рефлексии, чтобы разделить логику повествования и продвигаться по тексту дальше.

Литература:

1. Бернацкая В. Гертруда Стайн: тупик или перспектива? Новое о творчестве писательницы. Обзор // Соврем.худож.лит.за рубежом, 1975. №6. С.122-128.
2. Москальчук Г.Г. Структура текста как синергетический процесс. М., 2003.

Ошева Е.А.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АНГЛИЙСКИХ ПАРЕМИЙ В РАЗЛИЧНЫХ ДИСКУРСАХ

Особую роль в передаче культурно-национального самосознания языкового сообщества играет паремиологический состав языка. Паремиологический фонд любого языка – это бесценный пласт культурного фонда нации. Исследованиями паремий занимались такие зарубежные ученые как В. Мидер, М. Кууси, А. Тэйлор, Н. Анидо, У. Бонсер, Г. Волтер, С. Сингер.

Паремия – это вербальная форма, известная носителям языка, которая лаконично и метафорично выражает глубокое, исходное знание, накопленное нацией или человечеством в процессе познания мира и реальности (Rusieshvili 2011:2). Proverb – короткое предложение, обычно его знают многие люди, оно выражает чей-либо опыт или является поучением (Cambridge Advanced Learner's Dictionary 2006). Proverb – пословица, поговорка, краткое изречения, максима (Lévy, Zumwalt 2004: 40).

Следовательно, зарубежные исследователи подразумевают под 'proverb' все многообразие фольклорных малых жанров.

Пословицы и поговорки современного английского языка неоднократно привлекали внимание исследователей. Наиболее изучена стилистическая сторона пословиц, т.е. их использование в художественных произведениях для создания того или иного стилистического эффекта. В отдельных работах проводится анализ семантических особенностей английских пословиц и их структурных характеристик. Такие исследователи как Е.В. Иванова, Т.В. Федорова, Л.В. Гриченко, Д.Ю. Полинченко, Л.С. Амелина, Ю.Г. Завалишина занимались сопоставительным изучением паремий с точки зрения семантики и структуры.

Цель нашего исследования – показать, в каких дискурсах встречаются паремии и как они функционируют. Для этого мы выбрали сетевое пространство «Интернет» и художественную литературу.

Наиболее интересный материал для исследования представляют паремии, встречающиеся в сети Интернет. Данные высказывания являются трансформациями известных английских пословиц. Рассмотрим примеры измененных пословиц, отобранные из словаря *Computer Proverbs: A chat has nine lives* - «У чата 9 жизней» (вместо оригинальной пословицы *A cat has nine lives* - *Живуч, как кошка*); *In Gates we trust* - «С нами Гейтс» (Биллу Гейтсу, создателю компании Microsoft отводится роль «американской мечты; ср. *In God we trust* - *С нами Бог*); *Pentium wise, pen and paper foolish* - «Пентиум» мудр, перо и бумага глупы (ср. *Art is long, life is short* – «Жизнь коротка, искусство вечно»); *There's no place like <http://www.home.com>* – «В Интернете хорошо, а на исходной странице лучше» (оригин. *There's no place like home* - *В гостях хорошо, а дома лучше*); *C:\ is the root of all directories* – «Диск С – основа всех каталогов» (оригин. *Money is the root of all evil* - От трудов праведных не наживешь палат каменных).

В данных примерах пословицы, образующиеся в рамках компьютерного дискурса, в основном, при неизменной грамматической структуре, заменяют лексические компоненты соответствующими терминами, сохраняя общую смысловую нагрузку пословицы – инварианта.

Таким образом, пословицы являются ценным лингвистическим материалом потому, что они способны порождать правила человеческого поведения в новых реалиях окружающего мира.

Паремии, встречающиеся в английской художественной литературе, имеют немаловажное значение, так как использование писателями той или иной паремии помогает читателям глубоко проникнуться идеей, которую пытается донести автор.

Humility is not disgraceful, and carries no loss of true pride; Let him think I am more man than I am and I will be so (E. Hemingway. The old man and the sea.); The glory of a good tale is that it is limitless and fluid; a good tale belongs to each reader in its own particular way. (S.King, The Stand); Annual income twenty pounds, annual expenditure nineteen six, result happiness. Annual income twenty pounds, annual expenditure twenty pound ought and six, result misery (C. Dickens, David Copperfield); It is in vain to say human beings ought to be satisfied with tranquillity: they must have action; and they will make it if they cannot find it; Life appears to me too short to be spent in nursing animosity, or registering wrongs (Charlotte Bronte, Jane Eyre); He was as fresh as is the month of May (G. Chaucer, The Canterbury Tales); O, throw away the worst part of it, And live the purer with the other half (W. Shakespeare, Hamlet) (цит.по <http://www.setkit.com/literature/quotations/authors/>).

Таким образом, паремии представляют собой микромодель жизни и мыслей. Это глубокое понимание реальности, запечатленное в гармоничном осознании, т.е. в системе общих представлений.

Литература

1. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Cambridge University Press. 2006.
2. Lévy I.J., Zumwalt R.L. From one act of charity, the world is saved. Creative selection of proverbs in Sephardic Narrative. // What goes around comes around. The circulation of Proverbs in Contemporary Life. Logan, Utah, 2004. P. 37-57.
3. Rusieshvili M., Gözpinar H. Proverbs in politics // The Criterion: An international journal in English. Vol. II. Issue. I. P.118-123. 2011.
4. Woodbridge B. Computer Proverbs <http://www.netfunny.com/rhf/jokes/98/Jun/proverbs.html>

Петухова Т.И.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МЕНТАЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ МНЕНИЯ И ЗНАНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В данном докладе предполагается рассмотреть функционирование ментальных категорий мнения и знания в англоязычном искусствоведческом дискурсе. Вслед за А.И.Варшавской, будем понимать дискурс как «вербализованное упорядочение или упорядоченность всех разнообразных и многообразных сфер человеческого опыта: производственной, социальной, художественной (культурной), научной, духовной и физической» (Варшавская 2008:199). Важным представляется то, что тот или иной дискурс – это один из миров, который всегда носит специализированный характер, требует особой грамматики, лексикона, подчиняется определенным правилам синтаксиса.

В искусствоведческом дискурсе репрезентированы, на наш взгляд, как минимум два уровня функционирования категорий мнения и знания. Первый уровень - это уровень представления ментальной деятельности создателя произведения искусства (например, художника). В своем произведении художник отображает явления действительности в условной форме, в форме художественного образа, невербально передает свое мнение о мире, используя доступные ему выразительные средства.

Второй уровень функционирования данных ментальных категорий, представлен, на наш взгляд, мнением и знанием автора искусствоведческого описания. Искусствовед – критик, анализируя объект искусства, воспринимает его содержание на основе своего опыта и знаний, опираясь на авторитетные точки зрения других исследователей. Он должен также обладать определенными фоновыми знаниями, иметь представление о том, что в данную историческую и культурную эпоху имело эстетическую и художественную ценность. Вместе с тем, важным представляется то, что с течением времени, произведение искусства, с одной стороны, остается самим собой, а с другой стороны исторически меняется, вступая во взаимодействие с новым жизненным и художественным опытом и приобретая новые смысловые и ценностные характеристики (Борев 2005: 177). Таким образом, содержание и значение одного и того же произведения искусства могут отличаться в разные исторические и культурные эпохи.

Рассмотрим первый уровень функционирования категорий мнения и знания в искусствоведческом дискурсе, а именно, уровень представления ментальной деятельности создателя произведения искусства. Анализ материала показывает, что категория мнения в англоязычном искусствоведческом тексте на этом уровне представлена, в основном, именами, а не глаголами. К ним относятся существительные *idea, thought, concern, view, concept, belief* и др. Использование абстрактных нарицательных имен существительных для репрезентации мнения художника можно, на наш взгляд, объяснить стремлением автора искусствоведческого дискурс-текста к обобщению, желанием придать высказываемому содержанию той или иной мысли глобальный характер. Категория знания на этом уровне в англоязычном искусствоведческом дискурсе представлена, главным образом, подгруппой мыслительного модуса «поиск»: *to find, to discover*, а также глаголом *to see*, который в рассматриваемых текстах имеет скорее ментальное, а не сенсорное значение. Использование глаголов подгруппы мыслительного модуса «поиск», на наш взгляд, вполне объяснимо, так как в искусствоведческом дискурс-тексте создатель произведения искусства, как правило, выступает как исследователь-ученый, познающий окружающий мир и находящийся в поиске новых форм выражения своего отношения к этому миру.

Второй уровень функционирования категорий мнения и знания в англоязычном искусствоведческом дискурсе репрезентирует ментальную деятельность искусствоведа-критика. Категория мнения на этом уровне представлена в первую очередь полнозначными глаголами, такими как *to think, to consider, to believe*. Данные глаголы используются автором искусствоведческого описания в пассивном залоге, что свидетельствует о том, что он ссылается на субъективное мнение других специалистов, идентифицируя себя с ними. Вероятно, таким образом, автор искусствоведческого текста стремится представить свою точку зрения реципиенту наиболее убедительно. Категория знания репрезентирована, главным образом, глаголами *to know, to reveal, to define, to characterize, to show, to say* etc. Как показывает анализ, представленное в англоязычном искусствоведческом дискурсе знание является в большинстве случаев знанием, полученным из вторых рук (из разговоров, книг). Наличие в англоязычном дискурсе глагола речевого действия *to say* в конструкциях с составным глагольным диспозиционным предикатом, а также в конструкциях с формальным подлежащим *it* позволяет предположить, что полученное знание не обязательно является окончательным.

Своеобразие функционирования категорий мнения и знания в англоязычном искусствоведческом дискурсе обусловлено, на наш взгляд, интенцией автора-искусствоведа воздействовать на восприятие произведения искусства и способствовать более глубокому пониманию и правильной интерпретации его реципиентом.

Литература

1. Боров Ю.Б. Эстетика: Отношение к действительности; Творчество; Произведения; Природа и виды искусства; Художественный процесс; Обращение с искусством. М., 2005.
2. Варшавская А.И. Языковые единицы и отношения совместности. СПб., 2008.

*Поспелова А.Г.,
Кондрашова (Козьмина) В.Н.*

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ДИСКУРСИВНОГО ПОВТОРА С СЕМАНТИЧЕСКИМ СДВИГОМ В АНГЛИЙСКОМ ДИАЛОГЕ

Диалогические повторы выполняют дискурсивно-регулятивную функцию в речевом общении. Они встречаются как в разговорно-бытовом, так и в профессиональном дискурсе, реализуя гармонизирующие или деструктивные тактики. Как отмечает О.В. Емельянова, при полном или частичном воспроизведении инициальной реплики говорящий вкладывает в нее свою новую интенцию и решает уже другие коммуникативные задачи. Дискурсивные повторы (ДП) отличаются экспрессивностью, выражают различные эмоциональные реакции (Емельянова 2002). ДП нередко

используются при коммуникативном соперничестве и вносят в диалог оттенок насмешливости и ироничности (Поспелова, Кондрашова 2011).

В настоящей работе рассматривается особый тип ДП с семантическим сдвигом (ДПСД), то есть повтор слова, его компонента или группы слов в ответной реплике (или повтор своих слов в рамках одной реплики) с изменением смысла повторяемого слова.

При *кооперативном* общении ДПСД часто используется для сообщения информации и является фасцинативным приемом. Семантический сдвиг возникает спонтанно как реакция на предшествующие слова собеседника, но может быть и запланированным, если говорящий повторяет свои собственные слова.

1 “Well Dale, you know, a lot of this is nuts and bolts stuff.”

“What do you mean?”

“Well, if the rider's nuts, the horse bolts.”(N. Evans)

Женщина спрашивает заклинателя лошадей об источнике его знаний. Первая реплика умышленно малоинформативна, так как выражение *nuts and bolts* – это устойчивое словосочетание, означающее «главные компоненты». На основе грамматической омонимии возникает новый смысл: лошадь несется, только если хозяин чокнутый. *Nuts* – это жаргонное выражение «псих», а *bolts* - глагольная форма.

ДП с изменением морфемного состава повторяемого слова являются корректирующими высказывания и способствуют усилению экспрессивности высказывания. Достаточно часто они используются для выражения критической оценки.

2 “Sorry to disappoint you,” Katherine gently explained, “but we're lapsed Catholics.”

“Lapsed! “ (...) “Collapsed would be more like it.” (M.Keys)

Девушка говорит, что они с подругой отошли от католической веры, но подруга, прибавляя префикс, подчеркивает полный крах их веры.

В ДПСД новый смысл часто создается путем разрушения устойчивых словосочетаний, так как лексическая единица используется в свободном значении, а не в связанном.

3 “If you are going to pay our way in, I insist on paying for the goodies. I’m pretty feminist. It’s strictly Dutch treat with me.’

“I don’t know how feminist that makes you,” (...) It might just make you Dutch.” (C. Stanley).

Девушка хочет отстоять свою финансовую независимость на свидании и использует идиому *Dutch treat*. Ее спутник подтрунивает над ней, он игнорирует значение фразеологизма и использует слово в буквальном значении.

Рассмотрим случаи *некооперативного*, противодействующего использования ДП.

4 “If I wanted, I could have any man I pleased.”

“Yes,” Kit mutters, “but you never have pleased any man, have you?” (T. Stimson)

Незамужняя женщина говорит, что могла бы заполучить любого мужчину, которого бы хотела. В результате изменения порядка слов в следующей реплике глагол to have вместо смыслового становится вспомогательным, меняется и значение глагола to please. Возникает обидный смысл: женщина никогда никому не нравилась.

Выражению противодействия способствует использование ДП отдельного компонента слова с изменением его смысла.

5 “You don’t understand. I’m her lady-in-waiting so I need to be with her at all times.”

“Well then, you won’t mind waiting till she comes out at closing times,” Paul smirked. (C.Ahern)

Девушка, пытаясь проникнуть в клуб, говорит, что она придворная дама принцессы, уже вошедшей в клуб. В ответной реплике адресат насмешливо использует уже не компонент, входящий в состав сложного слова, а герундий waiting с изменением значения.

Как показал проведенный анализ, ДПСД широко используются в английском диалоге как в кооперативном, так и некооперативном общении. При некооперативном общении говорящий противодействует реализации коммуникативного намерения собеседника: уходит от ответа, выражает несогласие, отказ или критическую оценку.

ДП возникают, как правило, на основе грамматической омонимии, наиболее продуктивными оказались следующие модели перехода одной части речи в другую: наречие – прилагательное, наречие – глагол, существительное – глагол. Встречается и окказиональное словообразование по конверсии, повторы отдельных компонентов сложных слов, омонимичных словам с другим значением, а также повтор слов с добавлением или изменением отдельных морфем. Важным для возникновения семантического сдвига является контекст: изменение предлога, опущение артикля, изменение порядка слов. Очень продуктивен при повторе переход слова из связанного значения в свободное.

Использование ДПСД демонстрирует языковое творчество коммуникантов и иллюстрирует фасцинативную и манипулятивную функцию языка.

Литература

1. Емельянова О.В. Чужое слово во внешней речи // Риторика монолога / Под. ред. А.И.Варшавской. СПб., 2002. С.144-155.
2. Пospelова А.Г., Кондрашова (Козьмина) В.Н. Игровой потенциал дискурсивного повтора в английском диалоге // Человек. Язык. Культура: сб. науч. тр. Вып. 2. /редколл.: О.Н. Гронская (отв. ред) [и др.]. - СПб., 2011. С. 123-131.

АЛЛЮЗИЯ КАК ПРИЕМ КОНФРОНТАЦИОННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Работа посвящена анализу аллюзии как приему конфронтационного политического дискурса, направленного на оскорбление политического противника.

Вопросы интертекстуальности и прецедентных текстов привлекают в настоящее время внимание лингвистов (см. например, Даниленко 2010; Карасик 2006).

Анализ показывает, что одним из приемов очернения политического противника является уподобление его одиозному персонажу или аллюзия к одиозной политической или исторической ситуации.

Были отмечены следующие средства создания политической аллюзии:

А) просодический – наименование обнаруживает звуковое сходство с одиозным словом. Так, противники прокремлевского движения «наши» называют его участников «нашисты», и аллюзия создается через созвучие нашисты – фашисты.

Б) употребление знаковых слов – символов какой-либо одиозной прецедентной ситуации. Например:

(1) Неудавшийся грузинский **блицкриг** был создан по лекалам оккупации хорватскими войсками Сербской Краины в 1995 году (Риа «Новости» 14.08.08).

Аллюзия к нацистской Германии создается словом-символом «блицкриг».

В) развернутое сравнение описываемой и прецедентной ситуации.

(2) There are many similarities between the rhetoric and behaviour of **Germany in 1938** and Russia in 2008 (Financial Times, 12.08. 08)

Обратимся к анализу прецедентных фигур и ситуаций.

Наиболее распространенными являются аллюзии к нацистской Германии. Помимо приведенных выше примеров, можно вспомнить, например, полемику конца 80-х гг. XX века между либералами и консерваторами, называющими друг друга, соответственно, «краснокоричневыми» и «демофашистами». Во время холодной войны в пропагандистских антиамериканских текстах употреблялось выражение «негритянское гетто». Этот пример хотелось бы рассмотреть подробнее. До второй мировой войны это слово имело, в общем, безобидное значение. Гетто – это остров в Венеции, где традиционно проживали евреи; в дальнейшем слово «гетто» стало обозначать городские районы их компактного проживания. В период второй мировой войны еврейское гетто было остановкой на пути к газовой камере или расстрелу и именно в таком значении стало известно советским людям. Поэтому слова «негритянское гетто» ассоциировались не только с районом компактного проживания

афроамериканцев, но с местом, где население удерживалось насильственно и подвергалось уничтожению.

В русскоязычном дискурсе прецедентной ситуацией также часто служит сталинский террор:

(3) Климат в Грузии напоминает **37-й год прошлого века** (Российская газета 29.09. 06).

Прецедентными ситуациями могут служить и более отдаленные исторические события, например Орда Чингиз-хана.

(4) Это поведение нецивилизованной страны, сравнимое с **поведением монгольской орды**. (Известия, 15.08.08).

Сочетание «гитлеровские орды» достаточно часто употреблялось в период Великой Отечественной войны. Характерно, что поисковый портал Google выдал по запросу «гитлеровские орды» 2670 результатов – число достаточно большое, если учесть, что данное сочетание преимущественно употреблялось задолго до появления Интернета.

Монгольская орда послужила прецедентом и для антиславянской риторики. Например:

(5) Socialism, which most of Berlin's workers professed, did not run so deep as their instinctive fear and hatred of the **Slavic hordes** (B. Tuchman. The guns of August. 2004).

«Славянскими ордами» пугали свой народ Гитлер и Геббельс в 1945 году.

Прецедентом для политической аллюзии может служить также вымышленная ситуация. Так, в англоязычном, преимущественно левом политическом дискурсе достаточно распространены аллюзии к роману Д. Оруэлла «1984». Их можно обнаружить на лексическом уровне – в виде новых слов, созданных на основе вымышленного «новояза» (newspeak) Оруэлла, самым знаменитым из которых является doublespeak, обозначающее неискренность и лицемерие властей. Характерно также употребление Оруэлловских слов с целью создания отрицательного образа противника:

(6) The **Big Brothers** of the 1940s saw children as tools of moral blackmail and social control (www.conspiracyarchive.com/Blog/?tag=orwellian).

Прилагательное “Orwellian” употребляется для характеристики тоталитарного, недемократического режима:

(7) Bush creates **Orwellian** society (Minnesota Daily, 27.09.2002).

Типичность прилагательного *Orwellian* для современного дискурса подтверждает тот факт, что система Google выдала на это слово 2 920 000 ответов.

В русскоязычном дискурсе примером вымышленной прецедентной фигуры может служить «Собачье сердце» М. Булгакова. Так в 1989г. в журнале «Огонек» появилась статья «Дети Шарикова» (Огонек, №3, 1989), на которую газета «Литературная Россия» откликнулась публикацией «Внуки Швондера». («Литературная Россия», №4, 1989).

Эти аллюзии продолжают использоваться и в современном, преимущественно электронном дискурсе, о чем говорит количество ответов, выданных системой Google: 27 300 ответов на «внуки Швондера» и 6 030 000 ответов на «дети Шарикова».

Позволим себе сделать некоторые выводы. Одним из приемов очернения противника в политическом дискурсе является уподобление его общеизвестному одиозному персонажу или уподобление ситуации, созданной этим противником, общеизвестной одиозной ситуации. Прецедентные персонажи и ситуации могут принадлежать как недавней, так и отдаленной истории, быть как реальными, так и вымышленными. Их общее свойство – известность для данного языкового и политического сообщества.

Особенность аллюзии как риторического приема, как представляется, состоит в том, что пишущий (или говорящий) может тяжело оскорбить политического противника, не неся за это ответственности. Так, при всей экстравагантности поведения М. Саакашвили никто всерьез не приписывает ему преступлений, равнозначных нацистским. Однако, назвав М. Саакашвили «бесноватым фюрером» (это сочетание употреблялось в российской прессе в период конфликта 2008 г.), можно косвенно, «как бы» приписать ему свойства Гитлера.

Литература

1. Карасик В.И. О категориях дискурса. <http://homepages.tversu.ru/~ips/JubKaras.html>
2. Даниленко О.В. Интертекстуальность в политическом дискурсе Украины (на материале программ политических партий) <http://www.ebiblioteka.ru/browse/doc/22528419>

Спиридонова В.А.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НЕВЕРБАЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ КОММУНИКАЦИИ В ЭЛЕКТРОННОМ ДИСКУРСЕ

«Невербальная информация может, как значительно усилить семантическое значение слова, так и существенно его ослабить, вплоть до полного отрицания субъектом восприятия» (Морозов 1998: 24). Особенно остро вопрос о значимости невербальных компонентов коммуникации встает, когда речь заходит о коммуникативном

взаимодействии, опосредованном цифровыми технологиями - электронном дискурсе, результат которого, с одной стороны, определяют как «письменную речь», а с другой - выделяют в отдельную модальность, так называемую «виртуальную речь» (“Netspeak”) (Herring 2008: 2642).

Электронный дискурс имеет свои специфические особенности: иллокутивность, дистантность, анонимность, сетевую структуру, гипертекстуальность, мультимедийность, устно-письменный характер коммуникации и др., главной из которых большинство исследователей считают появление особых жанров.

Интенсивное развитие современных информационных технологий является одной из основных причин взаимовлияния жанровых образований и, как следствие, образования новых сетевых жанров, многие из которых носят гибридный характер. Одним из таких «жанров-гибридов» является **«джабер-конференция»** (jabber-conference), представляющая собой *синтез исконно виртуальных жанров – чата и Интернет-конференции, возникший в результате глобализации киберпространства*.

Главной жанровой особенностью «джабер-конференции» является такой способ репрезентации невербальных компонентов коммуникации как **свободный косвенный дискурс** - *повествование о себе в 3м лице как способ выражения действий языковыми средствами, в котором соединяется в одно целое речь пользователя и его маски (виртуального имени)* (например, ARC gets ready for the onslaught of tomatoes).

Появление способов отображения в письменной форме таких супraseгментных средств организации речи, как *темп, громкость, паузация, ударение*, считается одной из главных особенностей электронной коммуникации. Следует отметить, что наиболее продуктивным здесь является графический способ (например, give_me_a_cookie! или *Mich* stört sowas dann aber trotzdem).

Способы выражения эмоциональных состояний подразделяются на стандартные и особые: эмодиконы (например, >.< - разочарование, раздражение) и акронимы (например, “mmph” – makes me pretty happy, “blubb” - bitte lass uns bumsen baby). Как правило, способы репрезентации эмоций находятся в отношении конгруэнтности. Тем не менее, нередки случаи неконгруэнтных связей, например, sounds as easy as pie </irony> :P. Здесь стандартным лексическим способом уточняется коннотативная составляющая высказывания ‘sounds as easy as pie’. Говорящий подчеркивает, что это ирония и, в тоже время, смягчает ее, используя эмодикон :P, выражающий радость, веселье, что придает шуточный тон всему утверждению.

Главной особенностью немецких «джабер-конференций» является использование англоязычных заимствований в качестве самостоятельного способа репрезентации эмоций

(например, *lwp* (laughing with passion)), **инфлексивов** (например, **zuck** (от “*zucken*” - вздрагивать)) и **инфлексивных конструкций** (грамматический способ) как средства передачи действий (например, **augenroll** (от *die Augen rollen*)). Инфлексив – «глагольная основа без окончания, называющая эмоции или действия коммуникантов и заменяющая целую предикацию, относящуюся к говорящему» (Щипицина 2011: 30).

В представленных классификациях выражения действий средствами языка общими для жанра «джабер-конференции» можно считать следующие способы: лексический, графический, авторские комментарии и свободный косвенный дискурс, фонетический способ (например, *ha-ha-ha*), а также грамматический способ и способ англоязычных заимствований, характерный только для немецкого языка.

Таким образом, в рамках электронного дискурса наблюдается попытка максимального приближения письменной речи к устной, что влечет за собой повышение уровня экспрессивности высказываний, поэтому исследования способов репрезентации невербальных компонентов коммуникации, играют важную роль для повышения эффективности взаимодействия в виртуальной среде и снижения уровня риска коммуникативных неудач.

Литература

1. Морозов В.П., Искусство и наука общения: невербальная коммуникация, М., 1998.
2. Щипицина Л.Ю. Комплексная лингвистическая характеристика компьютерно-опосредованной коммуникации (на материале немецкого языка). Автореф. дис. ... канд. филол. н. Воронеж, 2011.
3. Herring S.C. (2008) Language and the Internet // International Encyclopedia of Communication, pp. 2640-2645, URL: <http://ella.slis.indiana.edu/~herring/lg.inet.pdf> (Eng) 25.04.2009.

Станишевская А. И.

СВОБОДНЫЙ КОСВЕННЫЙ ДИСКУРС КАК НАРРАТИВНАЯ МОДЕЛЬ РОМАНА ЭМИЛИ БРОНТЕ “WUTHERING HEIGHTS”

В лингвистике существует большое количество дефиниций термина *дискурс*. Среди ученых, разрабатывающих дискурсивную проблематику, следует отметить работы отечественных исследователей таких как В.И. Карасика, Е.В. Падучевой, В.Е. Чернявской, Е.С. Кубряковой, Н.Д. Арутюновой и др. Из зарубежных ученых целесообразно назвать работы Ж. Женетта, Т. ван Дейка, В. Шмида, Мари Лор Риан и др. В данном докладе будет использовано определение дискурса Н.Д. Арутюновой: «Дискурс – связный текст в

совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, “погруженная в жизнь”» (ЛЭС 2002: 136 – 137). Кроме того, в этой работе дискурс будет исследоваться в аспекте его жанровых характеристик, что связано с изучением художественного текста (Карасик 2009: 278).

В нарратологии имеется две повествовательные формы – традиционный нарратив и свободный косвенный дискурс. Традиционный нарратив делится на перволичную и аукториальную формы или нарратив 3-го лица. При перволичной повествовательной форме повествователь может быть в 1-м и 3-м лице. При этом роль повествователя играет рассказчик, он же – персонаж. При аукториальной повествовательной форме повествователь экзегетический и не принадлежит миру текста. В свободном косвенном дискурсе повествователь отсутствует или играет пониженную роль в композиции.

«СКД рассматривается как чисто литературная форма использования языка, которая возникла не ранее XIX века» (Падучева 1996:214). Кроме того, для истории развития нарратива характерно постепенное уменьшение роли повествователя. В повествовании непрерывно понижается роль прямого комментария, причем в начале XX в. эта тенденция становится все более явной. В качестве примера – роман Джона Фаулза “The French Lieutenant’s Woman”, написанный в 1969г.

Свободный косвенный дискурс – это такая повествовательная форма, при которой роль повествователя выполняет персонаж. Здесь «персонаж вытесняет повествователя, захватывая эгоцентрические элементы языка в свое распоряжение» (Падучева 1996:206). Рассматриваемая повествовательная форма практически невозможна в чистом виде. За повествователем всегда сохраняются определенные позиции, например, прямой комментарий происходящих событий или самопрезентация. В частности, рассматриваемый роман Э. Бронте начинается с самопрезентации первого повествователя – мистера Локвуда: “1801. – I have just returned from a visit landlord – the solitary neighbour that I shall be troubled with” (Brontë 2005:7).

Связность СКД обеспечивается сложным согласованием голосов разных персонажей друг с другом и голосом повествователя.

Для СКД в романе Э. Бронте “Wuthering Heights” характерно:

новаторское для того времени использование двух повествователей, причем один из них превращается в слушателя;

использование в повествовательном тексте цитирования. В своей книге «Семантика нарратива» Е.В. Падучева пишет: «В повествовательном тексте о цитировании можно говорить тогда, когда в высказывании, которое в целом делается от лица повествователя, имеются вкрапления, которые должны интерпретироваться через отсылку к персонажу» (Падучева 1996:208). В романе Э. Бронте присутствует не только цитирование, но и вкрапление писательницей в основной текст дневниковых записей. Пример из третьей главы рассматриваемого романа: “The ledge, where I placed my candle, had a few mildewed books piled up in one corner; and it was covered with writing scratched on the paint. This writing, however, was nothing but a name repeated in all kinds of characters, large and small – *Catherine Earnshaw*, here and there varied to *Catherine Heathcliff*, and then again to *Catherine Linton*” (Brontë 2005: 23). В этом примере повествование не только ведется от лица повествователя мистера Локвуда, но и имеются вкрапления в виде имени главной героини романа – Кэтрин Эрншо. Таким путем достигается отсылка к указанному персонажу Грозового Перевала.

Однако причислить художественный текст к той или иной повествовательной форме можно лишь условно. Правомерно говорить только о пропорциях использования автором тех или иных моделей нарратива. В лингвистике существует еще одна форма повествования, промежуточная между СКД и традиционным нарративом – субъективное авторское повествование (Кожевникова 1994:75). И роман Э. Бронте “*Wuthering Heights*” на основе проведенного лингвистического анализа целесообразно причислить к свободному косвенному дискурсу, которому свойственны некоторые черты субъективного авторского повествования.

Литература

1. Brontë E. *Wuthering Heights*. М., 2005. - 348 p.
2. Карасик В.И. Языковые ключи. М., 2009. - 406 с.
3. Кожевникова Н.А. Типы повествования в русской литературе XIX – XX вв. М., 1994. – 336 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд., дополненное. М., 2002. – 709 с.
5. Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в рус. яз. Семантика нарратива. М., 1996. – 464 с.

ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

Бабиц Е.В.

ВИЗУАЛЬНЫЙ И ВЕРБАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ ПОЛИКОДОВОГО ТЕКСТА

Иллюстрация, для данной работы с позиции семиотики, есть иконический текст, в основе которого лежит аналитико-синтетическая переработка информации исходного текста художником. Иллюстрация тесно связана с текстом, составляя с ним тематическое, смысловое и структурное единство. При этом порой наблюдается несовпадение коммуникативной интенции писателя и художника.

Работа также опирается на суждение У. Эко о том, что иконический знак трудно разложить на первоначальные элементы, «иконический знак – нечто такое, что соответствует не просто слову разговорного языка, а высказыванию» (Эко 1984: 85).

Мы называем текст Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба» поликодовым (или креолизованным) текстом, поскольку в его создании наряду с вербальными средствами принимают участие средства иконические. В XIX и XX вв. на это не было обращено ни малейшего внимания, если не считать размышлений Г. Шпета 1934 года, которые содержат важные для данной работы идеи семиотического плана. Речь идет о «Комментариях к «Посмертным запискам Пиквикского клуба» и его работе «Внутренняя форма слова. Этюды и вариации на темы Гумбольда», основу которого составляет исследование языка как одного из методов психологии социального бытия.

Еще в 30-е годы Г. Шпет, занимаясь чрезвычайно широкой лингвофилософской и психологической проблематикой, обращался к той форме исследований, которая стала наиболее важной впоследствии для изучения художественного текста когнитивной лингвистикой и литературоведением. До Э. Кассирера, К. Леви-Стросса и Лесли Уайта Г. Шпет пришел к выводу, что «сфера этнической психологии априорно намечается как сфера доступного нам через понимание некоторой системы знаков, следовательно, ее предмет постигается только путем расшифровки и интерпретации этих знаков». (Шпет 1989: 514).

В процессе сопоставления визуального и вербального компонентов проявляются различия на синтаксическом и семантическом уровнях. Синтаксический уровень предполагает наличие непрерывного и обратимого двухмерного пространства изображения, отличного от необратимой последовательности дискретных знаков вербального компонента. Семантический уровень изображения отличается от слов иным способом репрезентации, в котором не требуется кода связи между выражением и формой. Вслед за Р. Якобсоном еще раз повторим его идею о том, что словесное

выражение создает модели на уровне семантики, в плане содержания, а графическое на уровне синтактики, в плане выражения.

Вопрос о соотношении вербального и невербального мышления получил наиболее детальную разработку в трудах Н.И. Жинкина. В его работах рассматривается наличие двухзвенного механизма художественного мышления, исследователь также отмечает, что наиболее полно язык изображений представлен в изобразительном искусстве: художник передает в своем произведении сложное наглядное сообщение, которое приобретает смысл при восприятии и интерпретации его зрителем (Жинкин 1998: 162). С тем же механизмом мы имеем дело в процессе восприятия поликодового текста. В нашем же случае, поликодовый текст представляет собой слияние и взаимодействие двух художников, двух «говорящих сознаний» (термин М.М. Бахтина, использованный Д.Б. Гудковым для определения коммуникации): автора текста и художника-иллюстратора.

Художественный мир Ч. Диккенса театрален, в его искусное и стилистически выверенное повествование органично вплетаются иллюстрации талантливых карикатуристов Роберта Сеймура и Хэблота Брауна. В рамках лингвосемиотики театральность рассматривается в дискурсивном аспекте, включающем идеи «театральности жизни», которыми занимался известный режиссер и теоретик театра Н.Евреинов.

В работе также используется понятие презентемы, введенное А.В. Оляничем, который рассматривает семиотику театральности как презентационную форму дискурса. Презентема представляет собой, прежде всего, комплексный знак, имеющий лингвосемиотический базовый принцип ее выделения. Этот принцип позволяет выявить группы концептов и образов, а также отражающих их знаков и символов, находящихся между собой в определенных отношениях и соположенных друг с другом. Базовой функцией презентемы, как отмечает А.В. Олянич, «является передача и фиксация в сознании объекта когнитивного воздействия представления о концептах и образах, присущего субъекту когнитивного воздействия» (Олянич 2007: 182). Лингвосемиотический подход позволяет выделить три обширных гипертипа презентем – невербальные, вербальные и презентемы смешанного типа. Как отмечает А.В. Олянич, «в принципе, любое произведение изобразительного искусства представляет собой артефактную презентему или их целый комплекс, содержащий в себе послание о состояниях его автора» (Олянич 2007: 190). Такой подход подразумевает выделение иного типа невербальных презентем, визуально означающих действительность, и включающих в себя понятие театральности.

Литература

1. Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи. Москва, 1998.
2. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса. Москва, 2007.
3. Шпет Г.Г. Сочинения. Москва, 1989.
4. Эко У. О членениях кинематографического кода // Структура фильма / Под. ред. К.Э. Разлогова. Москва. 1984. С.79-101.

Вышенская Ю.П.

ГОТИЧЕСКАЯ КОМПОНЕНТА ХУДОЖЕСТВЕННОГО СТИЛЯ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРИОДА ФОРМИРОВАНИЯ

Формирование категории художественного стиля в европейской литературе выпадает на эпоху позднего средневековья и раннего Возрождения. Анализ стиля данного временного периода, необходимо осуществлять с учётом отсутствия идентичности понятий ренессанс и Возрождение (Ренессанс). Р.И. Хлодовский указывает, что Возрождение подразумевает культурно-исторический этап, «порождённый величайшим прогрессивным переворотом», в то время как Ренессанс – стиль той эпохи, что позволяет использовать для обозначения этого феномена термин «стиль эпохи», мотивация этому заключается в наличии в эпоху Возрождения, помимо Ренессанса, ряда других художественных стилей, в том числе готики (Хлодовский 1976: 214).

Готический стиль в истории искусства рассматривается как вырастающий из мировоззрения эпохи (Виппер 1966: 8), что сказывается на его характерных особенностях, проявляющихся и в произведениях словесности.

Прежде всего, это касается их композиционной характеристики, нашедшей отражение в часто используемом сравнении с планировкой готического собора. Ярким примером тому может служить “La Divina Commedia” Данте, в английской литературе – “The Canterbury Tales” Дж. Чосера.

В качестве главной черты готического стиля выделяют сочетание, в котором нет органического единства, возвышенного символизма и натурализма, которые «то существуют рядом, то причудливым образом соединяются воедино» (Аникст 1966: 193).

Для сюжетодвижения характерна однонаправленность, односторонность, связанная со свойством, для обозначения которого А.А. Аникст применяет термин «открытость», заимствованный из искусствоведения. «Открытость» готического сюжета, характерного для средневековых эпических поэм, проявляется в способности «бесконечного обрастания новыми эпизодами, от чего композиция никогда не нарушается» (Аникст 1966: 194 – 195).

Ещё одна характерная черта готического стиля заключается в его принципиальной анонимности (Хлодовский 1976: 216), также имеющей универсальный характер. Так, исследуя скульптурное убранство готического храма на материале статуария Парижской Богоматери и порталов Шартра, Амьена и Санлиса, известный медиевист О.А. Добиаш-Рождественская отмечает «типическую, однообразно идеализирующую, без выраженной индивидуальности» жизнь на лицах скульптур (Добиаш-Рождественская 2010: 42).

Обилие красок составляет другую готическую стилевую характерную особенность, причина чему, по мнению французского исследователя Э. Мале, кроется в запрете на творчество, которым руководствовались средневековые художники. В эпоху господства церкви мастеру доверялся лишь исключительно декоративный аспект, и «только здесь его творческая мощь развёртывалась свободно» (Mâle 1910: 400 – 401).

Очевидно, этим объясняется отмечаемая как искусствоведами, так и филологами асимметрия развития словесности и живописи, являющаяся особенностью процесса формирования стиля, который протекает разными темпами в разных странах и в различных сферах искусства (Виппер 1966: 8).

Итак, структура готической компоненты, которая занимает важное место в процессе формирования стиля, весьма сложна и разнообразна, что необходимо учитывать как в теоретических, так и в практически направленных исследованиях.

Литература

1. Аникст А.А. Ренессанс, маньеризм и барокко в литературе и театре // Проблема стилей в западно-европейском искусстве XV – XVIII веков. Ренессанс. Барокко. Классицизм. / Под. ред. Б.Р. Виппера, Т.Н. Ливанова – Москва, 1966. С. 178 - 245.
2. Добиаш-Рождественская О.А. Духовная культура средневекового запада. Москва, 2010.
3. Хлодовский Р.И. О Ренессансе, классическом стиле литературы Италии // Теория литературных стилей. Типология стилевого развития нового времени. / Под. ред. Москва, 1976. С. 214 – 230.
4. Mâle É. L'Art Religieux du XIII-e siècle en France. Étude sur l'iconographie du Moyen Age et sur ses sources d'inspiration. Paris, 1910.

Дехтярёва Е.В.

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭПИТЕТА В РОМАНЕ У.С.МОЭМА “CAKES AND ALE (OR THE SKELETON IN THE CUPBOARD)”

В настоящее время исследованию структуры эпитета уделяется большое внимание. Это обусловлено тем, что многостороннее рассмотрение данного

стилистического приема позволяет более точно понять его природу и определить цель использования автором.

В ходе исследования установлено, что *эпитет* – это выразительное средство, содержащее экспрессивную характеристику природы и природных явлений, человека, его внешности и внутренних качеств, предметов мебели и утвари, какой-либо ситуации или процесса, некоторых абстрактных объектов окружающей действительности, которое, во-первых, является неотъемлемым значением определяемого явления, но, главное, выражает субъективную оценку автора по отношению к нему.

Рассмотрим **виды** эпитета, т.е. его внутреннее строение. Различают простые, сложные и производные виды данного стилистического приема.

Анализ композиционной структуры эпитетов и их морфолого-синтаксического выражения позволяет выделить и описать ряд структурных видов эпитета, характерных для языка романа У.С.Моэма “Cakes and Ale”. Морфологическая характеристика и пояснения даются с опорой на следующие труды: Вейхман Г.А. (2002), Филиппов К.А. (2003), Arbeckova T.I., Vlasova N.N. (1978) и др.

Рассмотрение проводится в двух направлениях: внутренняя форма эпитета и внешняя структура развернутого контекста, содержащего эпитет.

Внутренняя форма эпитета:

1) Явления с синонимичными прилагательными без указания предмета: A+A... Например, He looked honest, clean and healthy (p.14) – «Он выглядел честным, чистым и здоровым». Такая форма описания, несмотря на отсутствие определяемого слова, не перестает передавать экспрессивную характеристику, в данном случае, человека.

2) Наиболее частыми контекстами являются сочетания прилагательного в препозиции с существительным: A+N. Вслед за И.Р.Гальпериным устанавливаем, что прилагательные могут быть как **простыми** (simple), например, shabby restaurant (p.21) – «скверный ресторанчик», так и **сложными** (compound) – cross-grained carper (p.25) – «злостный критикан». Эпитеты, выраженные сложными прилагательными, называются сложными.

3) Еще одним контекст-эпитетом, встречающимся в романе, является наречие при прилагательном: Adv.+A. Например, dreadfully common (p.39) – «ужасно вульгарна».

4) Следующий контекст выражен наречием при существительном в препозиции: Adv.+N: kindly sun (p.21) – «благостное солнце».

5) Весьма распространенным является контекст, выраженный причастием: Participle+N. В данном случае эпитет может быть выражен:

- причастием настоящего времени, например, *graying fair hair* (p.200) – «седеющие волосы»;
- причастием прошедшего времени, например, *pretty painted women* (p.27) – «милые накрашенные женщины».

6) В роли эпитета может выступать существительное в функции определения: N+N. Среди таковых нарицательные существительные:

- в общем падеже, например, *knickerbocker suit* (p.129) – «костюм для прогулок с брюками до колен»;
- в притяжательном падеже, например, *child's playful naughtiness* (p.93-94) – «ребяческое игривое озорство»;
- существительные в *of*-phrase, например, *the heart of gold* (p.143) – «золотое сердце».

7) В качестве эпитета также могут употребляться словосочетания и даже целые предложения, стягиваемые в одно слово при помощи дефисов, В.А. Кухаренко предлагает для этого явления термин «*phrase epithet*» (Кухаренко 2000: 31). Как правило, фразовые эпитеты сопровождаются словами *air*, *expression*, *attitude* и некоторыми другими, описывающими поведение или выражение лица. Например, *his hail-fellow-well-met air* (p.78) – «его панибратский вид». В некоторых случаях абзац полностью может представлять собой эпитет, в особенности, при описании внешнего вида и эмоционального состояния героя.

Внешняя структура развернутого контекста, содержащего эпитет:

Говоря о частеречной принадлежности эпитетов, следует упомянуть и о выполняемых ими синтаксических ролях. Как отмечает И.Р. Гальперин, главнейшей функцией эпитета является «функция выявления личного, оценочного отношения к описываемым фактам» (Гальперин 1958: 142). Эта роль эпитета определяется синтаксическими особенностями: наиболее частым употреблением эпитета в *функции определения*, например, *Carlyle was a pretentious windbag* (p.36) – «Карлайл был претенциозным болтуном».

Реже эпитет выступает в *функции дополнения*: *Roy smiled indulgently* (p.34) – «Рой снисходительно улыбнулся» и *обращения*: *Oh, my dear, why d'you bother your head about any others?* (p.195) - «Милый, ну зачем тебе думать о каких-то других?». Эпитет может быть выражен *подлежащим*, но в такой роли чаще всего встречается в поэзии и языке прозы. Также данный стилистический прием используется в качестве *парантезы*,

т.е. вводного слова, словосочетания, предложения, что придает иронический тон высказыванию.

Отличительной чертой романа У.С. Моэма является частое использование эпитета в *функции обособления*, например, ...you were twenty then, and it (novel) was crude and ingenuous, and on every page was written your inexperience (p.19) – «...вам тогда было 20 лет, и книга была неумелой и бесхитростной, и на каждой ее странице запечатлена ваша неопытность». Данная функция придает дополнительные оттенки высказыванию, т.е. выражает авторскую субъективность.

Роман “Cakes and Ale” содержит эпитеты разной протяженности. Анализ текста дает возможность проследить тенденцию к *увеличению синонимического ряда* эпитетов. Приведем пример, He was like he always was, rather shy, you know, and quite, very well-mannered, grateful, of course, but a little dry (p.38) – «Он был как всегда – такой, знаете, чуть застенчивый, скромный, с безупречными манерами, полон благородности, но немного суховат». За счет данного приема раскрывается художественный замысел и неповторимый витиеватый стиль великого У.С.Моэма, легкий и увлекательный в прочтении, но скрывающий тщательный отбор формы и содержания.

Литература

1. Вейхман Г.А. Новое в грамматике современного английского языка. М., 2002.
2. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М., 1958.
3. Кухаренко В.А. Практикум по стилистике английского языка. Seminars in Stylistics: Учеб. пособие, 2000.
4. Филиппов К.А. Лингвистика текста. СПб., 2003.
5. Arbeckova T.I., Vlasova N.N. English for All Occasions. М., 1978.

Мальцева Н.Б

ПОХВАЛА. ИНТЕНЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ

Целью данной работы является рассмотрение похвалы с точки зрения интенционального состояния, которое испытывает произносящий ее человек, в частности по параметрам ее истинности и искренности. Под интенциональностью вслед за Дж.Серлем мы будем понимать направленность или отнесенность ментального и психологического состояния к объекту или положению дел во внешнем мире (Серль 1987:96). Например, такие состояния, как восторг, вера, желание, убеждение, удовольствие, любовь, наслаждение, намерение, являются интенциональными, т.к. по их поводу можно задать вопрос: к чему (к какому объекту, какой ситуации внешнего мира)

относится ваше состояние? Объект, к которому относится интенциональное состояние, называется интенциональным объектом.

Рассмотрим интенциональное состояние, которое возникает при произнесении похвалы. Примем за точку отсчета, что иллюкутивной целью похвалы является информирование собеседника о том, что *X хороший*. Тогда объектом испытываемого нами психологического и ментального состояния будет этот *X*, которому мы приписываем определенные положительные качества и который совпадает с объектом нашей оценки. При произнесении похвалы объектом нашей оценки и нашего интенционального состояния может стать практически любой объект: и наш собеседник, и другой предмет или лицо, и какое-то событие, как входящие, так и не входящие в сферу интересов слушающего.

Между природой интенциональных состояний и выражающих их речевых актов можно провести несколько аналогий. Во-первых, подобно тому, как речевой акт представляет собой некоторое пропозициональное содержание, отмеченное той или иной иллюкутивной силой, так и интенциональное состояние представляет собой определенное пропозициональное содержание в том или другом психологическом модусе. Содержанием интенционального состояния похвалы является то, что *X хороший*. Поскольку психическим состоянием человека, произносящего оценочное суждение, является убеждение в том, что его оценка истинна, то убеждение и будет являться психологическим модусом этого состояния. Схематично это можно представить как *Убежден(X хороший)*.

Второй аналогией интенциональных состояний с речевыми актами является направление соответствия между ними и внешним миром. Подобно тому, как наши утверждения и суждения, описывая независимо существующий от них мир, тем самым сопоставляются с этим миром и в зависимости от того, насколько точно они соответствуют ему, являются истинными и ложными, так и наши убеждения тоже могут отражать или не отражать, соответствовать или не соответствовать положению дел в реальном мире, могут быть истинными или ошибочными, ложными. Такая природа убеждений, отражающих наше восприятие внешнего мира, дает возможность охарактеризовать их как имеющие направление соответствия «от мысли к миру». Поскольку по своему значению похвала представляет собой оценочное суждение, отражающее шкалу ценностей и оценок говорящего, можно сказать, что, произнося похвалу и озвучивая свое убеждение, говорящий приспособливает слова к своей картине мира, пытаясь сделать так, чтобы они соответствовали ее шкале ценностей и оценок. Поэтому, во-первых, все выражения похвалы могут оцениваться по шкале истинно-ложно.

И, во-вторых, выражая убеждение говорящего, похвала всегда истина в его картине мира и так или иначе соотносится с понятиями истинно-ложно в картине мира слушающего.

Еще одной особенностью интенциональных состояний является то, что осуществление любого речевого акта с пропозициональным содержанием является выражением определенного интенционального состояния с данным пропозициональным содержанием. Более того, наличие данного состояния у говорящего является условием искренности этого речевого акта. Условия искренности похвалы проявляются в нашей убежденности в истинности той положительной оценки, которую мы даем *X*. Поэтому высказывания похвалы, произнесенные в нормальных коммуникативных обстоятельствах, а не под давлением психологических и социальных факторов, всегда искренни в своей убежденности в истинности озвучиваемой пропозиции.

Четвертой аналогией речевого акта и интенционального состояния является наличие такой общей характеристики как их условия выполнимости. В случае речевого акта мы можем говорить о соответствии между вербальным актом и реальностью в конкретном направлении соответствия, которое определяется иллокутивной силой акта. Например, мое обещание выполнено, если и только если я сдержал его, а мое утверждение выполнено, если и только если оно истинно. Аналогично, мое интенциональное состояние намерения выполнено, если и только если мое намерение осуществилось, а мое интенциональное состояние убеждения выполнено, если и только если мир таков, каково мое убеждение о нем. В данном случае пропозициональное содержание определяет условия выполнимости интенционального состояния, а психологический модус обеспечивает то, что эти условия выполнимости представлены в определенном направлении соответствия. «Решающее значение, - пишет Дж. Серль, - имеет то обстоятельство, что для каждого речевого акта, обладающего направлением соответствия, речевой акт выполнен, если и только если выполнено выражаемое им ментальное состояние и условия выполнимости речевого акта и выражаемого им психологического состояния тождественны» (Серль 1987:106) В случае похвалы условия выполнимости детерминируются соответствием между нашим убеждением и нашей шкалой ценностей, а психологический модус убеждения задает направление приспособления нашего убеждения к нашей картине мира.

Таким образом, в отличие от других хвалебных высказываний, таких как лесть и комплимент, иллокутивной целью которых является доставить удовольствие слушающему, похвала всегда искренна и всегда истинна в картине мира говорящего.

Литература

1. Серль Дж.Р. Природа интенциональных состояний//Философия, логика, язык. М., 1987. С.96-126

Меняйло В.В.

СПОСОБЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЖ. ФАУЛЗА

Под авторской позицией понимается совокупность средств выражения отношения автора к предмету сообщения. Определение авторской позиции, которая представляет собой скрытую концептуальную текстовую информацию, не менее важно для адекватного восприятия текста, чем анализ представленной эксплицитно информации. Особую актуальность анализ имплицитной информации приобретает в произведениях психологической прозы и литературе постмодернизма.

Роман **«Коллекционер»** тяготеет к психологическому направлению в английской литературе. Автор устраняется от повествования, представляя все события от лица героев: Клегга и Миранды. Однако, хотя авторская позиция в произведении выражена имплицитно, она ясна читателю. Миранда является протагонистом, через ее отрицательное отношение к антагонисту Клеггу выстраивается и отношение читателя. Миранда и Клегг противопоставлены как «художник-коллекционер», что для автора является синонимом оппозиции «духовное-бездуховное». Данная оппозиция наполняется более глубоким содержанием в интертекстуальном аспекте, проявлением которого в романе выступают аллюзии на шекспировскую пьесу «Буря». Знание пьесы объясняет, например, выбор героиней имени Caliban для Клегга. Калибан Шекспира наделен такими характеристиками, как уродство, жестокость, жажда власти. Миранда Фаулза видит в своём тюремщике те же самые черты.

В романе **«Женщина французского лейтенанта»**, причисляемом к литературе постмодернизма, главным приемом выражения авторской позиции становится игра с читателем. Подобно тому, как главная героиня романа Сара играет с Чарльзом, подталкивая его к осознанию свободы выбора, Фаулз играет в романе с читателями, заставляя делать свой выбор. Он включает в текст три варианта финала: «викторианский», «беллетристический» и «экзистенциальный». Используя этот прием, Фаулз как бы старается проявить справедливость по отношению ко всем героям: показать такую возможную развязку, которая удовлетворила бы каждого. В соответствии с постмодернистской концепцией Р. Барта «смерти автора» (Барт 1994) Фаулз старается

уйти от образа творца судеб своих персонажей, как бы становясь на одну позицию с читателем, который не знает, как поведут себя герои романа, и чем он закончится.

«Дэниел Мартин», в противоположность более ранним, экспериментальным по форме, романам, написан в реалистической манере, что, однако, не упрощает процесс декодирования авторской позиции. Намеренно реалистичная манера повествования приводит к невозможности сразу узнать «голос автора». В тексте сливаются автор (Джон Фаулз), рассказчик (Дэниел Мартин) и повествователь (Саймон Вулф, чье имя является анаграммой имени Фаулза). Сложность выявления авторской позиции усиливается за счет резких смен коммуникативного фокуса. Даже в рамках одной главы интимизированное повествование от первого лица (воспоминания Дэниела о детстве и юности) может внезапно перейти к дистанцированному повествованию от третьего лица, когда Фаулз свободно комментирует действия и чувства Дэниела.

На протяжении творческой деятельности Фаулз придерживается определенных неизменных принципов выражение авторской позиции в произведении (например, реализация концепции «смерти автора»). Но способы реализации данной концепции варьируются от романа к роману. В «Коллекционере» устранение автора из повествования «буквально». Голос автора подчеркнуто исключен из текста. Вместе с тем, протагонист и антагонист очевидны читателю, что позволяет понять, за чьими словами скрывается «голос автора». В «Женщине...» Фаулз открыто экспериментирует с текстом, вторгается в повествование и играет с читателем. Цель игры: подтолкнуть читателя к активной интерпретации, авторская позиция закодирована в литературных и философских аллюзиях. В «Дэниеле Мартине» автор, казалось бы, не скрывается за персонажами, его голос «присутствует» в произведении, однако авторская позиция не сводится к эксплицитно представленным в тексте словам автора.

Литература

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994.

Мешкова Е.М.

К ПРОБЛЕМЕ МЕТОДОЛОГИИ ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Вслед за А.А. Липгартом под лингвопоэтикой мы будем понимать «раздел филологии, в рамках которого стилистически маркированные языковые единицы, использованные в художественном тексте, рассматриваются в связи с вопросом об их функциях и сравнительной значимости для передачи определенного идейно-художественного содержания и создания эстетического эффекта» (Липгарт 1996: 23). В

данном определении закреплён статус лингвопоэтики как особой филологической дисциплины, имеющей свой предмет и цели исследования. Это, в свою очередь, подразумевает и наличие у лингвопоэтики своих, особых методов исследования. Такие методы и были разработаны в докторской диссертации А.А. Липгарта, в его последующих работах и в работах его учеников, написанных под его руководством. Основными методами лингвопоэтического исследования на данный момент являются лингвопоэтическое сопоставление, лингвопоэтическая стратификация, лингвопоэтика художественного приема и лингвопоэтическое исследование повествовательных типов (Липгарт 1994; Липгарт 1996; Липгарт 1997; Карпова 2009). А.А. Липгарт также определил соотношение лингвопоэтики и смежных с ней филологических дисциплин – лингвостилистики и литературоведения (Липгарт 2006: 35-109).

Несмотря на многочисленные работы А.А. Липгарта и его учеников, до сих пор термин «лингвопоэтика» понимается по-разному, что явно не способствует дальнейшему плодотворному развитию данной области филологии. В частности, если лингвопоэтикой называют сочетание литературоведческого и лингвостилистического анализа, то проводится фрагментарный литературоведческий и более или менее подробный лингвостилистический анализ, либо обсуждается только содержательная сторона текста. Собственно лингвопоэтикой авторы таких работ фактически не занимаются. Например, Е.Б. Борисова, рассматривая следующий отрывок из романа Р.Олдингтона «Смерть героя»:

The lilacs had just unfolded their pale hearts, showing the slim stalk of closed buds which would break open later in a foam of white and blue blossoms. Underfoot was the stouter green of wild plants, spread out like an evening sky of verdure for the thick-clustered constellation of flowers /.../

English spring flowers! What an answer to our ridiculous ‘cosmic woe’, how salutary, what a soft reproach to bitterness and avarice and despair, what balm to hurt minds! When the inevitable ‘fuit Ilium’ resounds mournfully over London among the appalling crash of huge bombs and foul reek of deadly gases while the planes roar overhead, will the conqueror think regretfully and tenderly of flowers and poets? (Aldington 1985: 135-136) –

ограничивается описанием содержания, роль стилистически маркированных единиц ею не рассматривается (Борисова 2010).

С точки же зрения лингвопоэтики, эти два абзаца примечательны как раз тем, что здесь наблюдается чередование повествовательных типов: первый абзац представляет собой повествовательный тип описания, второй – волеизъявления. В отрывке, относящемся к описанию, присутствуют длинные постпозитивные стилистически

маркированные определения, выраженные причастными оборотами, лингвопоэтически полноценные и реализующие экспрессивную лингвопоэтическую функцию (“showing the slim stalk of closed buds which would break open later in a foam of white and blue blossoms”, “spread out like an evening sky of verdure for the thick-clustered constellation of flowers”).

Стилистически маркированные языковые единицы внутри сравнения (“like an evening sky of verdure”) и метафор (“the thick-clustered constellation of flowers”, “an evening sky of verdure”) актуализированы: существительное “sky” развивает смысловые связи с существительным “constellation”. Данные стилистически маркированные языковые единицы выполняют гномическую лингвопоэтическую функцию в контексте описания, способствуя созданию отвлеченного представления о цветах на фоне зелени как о созвездии на небе.

В отрывке, относящемся к волеизъявлению, такие определения отсутствуют, зато широко используются восклицания, анафора, паратактическая связь, синонимическая конденсация и синтаксический параллелизм; отрывок завершается риторическим вопросом. Коннотативные атрибутивные словосочетания (“appalling crash”, “huge bombs”, “foul reek”) автоматизированы и, наряду с перечисленными стилистически маркированными элементами синтаксического уровня, выполняют экспрессивную лингвопоэтическую функцию, создавая определенный риторический эффект и способствуя «усилению» авторской мысли о жестокости и бесчеловечности войны. Латинское выражение “fuit Ilium” (означающее “Troj has been”, что подразумевает “Troj is no more”) является своего рода клише и в контексте данного отрывка могло бы рассматриваться как автоматизированное и реализующее экспрессивную функцию, однако оно актуализируется в контексте всего романа, поскольку развивает связи со стихотворением в конце романа (Aldington 1985: 311), где разрушение Лондона сравнивается с гибелью Трои.

Таким образом, то, что Е.Б. Борисова относит к «образу природы», включает в себя отрывки, разные по типу повествования – описание и волеизъявление. Чередование этих двух повествовательных типов, скорее всего, и создает определенный эстетический эффект: контраст между красотой природы и разрушающим воздействием войны. Было бы интересно рассмотреть весь текст романа в плане чередования повествовательных типов.

Литература

1. Борисова Е.Б. Художественный образ в английской литературе XX века: типология – лингвопоэтика – перевод: Автореф. дис. ...докт. филол. наук. Самара, 2010. http://www.ceninauki.ru/info/page_18437.htm

2. Карпова Л.С. Лингвопоэтика повествовательных типов в английских сонетах елизаветинского периода (на материале произведений Э. Спенсера, С. Дэниела, У. Шекспира): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 2009.
3. Липгарт А.А. Лингвопоэтическое сопоставление: теория и метод. М., 1994.
4. Липгарт А.А. Лингвопоэтическое исследование художественного текста: теория и практика (на материале английской литературы 16-20 вв.): Дис. ...докт. филол. наук. М., 1996.
5. Липгарт А.А. Методы лингвопоэтического исследования. М., 1997.
6. Липгарт А.А. Основы лингвопоэтики. М., 2006.
7. Aldington R. Death of a Hero. М., 1985.

Пилатова В.Н.

ПОНЯТИЕ ПСЕВДОДИАЛОГА

«Диалог» в переводе с греческого означает «слово двоих». Диалог – это не простое чередование реплик говорящих, а такое чередование, которое имеет точки соприкосновения в процессе обмена мыслями. С нашей точки зрения, наиболее точно характеризует сущность полноценного словесного общения термин «сомыслие», который означает «обоюдное участие говорящих в создании смыслов».

У человека существует стремление творчески переработать разумом поступающие из внешней среды впечатления. В этом проявляется его духовное начало. Духовное начало есть чисто человеческий атрибут, качество, отличающее человека от всех других живых существ.

Однако нередко мы становимся свидетелями иной формы общения, которую предлагаем назвать псевдодиалогом. Имеется в виду ситуация, когда говорящие произносят по очереди слова, но речь собеседника воспринимают поверхностно, технически. Поступающие из внешней среды впечатления почти не подвергаются переработке разумом. С формальной точки зрения имеет место диалог – обмен репликами. Однако по содержанию такое общение скорее напоминает два монолога, каждый из которых прерывается репликами собеседника. Данная работа посвящена описанию формы общения, которой диалогичность как таковая не свойственна.

Подобная коммуникация приближается к безусловному рефлексу. Тем самым, сохраняя качества, присущие всем живым существам, люди утрачивают чисто человеческий атрибут – духовное начало. Они не пользуются внутренней свободой и, соответственно, не реализуют свой творческий потенциал. В подобных разговорах при наличии интертекстуальности подлинная диалогичность отсутствует.

Когда совместная мыслительная деятельность неуместна или невозможна, псевдиалог становится единственным средством коммуникативной дипломатии, но, увы, только временным. Существует опасность, что конструктивная функция этикетного общения трансформируется в деструктивную. Под этикетом в данном случае понимаются не столько светские манеры, сколько общепринятые правила поведения. Если подлинный диалог потенциально бесконечен, то псевдиалог всегда конечен, поскольку он лишён стимула для развития. В нём есть лишь тленная материальная форма, но нет вечно живой идеи.

Следует сделать оговорку, что не всякое этикетное общение является псевдиалогом, а лишь то, которое препятствует возникновению дискурса. Общение в условиях соблюдения этикета, обогащённое совместной мыслительной и эмоциональной деятельностью, пожалуй, представляет собой лучшую форму подлинного диалога. Соучастие, отношения совместности являются неотъемлемым условием построения полноценной коммуникации.

Определить псевдиалог можно только когнитивным методом, который позволяет проследить наличие либо отсутствие дискурсивной составляющей в исследуемом материале. Отсутствие дискурсивной составляющей означает, что псевдиалог не выходит за пределы матрицы, не затрагивает стоящие за ней коды. В нём есть рефлекс, но нет рефлексии.

Псевдообщение во многом иррационально. Оно нередко разочаровывает, отнимает время. Иногда оно даже перерастает в абсурд, если слишком затягивается. Почему всё-таки люди прибегают к такой форме коммуникации? Тем более что она, судя по всему, является преобладающей.

Очевидно, с одной стороны, своим существованием псевдиалог обязан этическим нормам, которые являются перманентными для людей. Вынужденное общение, отсутствие общих интересов, мировоззренческая полярность – всё это существенные обстоятельства, препятствующие единомыслию. Однако человек не хочет быть невоспитанным, высокомерным, также срабатывает инстинкт самосохранения. С другой стороны, псевдиалог – удобный способ ухода от реальности. Ментальная лень, эмоциональная скупость и несостоятельность, пассивная жизненная позиция – это тоже факторы, обуславливающие формальное общение.

Приходим к заключению, что псевдиалог – это безучастная этикетная форма общения между людьми. Такая форма общения обладает конечным характером и не зависит от образовательного уровня собеседников. Функциональный диапазон псевдиалога зависит от длительности и варьируется от компромисса до деструкции.

ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТА <APPEARANCE> В РОМАНЕ ТОНИ МОРРИСОН “THE BLUEST EYE”

В настоящее время в когнитивной лингвистике исследуют языковые явления с позиций категоризации. Одной из существенных для языкового сознания категорий является категория этничности, которая определяет специфику культуры. Человек осознает сам себя как часть определенного этноса, и в то же время идентифицирует других людей по признаку этничности.

Особенно это наглядно видно на примере афроамериканцев, которые отличаются по антропологическим признакам от других жителей США.

В качестве основной темы, определяющей философско-эстетическую этноцентрическую направленность афроамериканской писательницы Т. Моррисон критики выделяют тему обретения собственной идентификации, национального самоопределения, напряжённый поиск собственной культурной самостоятельности афроамериканцев. В этом контексте важным является анализ в её творчестве концепта <APPEARANCE>/<ВНЕШНОСТЬ>, который является ключевым в категории этничности.

Для героев романа Т. Моррисон “The Bluest Eye” внешность играет определяющую роль, от неё зависит благополучие, положение в обществе, счастье.

По мнению В.М. Богуславского, «национальный образ внешности – это совокупность исторически сложившихся эстетических представлений в рамках данной национальной культуры о привлекательном облике человека» (Богуславский, 1994: 77).

По данным общезыковых толковых словарей лексема *appearance* имеет следующие значения: the way smb/smith looks to the other people; the outward or visible aspect of a person or thing; the state or form in which one appears; external show (The Longman Dictionary of Contemporary English, Merriam-Webster Online Dictionary, Online Collins Dictionary, Cambridge Dictionary Online, Oxford Dictionary (электронный ресурс)). Данные определения позволяют говорить о том, что внешность воспринимается зрительно и характеризуется целостностью.

В.М. Богуславский отмечает, что «в основе акта оценивания лежит сравнение данного объекта оценки с эталоном или стандартом, отталкиваясь от которого мы устанавливаем ценностную значимость данного объекта» (Богуславский, 1994: 37).

В разные исторические периоды существовало много «канонов» у разных этносов, отражающих сложившиеся в обществе социально-культурные представления о красоте. Обязательным условием красоты во все времена были и остаются симметрия, гармония и пропорциональность, создающие законченный и целостный образ (Валюкевич, 2010).

Концепция превосходства белой расы длительное время была официальной политикой в США, и определение расовой принадлежности имело не биологические, а классово-политические основания.

В романе “The Bluest Eye” (1970) находит отражение теория расовой женской красоты, распространённой в 30-40 гг. XX столетия и разлагающее влияние доминантной культуры, пропагандировавшей западный стандарт красоты (образ белой красавицы со светлыми волосами и голубыми глазами), который был представлен в кино, на рекламных щитах и витринах, в книгах, журналах и газетах, на детской посуде, куклах и на обертках конфет, а также западный стандарт красоты был представлен через систему официального образования.

Использование текстовых включений, отрывков из учебника для начинающих читать, является одним из структурных приемов Т. Моррисон, чтобы показать, какую роль играло официальное образование в формировании этносоциальных стереотипов на основе идей социального дарвинизма.

Следует обратить внимание на ещё одну особенность общества США середины XX века, которая также отражена в романе – это иерархическая оценка людей в зависимости от их расовой принадлежности и оттенка кожи: чем она темней, тем более презираемы люди. Кендрик Т. Браун в статье «Значение оттенков кожи для афроамериканцев» дает обзор литературы, посвященной исследованию цвета кожи, и обращает внимание на то, что светлокожие афроамериканцы более успешны, а чернокожие афроамериканцы испытывают социальные и психологические трудности, поэтому хотят изменить свой цвет кожи [Kendrick T. Brown (электронный ресурс)].

Главная героиня романа – чернокожая девочка Пекола Бридлав молит Бога каждую ночь дать ей голубые глаза, которые являются символом англо-саксонской красоты. Все герои романа считают девочку уродливой и презирают из-за ее черного цвета кожи. Но Пекола не мечтает о белой коже, а только о голубых глазах, с которыми она станет милой, красивой, достойной внимания, и тогда её примут члены её семьи и общества. Для Пеколы голубые глаза символизируют красоту и счастье.

В рамках художественного произведения Т. Моррисон использует богатый арсенал средств для характеристики действующих лиц, особенно главных героев. Т. Моррисон уделяет большое внимание физическим характеристикам героев, в частности описывает лицо, черты лица (глаза/eyes, лоб/forehead, нос/nose, губы/lips), волосы /hair и цвет кожи/skin tones. Языковые средства, используемые для описания внешности, выражают авторское видение объекта и дают оценку на основе эмпирического опыта. При

моделировании картины мира в художественном произведении Т. Моррисон использует зоологические и ботанические наименования, цветовую концептуализацию.

Необходимо отметить также авторский компонент в составе когнитивной семантики концепта <APPEARANCE> – голубые глаза на черном лице в описании внешности, а чёрный цвет кожи – этнокультурологический компонент. Западный стандарт красоты включает в себе обладание определённых черт внешности, чистоты, духовной и внешней, определённого образа жизни.

Привлечение культурологического и исторического материала позволяет правильно интерпретировать художественное произведение, то есть понять замысел произведения и получить представление об особенностях менталитета и языковой картины мира афроамериканцев США.

Литература

- 1 Богуславский В.М. Человек в зеркале русской культуры, литературы и языка. М., 1994
- 2 Домашнев А.И., Шишкина И.П., Гончарова Е.А. Интерпретация художественного текста, -М.: Просвещение, 1989.
- 3 Валюкевич Т.В. Лингвистическая интерпретация концепта ВНЕШНОСТЬ в британской картине мира//Вестник ХНУ № 928
- 4 Kendrick T. Brown Consequences of Skin Tone Bias for African Americans Режим доступа: www.research.yaaams.org/images/skintonebias.pdf
- 5 Morrison Toni The Bluest Eye, 1970
- 6 The Longman Dictionary of Contemporary English Режим доступа: <http://www.ldoceonline.com>
- 7 Merriam-Webster Online Dictionary Режим доступа: <http://www.merriam-webster.com>
- 8 Online Collins Dictionary Режим доступа: <http://www.collinslanguage.com>
- 9 Cambridge Dictionary Online Режим доступа: <http://www.dictionary.cambridge.org>

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Денисова Н.В.

КОМПЕТЕНТНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ УСТНОМУ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОМУ ПЕРЕВОДУ

Центральное понятие компетентностного подхода — компетентность — объединяет в себе когнитивную, операциональную и социально-личностные компетенции. При этом компетенция включает совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков) а компетентность — владение человеком соответствующей компетенцией (Хуторской 2002).

Глобализация и постоянное расширение культурных и экономических связей увеличивают потребность в квалифицированных специалистах в области устного последовательного перевода (далее — УПП), владеющих всем спектром переводческих компетенций, обеспечивающих эффективность межкультурной коммуникации.

Целостная концепция переводческой компетенции принадлежит В.Н. Комиссарову; её мы и возьмем за основу. Согласно В.Н. Комиссарову, в процессе создания профессиональной переводческой компетенции формируется языковая личность, отличия которой от неязыковой личности выявляются во всех главных аспектах речевой коммуникации, составляющих следующие компетенции: языковую, текстообразующую, коммуникативную, личностную и профессионально-техническую (Комиссаров 2002).

Рассмотрим содержание этих компетенций и возможности их формирования в процессе обучения УПП.

Преподавание УПП начинается на старших курсах языковых отделений, когда языковая компетенция, включающая все аспекты владения языком, характерные для носителя, уже в значительной степени сформирована. Изучаемый язык становится средством приобретения других необходимых переводческих компетенций.

Помимо языковой составляющей, высказывания коммуникантов содержат информацию, вытекающую из ситуации общения и составляющую фоновые знания коммуникантов. В государственном стандарте лингвистического образования кругозор и тезаурусные знания обозначены как «фоновая компетенция». Формированию фоновой компетенции способствует дидактический материал, который принято называть «фоновым чтением».

Способность человека к интерференции составляет его коммуникативную компетенцию. Она предполагает не просто умение интерпретировать смысл высказываний и текстов, но и «умение проецировать на высказывания в тексте оригинала интерференциальные возможности рецепторов перевода» (Комиссаров 1997: 32). Сюда

относится и эмотивно-эмпатийный компонент коммуникативной компетенции (Карпова 2011), для формирования которого предлагается использовать эмоционально окрашенные речи и интервью дискуссионного характера.

Умение создавать связные тексты различных функциональных стилей составляет текстообразующую компетенцию, формирование которой связано с порождением текста на языке перевода. В процессе УПП используется универсальная переводческая скоропись (далее – ПС) (см. Денисова 2010), которая представляет собой особый вид записи информации, направленный на создание программы порождения текста перевода. Формирование этого навыка обязательно, так как ПС уменьшает нагрузку на оперативную память переводчика и повышает адекватность и качество речевого оформления перевода. Еженедельное письменное выполнение заданий на тематический перевод, направленных на кодирование исходного сообщения объемом 50-150 слов с последующим письменным переводом с записей, повышает эффективность использования ПС, а также улучшает качество переводного текста. Помимо этого, формированию и углублению текстообразующей компетенции способствуют задания на порождение текста в рамках учебной конференции или презентации на заданную тему с последующим устным переводом друг друга. Подобные задания тренируют воспроизведение подготовленного дома текста и спонтанное речепорождение во время обсуждения и вопросов аудитории.

Профессиональная компетенция переводчика включает и некоторые личностные характеристики. Устный перевод предполагает особую психическую организацию переводчика, способность быстро переключать внимание, переходить от одного языка к другому. Навык переключения языков тренируется на занятиях по двустороннему переводу с привлечением носителя языка или компетентного пользователя. Сюда можно отнести и навык работы в команде, когда студенты «подхватывают» перевод или заранее готовятся переводить друг друга.

Техническая компетенция переводчика включает навыки использования ПС и знания о стратегиях перевода, трансформациях. К началу занятий по УПП эти знания уже получены на лекциях по теории перевода, а навык применения трансформаций в значительной степени сформирован на занятиях по художественному переводу. В процессе УПП тренируются и автоматизируются навыки использования этих стратегий. Сюда относится и навык составления глоссариев перед подготовкой конференции на заданную тему. Перевод с листа или с опорой на визуальный источник, с возможностью записей или без опоры на записи, перевод текстов различной длины и различной насыщенности прецизионной информацией и специализированной лексикой, различной степени подготовленности и различных функциональных стилей – все эти типы заданий

призваны развивать профессионально-технические компетенции будущего специалиста в области УПП.

Таким образом, задача лингвистического образования на основе межкультурной парадигмы, нацеленного на подготовку устных переводчиков, состоит в формировании, развитии и углублении профессионально значимых компетенций, которые позволяют эффективно реализовывать переводческие функции и достичь высокого уровня профессиональной компетентности.

Литература

1. Денисова Н.В. Обучение переводческой скорописи на занятиях по устному последовательному переводу. // Англистика XXI века. Материалы V Всероссийской научной конференции. 20-22 января 2010г. СПб, 2010.
2. Карпова Ю.А. Формирование коммуникативных умений эмотивно-эмпатийного взаимодействия будущего устного переводчика. Автореф. дисс. канд. пед. наук. Н.Н., 2011.
3. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. М., 2002.
4. Комиссаров, В.Н. Теоретические основы методики обучения переводу. М., 1997.
5. Хуторской А.В. Ключевые компетенции и образовательные стандарты: Доклад на отделении философии образования и теории педагогики РАО 23 апреля 2002./ <http://www.eidos.ru/journal/2002/0423.htm>

Кабакчи М.К.

К ВОПРОСУ О РОЛИ ГРАММАТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В АВТОПЕРЕВОДЕ

Под грамматической трансформацией мы будем понимать «грамматическую замену, при которой грамматическая единица в оригинале преобразуется в единицу ПЯ с иным грамматическим значением» (Комиссаров 1999: 188). Выделяются два типа грамматических трансформаций: морфологические и синтаксические. В большинстве случаев исходный язык (ИЯ) и язык перевода (ПЯ), в нашем случае это английский и русский языки, значительно различаются по внутренней структуре, и несовпадения в строе двух языков, которые бывают полными либо частичными, неизменно вызывают необходимость в грамматических трансформациях. Полное несовпадение наблюдается в тех случаях, когда в русском языке отсутствует грамматическая форма, которая есть в английском языке. В некоторых случаях грамматическая категория одного языка является более широкой, чем грамматическая категория другого. В случаях частичного совпадения

данная грамматическая категория существует в обоих языках, но совпадает не во всех формах.

Опираясь на исследования Л.С. Бархударова, В.Н. Комиссарова и Т.А. Казаковой, можно предложить следующую классификацию грамматических трансформаций:

- морфологические преобразования: нулевой перевод, функциональная замена, конверсия, стяжение, развертывание;
- синтаксические преобразования: нулевой перевод, функциональная замена, перестановка, расщепление, объединение, распространение, стяжение.

Рассматривая грамматические трансформации как способ сохранения художественно-эстетического своеобразия оригинала при переводе, П.С.Мельник предлагает учитывать три основные причины их появления: нормативные (когда преобразование обусловлено расхождением в грамматическом строе английского и русского языков), художественно-стилистические (когда замена необходима для сохранения адекватности перевода на уровне эмоционально-эстетического восприятия) и индивидуально-переводческие (индивидуально-авторские, если автор и переводчик – одно лицо) (Мельник 2001: 72). Индивидуально-авторские трансформации имеют место, когда преобразования осуществляются по соображениям автора при отсутствии объективной необходимости, что подтверждает бóльшую степень «вольности» при автопереводе, чем при несобственно-авторском и авторизованном.

Исследование автоперевода романа В.Набокова «Лолита» (Nabokov 2003) с точки зрения применения автором грамматических трансформаций, позволило сделать ряд интересных выводов. Исходя из вышеперечисленных причин использования морфологических преобразований, все трансформации в автопереводе романа В. Набокова (Набоков 2004) можно разделить на три группы:

- нормативно обусловлено использование нулевого перевода артикля, функционального перевода определенного артикля, некоторых случаев конверсии, развертывания и стяжения;
- художественно-стилистически обусловлены функциональные замены неопределенного артикля, конверсия и некоторые случаи развертывания;
- индивидуально-авторскими соображениями обусловлена замена причастий личными формами глагола, что, на наш взгляд, не нарушает стилистического равновесия художественного текста, а, следовательно, и художественно-эстетического единства оригинала и перевода.

Поскольку в основе синтаксических трансформаций лежат те же самые причины, их можно разделить на аналогичные группы:

- расхождения в синтаксическом строе английского и русского языков обусловили использование нулевого перевода формального подлежащего, сказуемого в так называемых «бытийных» предложениях, функциональной замены простого предложения сложным при переводе ряда конструкций, не имеющих аналога в русском языке, перестановки;

- художественно-стилистическими и прагматическими соображениями обусловлены нулевой перевод подлежащих, несущих семантическую нагрузку, замена подлежащего дополнением/обстоятельством, замена сложного предложения простым с целью сохранения эмпазы, замена двусоставного предложения односоставным, некоторые случаи перестановок (инверсия), расщепление, объединение, распространение, стяжение;

- индивидуально-авторскими соображениями объясняется замена подчинения сочинением и наоборот, перестановка главного и придаточного предложений.

Произведенные подсчеты показали, что нормативно обусловленные грамматические трансформации составляют примерно 37% от общего числа грамматических трансформаций, а художественно-стилистические и индивидуально-авторские – 49% и 14% соответственно. Таким образом, использование всех категорий трансформаций Набоковым-переводчиком направлено на наиболее точную передачу исходной информации и сохранение художественно-стилистических особенностей оригинального произведения в оптимальных для переводящего языка и культурной традиции формах.

Литература

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод. М., 1992.
2. Казакова Т.А. Практические основы перевода. СПб, 2001.
3. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: Курс лекций. М., 1999.
4. Мельник П.С. К вопросу о грамматических трансформациях при переводе. М., 2001.
5. Набоков В. Лолита. СПб, 2004.
6. Nabokov V. Lolita. М., 2003.

Коваленко Е.В.

ПЕРЕВОДНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК СРЕДСТВО МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Многие исследователи отмечают, что общественная потребность на сегодняшний день выражается в получении перевода, окрашенного национальным своеобразием подлинника: «Получение знаний о культурных реалиях иноязычного текста может являться частью ожиданий читателей ПТ» (Trampus 2002: 51). По мнению Л.Хики,

переводчики не должны стремиться к тому, чтобы переводной художественный текст воспринимался как оригинальный. Только маркируя его в качестве «переведенного текста», переводчик предоставляет читателю ПТ возможность испытать эстетическое удовольствие, аналогичное тому, что испытывал читатель ИТ (Hickey 1998: 22). По утверждению Д. Дамроша, потери, вызванные невозможностью преодолеть лингвокультурный барьер при переводе, не имеют значения, так как художественная литература тем и отличается от кино, что от читателя «требуется» способность «восполнить сцену, некоторые элементы которой отсутствуют на экране». В результате, при хорошо выполненном переводе происходит не утрата естественности ИТ, а, наоборот, «повышение уровня естественного креативного взаимодействия читателя и текста» (Damrosh 2003: 297).

Литература

1. Damrosh D. What is World Literature? (translation/transnation). Princeton University Press, 2003.
2. Hickey L. Perlocutionary Equivalence: Marking, Exegesis and Recontextualisation// The Pragmatics of Translation. Ed. by L.Hickey. Cromwell Press Ltd., 1998. - P. 217 - 233.
3. Trampus R.D.S. Aspects of a theory of norms and some issues in teaching translation// Translational Studies: Perspectives on an Emerging Discipline. Ed. by A.Riccardy. Cambridge University Press, 2002. - P. 38 – 55.

Корчажкина О.М.

ВЛАДИМИР НАБОКОВ – ПЕРЕВОДЧИК ПУШКИНА

Владимир Набоков являет собой уникальный образец писателя, одинаково хорошо владевшего родным, русским, языком и языком своего эмигрантского окружения – английским. Весомость его вклада в мировую литературу подтверждается не только оригинальными работами, но и множеством переводов произведений русской классической литературы на английский язык. Каков же языковой портрет Набокова-переводчика?

Известно, что если талант Набокова-писателя заслужил самые восторженные отклики как коллег-писателей и литературоведов, так и читателей, то Набоков-переводчик воспринимался литературным сообществом крайне неоднозначно. Основанием для этого послужил выход в свет в 1964г. многотомного издания, включавшего перевод романа в стихах Александра Сергеевича Пушкина «Евгений Онегин» (Nabokov. Volume I 1975: 89-309), который сопровождался комментариями, где Набоков выступал не просто переводчиком с русского языка на английский, а «объяснителем» русскоязычной

культуры американскому читателю (Nabokov. Volume II 1975). Сам перевод был отмечен патриархом советской литературы К.И. Чуковским, наряду с другими переводами «Онегина», как «дешевый набор гладких, пустопорожних, затасканных фраз» (Чуковский 2001), а оценка комментариев к роману, составление которых заняло у Набокова, пожалуй, больше времени, чем сам перевод, и которые представляют собой набор текстов очень большого объёма (более 1000 страниц), заключала в себе плохо скрываемое раздражение Чуковского: «Но есть в сверхэрудиции Набокова одна необъяснимая странность. Оказывается, он до того переполнен всевозможными цитатами, сведениями, его так и распирает от совершенно ненужных познаний, что зачастую они переливаются у него через край. И тогда он забывает о «Евгении Онегине» и вводит в свою книгу материал, который ни к Пушкину, ни к «Евгению Онегину» не имеет никакого касательства. Дается комментарий, но о чем – неизвестно» (там же). При этом Чуковский считал сам перевод даже менее удачным, чем комментарии к нему.

Если сейчас количество переводов «Онегина» на английский язык превысило рубеж в два десятка, то к середине шестидесятых годов прошлого века насчитывалось всего семь более или менее удачных попыток уложить творчество Пушкина в поэтические схемы английского языка. Это были переводы, сделанные Генри Сполдингом (1881), Клайвом Филипсом Уолли (1904), Бабетт Дэйч (1936) Оливером Элтоном (1937), Даротеей Пралл Радин и Джорджем Патриком (1937), Юджином М. Кейденом (1964). Поскольку ещё при жизни А.С. Пушкина, в 1832 г., в журнале «Foreign Quaterly Review» появилась статья, где утверждалось, что «на английском языке Пушкин звучит чужеродно...» (цит. по (Орлов 2003)), основная задача, которую ставили перед собой переводчики, – это познакомить читателя с образцом высокой русской поэзии, пытаясь исключить или хотя бы свести к минимуму эту «чужеродность», не осознавая, вероятно, недостижимость поставленной цели.

Владимир Набоков примкнул к когорте переводчиков «Онегина» ещё в тридцатых годах, начав переводить оригинальный текст Пушкина четырёхстопным ямбом по образцу «онегинской строфы», что выглядело вполне естественным и традиционным для поэтического перевода. Но если другим англоязычным переводчикам, выбиравшим подобную стратегию, удавалось доводить свою работу до конца и публиковать её, то Набоков, носитель русского языка, вскоре отказался от своей попытки, посчитав её неудачной и осознав, что никакой стихотворный текст не сможет передать истинную красоту поэзии Пушкина на другом языке. Англоязычные переводчики в силу известных причин не могли в полной мере оценить качество своих переводов по критериям лексико-семантической, стилевой, исторической и социокультурной близости к оригиналу,

поскольку сравнивали свои варианты преимущественно не с оригинальным текстом, а с другими англоязычными переводами «Онегина», сделанными своими предшественниками или современниками, пытаясь превзойти их. Набоков же смотрел на плоды своего труда более объективно: он сравнивал свой перевод с пушкинским текстом и не находил оправдания потерям в передаче уникальности лексического фона и стилистического построения фраз, в отражении исторического и социокультурного контекста «Онегина».

Поэтому Набоков принял компромиссное и очень тяжёлое для себя решение – сохранить ритм, музыку пушкинского стиха, поступившись рифмой и сопроводив ритмизированный перевод комментариями к каждой строфе. Он считал, что рифма диктует необходимость подбора определённой лексики и поэтому может разрушить первоначальный замысел и автора, и переводчика; таким образом, стремление во что бы то ни стало подобрать рифму может «навредить» произведению в целом, социокультурному контексту и художественным особенностям оригинала.

В одной из своих статей 1941г. (Nabokov 1981: 315) Набоков выделяет основные ошибки, подстерегающие переводчика (при этом называя сам перевод *трансмиграцией*), и подчёркивает особую важность тщательной передачи смыслового содержания социокультурных терминов, а в 1955г. пишет своё знаменитое «двустрофное» стихотворение «What is translation?» (Nabokov 1975, Volume I: 9-10), в шуточной манере как бы подводя итог своей многолетней работе над текстом Пушкина. В этом стихотворении Набоков нарекает поэта «неуловимым, непостижимым» (Elusive Pushkin!).

В заключении статьи «Онегин на чужбине» К.И. Чуковский пишет: «Этого еще никогда не бывало, чтобы, взявшись за составление пояснительных примечаний к тому или иному литературному памятнику, какой-нибудь ученый исследователь вдруг начисто забывал о предмете своих толкований и тут же заводил разговор на совершенно посторонние темы. У Набокова это на каждом шагу» (Чуковский 2001). Не заимствовал ли Набоков эту манеру у самого Пушкина, который так часто забывал о героях и сюжете своего произведения, пускаясь в рассуждения о различных аспектах культурной, политической, экономической жизни России того времени, предаваясь личным воспоминаниям и даже сделав главного героя своим другом? Именно эти описания превратили роман в стихах «Евгений Онегин» в «энциклопедию русской жизни» и именно им посвящено больше всего комментариев Набокова.

Действительно, труд Набокова не имеет аналогов в области литературного перевода не только потому, что этот перевод сложного поэтического произведения сделан в форме ритмизированной прозы, а преимущественно в силу того, что Набоков, расписываясь в своей слабости как переводчик стихотворной формы, демонстрирует необыкновенно

высокий профессиональный уровень учёного-литературоведа, разработавшего принципы теории перевода поэтического текста социокультурного характера. Его комментарии могли бы послужить хрестоматией к учебникам по переводоведению и теории перевода не «с языка на язык», а с «культуры на культуру» и могли бы быть востребованы профессиональными переводчиками и литературоведами. Да, никакими другими способами, кроме комментариев, не объяснишь представителю иной культуры, что такое *причудница, повеса, колодник, брань, вериги, промотался, давай, пади* и многое другое, скрытое от рассеянного и часто предвзятого взгляда иностранного читателя на тайники русского языка и русской культуры.

Литература

1. Орлов В. Пушкин – по-английски // Вестник online. 1 (312). 8 янв. 2003.
2. Чуковский К.И. Онегин на чужбине // Собрание сочинений в 15 т. Т. 3. М., 2001.
3. Nabokov V. The Art of Translation // Lectures on Russian Literature. Orlando, 1981. P.315-321.
4. Pushkin A. Eugene Onegin. A Novel in Verse. Translated by Vladimir Nabokov. Volume I. Introduction and Translation. Volume II. Commentary and Index. Princeton, 1975.

Салынская Т.В.

ПЕРЕДАЧА ИСТОРИЧЕСКОГО КОЛОРИТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Переводы, тесно связанные с историей отечественной литературы, дают богатый материал для осмысления сущности переводческого искусства, раскрывают обусловленные эпохой особенности восприятия оригинала переводчиком, определяют уровень переводческого мастерства.

Особого внимания требует перевод текста, отдаленного по времени, который ставит перед переводчиком ряд дополнительных проблем лингвистического характера, потому что многие современные лексические единицы несут на себе отпечаток настоящего этапа развития языка и далеко не всегда совместимы с исторической эпохой создания оригинала. Очень часто возникает вопрос, сохранять ли при переводе историческое и национальное своеобразие жизни и быта той действительности или отражать своеобразие языка, на котором это произведение написано. Кроме того, необходим подробный разбор терминологии источника в сопоставлении с подобными единицами в русском языке.

И все же вопрос о передаче исторического колорита при переводе разрешим. Это обусловлено основной целью перевода: ознакомить современного читателя с литературным памятником, который в момент своего создания (т.е. для читателя своей эпохи) тоже был современным. Данная цель предполагает использование такого языка перевода, с таким отбором словарных и грамматических элементов, которые в известных случаях «позволили бы соблюсти нужную историческую перспективу» (Федоров 1968:359).

Рассмотрение вопроса, связанного с передачей исторического колорита, подводит к другому вопросу, тоже специфическому, для перевода художественной литературы. Это вопрос о возможности передать национальное своеобразие оригинала в той мере, в какой оно связано с языком. Сохранение национального своеобразия подлинника, предполагающее функционально верное воспроизведение целого сочетания элементов, - задача сложная, но разрешимая.

Известно, что существует несколько решений этой проблемы. Во-первых, транскрипция и транслитерация. Это обусловлено тем, что переводчик не находит прямых соответствий из-за отсутствия в обиходе своего народа названных понятий. Во-вторых, объяснение значений экзотизмов при помощи развернутых ситуаций, используя метод описательного перевода. В-третьих, детализация, которая более подробно воссоздает описываемую ситуацию.

Само собой разумеется, что возможность правильно передать обозначение вещей, о которых идет речь в подлиннике, и образов, связанных с ними, предполагает знание действительности, изображенной в переводимом произведении. И это следует принять во внимание при переводе.

Литература

1. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. М., 1968. С.359.

Шадрин В.И.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОГО И ИНФОРМАЦИОННОГО ТЕКСТОВ

Возможность четкого разграничения художественного и нехудожественного (информационного) текстов имеет решающее значение для переводчиков и теоретиков перевода, поскольку она позволяет выявить факторы, влияющие на переводческий процесс. Так, с точки зрения Р. Кольмайера [1], когда переводчик имеет дело с художественным текстом, он не может полностью концентрироваться лишь на языке перевода, как это предполагают функциональные теории, подобные учению SCOPOS,

поскольку переводы художественных текстов призваны оказывать на читателя воздействие, сходное с воздействием оригинальных текстов на их читательскую аудиторию.

Вполне естественно, что современный читатель не может испытывать чувства и переживания читателя оригинального текста в полном объеме. Это положение относится ко всей литературе в целом: сегодня читатель романа Т. Гарди не выронит из рук книгу, испытав ужас от описываемых в ней грубых нарушений сложившихся традиций; вместе с тем, мы представляем себе, что современники автора могли сделать это. Из этого следует, что и переводная и оригинальная художественная литература с точки зрения своего воздействия на умы и чувства не зависит полностью от ожиданий читающей публики. Контексты, которые мы создаем в процессе чтения, суть когнитивные сущности: они не обязаны отражать современную нам ситуацию или наш персональный опыт.

По мере того, как узкий формалистический взгляд на стилистику текста расширился, включив в себя читателя с его прагматическими и когнитивными элементами, вопрос о природе литературы снова приобрел большое значение, но на этот раз с точки зрения читателя, а не писателя. В частности, исследователи формулируют разграничение текстов по принципу истинности (т.е. соответствия окружающему миру) и вымышленности. Но и понятие художественного вымысла не является однозначным. Некоторые авторы подчеркивают нравственную ответственность литературы перед читателем, особенно при описании катастрофических явлений, когда следует избегать излишних эстетических или псевдо-эстетических эффектов.

Художественная литература истинна в той мере, в которой она соответствует «идеалу» правды. Таким образом, читателя литературы нельзя описать как человека, который знает, что то, что он читает, не соответствует истине. Вместе с тем, понятие истины чрезвычайно релевантно, поскольку понимание недостоверности читаемого перемещает акцент читателя с содержания текста на средства его выражения, т.е. на стилистику данного текста. Иными словами, читатель ищет значение в стиле, когда условная правдивость не является основной целью текста ввиду его художественной природы. Чтение литературного произведения отражает намерение писателя заставить читателя прочесть его произведение именно таким, а не иным образом. Это явление определяется в литературоведении как «предвосхищение диалога».

Интуиция подсказывает нам, что, помимо контекста чтения, в тексте содержится нечто, сигнализирующее читателю о необходимости прочтения данного текста как художественного, что в процессе создания текста в голове писателя происходили определенные виды ментальных процессов и возникали мысленные образы, которые

необходимо воссоздать при чтении. Такие подсказки помогают нам читать художественный текст таким образом, что чтение может изменить наши ментальные представления о мире. Способность художественной литературы влиять на менталитет читателя создает предпосылки для эволюции сознания читателей. Следовательно, переводчики должны в процессе своей работы с необходимостью учитывать это обстоятельство.

Несмотря на то, что стиль непосредственно указывает на художественную природу текста, строгое разграничение художественного и информационного текстов имеет большое значение для переводчика. От этого разграничения зависит, например, заключение контракта на перевод, признание выполненного перевода адекватным и даже локализация постдипломных программ по переводоведению в образовательной структуре того или иного университета. В данной статье нас интересует вопрос о том, каким образом и до какой степени обсуждаемые взгляды на природу стилистики могут быть применены к художественным и информационным текстам одновременно.

Один из путей разграничения художественных и информационных текстов может быть описан в функциональном плане. По мнению К. Норд, художественный перевод отличается от информационного своим SKOPOSом, т.е. целью [2]. Иными словами, переводчик может сделать попытку превратить любой оригинальный текст в художественный, подобно читателю оригинального текста, который волен интерпретировать текст по своему усмотрению. С другой стороны, вслед за Э. Гаттом [3], возможно предположить, что художественный перевод в большей степени связан с оригиналом по сравнению с информационным, поскольку он стремится сохранить стиль произведения, а не только его содержание. В этом отношении художественный перевод можно назвать «документальным», так как он наиболее близко отражает исходный текст.

Наконец, возможно рассматривать художественный и информационный перевод как различные типы коммуникации. Так, по мнению А. Пилкингтон [4], если поэтическая коммуникация отличается от непозетической, то и ее перевод должен представлять собой тип коммуникации, отличный от того, который представлен информационным переводом. Принимая во внимание все перечисленные факторы, можно выявить четыре способа прочтения переводного текста:

1. Как художественный текст, явно переводной.
2. Как художественный текст, неявно переводной.
3. Как информационный текст, явно переводной.
4. Как информационный текст, неявно переводной.

Примером текста типа (1) может служить перевод стихотворений датского поэта М.Странджа в исполнении английского переводчика Б. Элсуорта [5], представленный в двуязычном издании с предисловием переводчика и необходимыми сносками. Примером текста типа (2) можно считать любую популярную детскую книжку или Библию, которую не принято считать переводом. Примером текста типа (3), т.е. информационного, явно переводного, следует считать научный (например, философский) текст, цель которого состоит в том, чтобы ясно выразить содержание оригинального текста с помощью сносок и слов оригинального текста, приводимых в скобках. Сюда можно также отнести буквальный перевод объявления, выполненный для нужд рекламной компании с целью изучения воздействия оригинала на клиентов. Тип (4) представлен множеством информационных текстов, для которых, по мнению Э. Гатта, наличие оригинальных версий нерелевантно [6]. Примерами данного типа текстов могут служить брошюры для туристов с описанием достопримечательностей Рима, переведенные на английский язык, или инструкции по использованию ноутбуков, произведенных в Китае. То обстоятельство, что перевод не является явным, не означает, что читатель не поймет, что перед ним переводной текст. Это всего лишь свидетельствует о том, что связь данного текста с оригиналом не имеет значения: текст мог быть написан человеком, для которого английский язык не является родным.

Указанные типы текстов не являются абсолютными. Многие тексты, такие как философские, могут быть включены в любой из четырех типов в зависимости от цели переводчика и требований принимающей культуры. Следует также полагать, что хотя большинство переводов относятся к типу (1) или типу (4), типы (2) и (3) также содержат большое количество переводных текстов.

Прочтение текста как информационного не означает его восприятия как простой констатации фактов, а восприятие текста как неявно переводного (т.е. не в качестве перевода) не означает, что мировоззрение автора оригинала не имеет значения. Вместе с тем, с другой стороны, прочтение текста как художественного и явно переводного не означает, что его стиль полностью отражает взгляды и идеологию автора и переводчика.

Процесс стилистического анализа предполагает выяснение природы эффекта, производимого текстом на читателя, а также отвечает на вопрос, почему текст понимается так, а не иначе. Это достигается путем раскрытия взглядов и образа мыслей автора в результате такого анализа. Данное утверждение справедливо в равной степени для литературных и информационных текстов в процессе их перевода. Для переводчика, вооруженного познаниями в стилистике, проще передать стилистическое воздействие произведения на читателя, а также образ мыслей и взгляды автора оригинального текста.

Изучение стиля автора для определения его образа мыслей особенно важно для таких типов информационных текстов, как новости, где легко ошибочно интерпретировать как факт явление, которое является всего лишь мнением автора. Даже в научном тексте возможны элементы, отражающие индивидуальность автора, такие как особенности его стиля, видения мира и свойств его личности.

Существует очевидное различие в том, как переводчики начинают работу над текстом в зависимости от того, является ли текст литературным или информационным. Обычно нам предоставляется довольно много информации о тексте до начала его перевода: например, нам сообщают, что это роман, автобиография или нечто подобное ей. Обсуждения переведенных произведений, как правило, также позволяют читателю с уверенностью судить о том, что обсуждаемые тексты являются литературными или информационными. Роль стиля в этом разграничении состоит в том, что он определяет текст как стихотворение, отрывок художественной прозы, драматургическое произведение и, следовательно, как явление художественной литературы. Это определение имеет свои последствия для интерпретации текста и способа его перевода. Таким образом, стиль текста является основанием для создания типологии текстов.

Стиль литературного текста предполагает использование таких фигур речи, как, например, метафора, неоднозначность и повторы. Эти фигуры речи могут присутствовать в любом типе текста, но в информационном тексте они появляются значительно реже, их устройство менее сложное и утонченное по сравнению с тропами художественного произведения. Подобные фигуры речи и стилистические приемы взаимодействуют с другими принципами организации формы тех или иных текстов: например, повтор наиболее тесно связан со своим расположением в таком тексте, как стихотворение, которое пишется строками. Перевод стилистических приемов, как правило, требует большего внимания при работе с художественным текстом, чем с информационным.

Одной из главных причин, обязывающих переводчика производить предварительный стилистический анализ текста, особенно текста художественного произведения, является обеспечение читателю условий, позволяющих сопереживать героям произведения, испытывать эмоциональные состояния, мыслительные процессы, имеющие место и протекающие в ходе повествования; при этом следует иметь в виду, что все эти эмоциональные и интеллектуальные процессы будут носить среди читателей строго индивидуальный характер.

Литература

- [1] Kohlmayer R. Der Literaturübersetzer zwischen Original und Markt // *Lebende Sprachen* 33(4). 1988. P.145-156.
- [2] Nord C. *Translating as a Purposeful Activity: Functionalist Approaches Explained*, Manchester, 1997.
- [3] Gutt E.-A. *Translation and Relevance*. 2nd edition. Manchester, 2000. P. 130.
- [4] Pilkington A. *Poetic Effects: A Relevance Theory Perspective*. Amsterdam, Philadelphia, 2000. P.10.
- [5] Elsworth B. *Michael Strunge: A Virgin From a Chilly Decade*. Todmorden, 2000.
- [6] Gutt E.-A. Op. cit., p.57.

Шимберг С.С.

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

Среди множества проблем, вызванных межкультурными лингвокогнитивными различиями, переводчик иногда сталкивается с теми, что связаны с особенностями гендерной концептуализации. Понятие «гендер» было введено в научный обиход в качестве противопоставления термину «пол», поскольку пол предполагает биологические, врожденные различия между мужчинами и женщинами, мужским и женским, а гендер означает социальные и культурные различия (гендерные роли, стереотипы, гендерное разделение труда и т.д.), которые создаются в социуме. Гендерные различия могут варьироваться от культуры к культуре, от общества к обществу, в течение времени (Осиновская 2008).

Хотя социокультурный пол (гендер) не относится к собственно лингвистическим категориям, «его содержание может быть раскрыто путем анализа структур языка, что объясняет востребованность лингвистической компетенции для изучения культурной репрезентации пола» (Григорян 2001: 5). Языковая категория рода оказывается встроенной в дихотомию *пол – гендер* особым образом. С одной стороны, приписывание рода в языке представляется абсолютно произвольным, с другой стороны, оно довольно часто опирается на реальные (природные) свойства референта. Например, по данным Boroditsky (Boroditsky 2010), названия животных, имеющих некоторые стереотипические женские или мужские качества, обычно имеют совпадающий грамматический род в таких языках, как испанский и немецкий: красивые и грациозные животные, как правило, соотносятся с женским родом, а сильные и агрессивные – с мужским. Более того, принадлежность к лингвистическому роду влияет на наши представления о вещах. Об этом свидетельствует эксперимент Boroditsky, в ходе которого носители испанского и немецкого языков описывали на английском языке *ключ* и *мост*. Слово «ключ» относится

к женскому роду в испанском языке и к мужскому роду в немецком языке. В результате эксперимента обнаружилось, что носители испанского языка склонны были приписывать предмету женские, а носители немецкого языка – мужские качества в соответствии с родом существительного в своем родном языке. Так, немцы описали ключ как *heavy, hard, jagged, metal, serrated and useful*, а испанцы – как *golden, intricate, little, lovely, shiny and tiny*. Мост был описан немцами как *beautiful, elegant, fragile, peaceful, pretty and slender*, а испанцами – как *big, dangerous, long, strong, sturdy and towering* (слово относится в немецком языке к женскому роду, а в испанском языке – к мужскому).

Механическая замена при переводе слова с определенными гендерными характеристиками в одном языке словом с противоположными характеристиками в другом языке может иметь значительные семантические, прагматические и идеологические последствия.

Первый ряд переводческих проблем связан с тем, что та пара языков, с которой работает переводчик, может различаться по способу выражения категории рода, то есть в одном языке представлен грамматический род, выражаемый флексиями (русский язык), а в другом – естественный (английский, где лингвистический род зависит от биологического пола референта и родовая субкатегоризация осуществляется при субституции имени местоимением третьего лица единственного числа). Иногда при переводе с английского языка могут возникнуть сложности в определении пола антецедента. Например, в пьесе Б.Шоу «Назад, к Мафусаилу» есть такая реплика: *One of my secretaries was remarking only this morning how well and young I am looking*. Поскольку ни форма слова *secretary*, ни контекст не дают представления о биологическом поле референта, то переводчику на язык с грамматическим родом приходится самостоятельно решать, мужчина это или женщина. Сравнение пяти переводов этой фразы на разные европейские языки, показывает, что среди переводчиков нет единства: трое определили референта как мужчину, а двое как женщину (Nissen 2002). Переводчики опирались на свои знания о культуре и социальном устройстве страны переводящего языка, кроме этого, на их выбор вполне могли повлиять и стереотипы родной культуры. Социальный опыт подсказывает переводчику, что сегодня *secretary* является, скорее всего, женщиной, в то время как в XIX в. *secretary* всегда был мужчиной. Таким образом, гендерные импликации зависят от социального статуса, а также от временного периода и культуры.

Сложности иного рода подстерегают переводчика в связи с различиями в гендерных коннотациях слов в разных языках, что чаще всего встречается в культурно-обусловленных метафорах и при персонификации в художественном творчестве. Так, персонаж «Книги джунглей» Р. Киплинга пантера Багира (Bagheera) в оригинале является

самцом. У Киплинга образ Багиры однозначно маскулинный – это герой-воин, вступающий в противостояние с антигероем (Шер-Ханом). Отношения Багиры и Маугли в оригинале – типичные отношения мужской дружбы, а не материнства/сыновства, в которые они превратились в переводе на русский язык, когда произошла «смена пола» персонажа. На переводчицу Нину Дарузес видимо повлияла грамматическая форма слова «пантера», а на многочисленных русскоязычных поклонников Киплинга – еще и женственный образ, созданный советской мультипликацией. Аналогично, в женском образе русский читатель и зритель привыкли видеть Сову из сказки А.Милна о Винни-Пухе. У Милна Owl – один из мальчишек, живущих в той модели детского мира, которую автор представил в виде Леса. В компании детей, а именно мальчиков, населяющих Лес, у каждого свой узнаваемый тип. Owl – это скучный мальчик-«всезнайка», который на самом деле не разбирается в том, о чем говорит и которого прозвали бы «профессором». Скорее всего, перед читателями тип выпускника английской частной школы, многократно являвшийся мишенью сатириков в XIX-XX веках. Неграмотность, скрытая за «ученым» словарным запасом, высокомерное отношение к окружающим и привычка впадать в ностальгию — такие качества присущи данному типу (Диттрич 2007: 235). То, что Owl является сверстником остальных персонажей, подтверждается тем, что они общаются с ним на равных. В переводе Б.Заходера, вероятно снова под влиянием женского рода русского существительного, появляется «старая учительница» Сова с совершенно иной гендерной ролью, не вполне вписывающейся в изначальную задумку автора.

Таким образом, грамматический род имени оказывает влияние на восприятие действительности и активизирует в сознании фреймы, связанные не только с концептом биологического пола, но и с гендерными представлениями, участвуя, таким образом, в формировании определенных коннотаций. Игнорирование этого факта при переводе может привести к нежелательным последствиям – искажению замысла автора, стиля текста и его прагматического эффекта.

Литература

1. Григорян А.А. О гендерной маркированности имен существительных в современном английском языке // Гендер: язык, культура, коммуникация. М., 2001. С. 35-36.
2. Диттрич Т. Повседневная жизнь викторианской Англии. М., 2007.
3. Осинская О.С. Гендер-род-пол. Разграничение понятий // LiveJournal 2008. Электронный ресурс. Режим доступа: www.lj.rossia.org. Дата обращения: 27.04.2011.
4. Boroditsky L. What Linguistics Can Learn from Psychology and Vice Versa. Электронный ресурс. Режим доступа: www.mpi.nl. Дата обращения: 02.06.2010.
5. Nissen U.K. Aspects of Translating Gender / Linguistik online # 11, 2002.

СОЦИОЛИНГВИСТИКА И ЯЗЫКОВАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ

Магнес Н.О.

ПРОТЕСТНЫЕ АСПЕКТЫ ПУБЛИКАЦИЙ ПО ГЕНДЕРНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ (1970-1980-е гг.)

В рассматриваемый период англоязычная гендерная лингвистика ориентируется на изучение конфликта между женщиной и языковой системой, а также социальными установками, регламентирующими женское речевое поведение. При этом гендерные аспекты функционирования языка нередко характеризуются через апелляцию к дискурсу справедливости (подробнее о данном понятии см. Мартянов 2006), в результате чего в гендерно-лингвистических публикациях могут наблюдаться некоторые характеристики, типичные для протестных текстов.

В восприятии протестного автора общество поляризовано на неравноправные группы – элитную (ЭГ) и ущемленную в правах и возможностях депривированную группу (ДГ). Такой же принцип, по мнению гендерных лингвистов 1970-1980-х гг., определяет и языковое сообщество, причем роль ЭГ в нем отводится мужчинам, а роль ДГ - женщинам. Будучи заинтересованной в сохранении статус-кво и своего доминантного статуса, ЭГ игнорирует интересы и мнения ДГ, а также девальвирует ее языковые практики: (1) *Since interactional work is related to what constitutes being a woman, with what a woman is, the idea that it IS work is obscured (PF,427).* Обесценивание ДГ и любых ее проявлений распространяется и на области науки, связанные с изучением ДГ и улучшением ее положения. В частности, гендерные исследования в 1970-1980-е гг. характеризуются как находящиеся на периферии научного дискурса, ср. (2) *Because of traditional scholarly neglect and trivialization of issues of gender, researchers <...> have often worked at the edges of academic disciplines (ТКН,9);* их развитие сопровождается критикой со стороны консервативной части общества: (3) *Feminist researchers have struggled to move from the shadows of stereotypes and continual criticism of this sort of work and create their own lines of inquiry (ТКН,8).*

Языковые практики ЭГ в отношении ДГ анализируются в терминах нарушения прав или полного уничтожения: (4) *Interruptions are seen as violations of the current speaker's right to be engaged in speaking (CW,398);* (5) *... in the nick of time, women had seen that the language itself could destroy them (MS,166).* ЭГ создает условия, затрудняющие участие ДГ в коммуникации, выдвигая многочисленные и противоречивые требования, соблюдение которых требует от ДГ значительных усилий: (6) *...sometimes women are required to sit and “be a good listener” because they are not otherwise needed. At other times,*

women are required to fill silences and keep conversation moving, to talk a lot. Sometimes they are expected to develop others' topics and at other times they are required to present and develop topics of their own (PF,405). Речевое поведение ЭГ характеризуется как нерациональное и логически непоследовательное: так, в статье о мене коммуникативных ролей в диалогах между пациентами и врачами К.Уэст отмечает, что мужчины-врачи во время приема зачастую перебивают женщин-пациенток, рассматривая сообщаемые ими сведения как малоценные, и своими действиями увеличивают опасность ошибок при постановке диагноза (West 1984).

Одной из основных эмотивных характеристик протестного текста являются указания на гнев и душевную боль, испытываемые автором в условиях депривации. Эти же эмоции наиболее часто упоминаются гендерными лингвистами в связи с исследуемым материалом: (7) *The subtle disparagement of females <...> wrapped up in many English words is painfully illustrated by "tomboy"* (MS,166); (8) *We chant in childhood "Sticks and stones can break my bones, but words can never hurt me", yet we carry our psychological scars long after the bruises and scrapes have healed* (WM,485).

Как и для других форм протестного текста, для исследований по гендерной лингвистики характерна прагматическая установка на компенсацию несправедливости, нередко в форме ценностной реинтерпретации явлений языка и речи. Яркий пример – критика используемых Х.А.Виткином терминов *field independence* (полнезависимость – маскулинная модель обработки визуальных стимулов) и *field dependence* (полезависимость – фемининная модель), которые, по мнению Д.Спендер, отрицательно характеризуют перцептивные особенности женщин (Spender 1980). В качестве альтернативы Спендер вводит термины *context awareness* для женщин и *context blindness* для мужчин, изменяя оценочные акценты при описании гендерной специфики восприятия.

Литература

1. Мартьянов В.С. Трансформация дискурса справедливости в современной России//Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. Екатеринбург, 2006. С.116-122.
2. Spender D. Man made language. London, 1980.
3. West C. When the doctor is a "lady": Power, status and gender in physician – patient encounters//Symbolic Interaction. Vol.7. 1984.

Источники

1. CW – West C. When the Doctor is a "lady": Power, status and gender in physician – patient encounters//Symbolic Interaction. Vol.7. 1984.

2. MS – Miller C., Swift K. One small step for genkind//Exploring language. Ed. by G.Goshgarian. Glenview, 1989. P.162-174.
3. PF – Fishman P. Interaction: The work women do//Social Problem, 1978. P.397-406.
4. TKN – Thorne B., Kramarae Ch., Henley N. Language, gender and society: Opening a second decade of research//Language, gender and society. Ed. by Thorne B., Kramarae Ch., Henley N. Rowley, 1983. P.7-24.
5. WM – Martyna W. Beyond the “he/man” approach: The case for nonsexist language//Signs. Vol. 5, №3. 1980. P.482-493.

Михалева Е.И.

ФОРМИРОВАНИЕ БАЗОВЫХ НАВЫКОВ ВОСПРИЯТИЯ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫХ ВАРИАНТОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА У СТУДЕНТОВ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

В современных условиях нельзя говорить о формировании полноценной личности специалиста без учета развития его языковой компетенции. В соответствии с профильной направленностью выпускник филологического факультета должен быть подготовлен к исследованию системы языка, интерпретированию и анализу языкового материала, к адекватному использованию языковых норм при решении профессиональных задач.

Несмотря на тенденции к диверсификации языка, самобытность отдельных географических регионов сохраняется, и в речи продолжают получать распространение регионально и социально окрашенные языковые явления, не являющиеся нормативами. Таким образом, для достижения адекватного взаимопонимания в связи с вариативностью форм речи в разных диалектах национального языка возникает необходимость лингвистического исследования звучащей речи, выявления и критического анализа конкретных проблем межкультурной коммуникации, влияющих на эффективность межкультурных и межнациональных контактов.

Ориентируясь на программу по специальностям «иностранный язык (английский)», «Лингвистика» (бакалавриат) был создан специальный курс «Произносительные особенности современного английского языка в мире» как один из способов совершенствования навыка восприятия диалектной речи у студентов филологических факультетов как способности к осуществлению межкультурной коммуникации с использованием всех видов речевой деятельности (говорение, письмо, чтение, аудирование).

В системе языковых дисциплин педагогического вуза курс может являться продолжением курса теоретической фонетики английского языка, расширяя знания студентов по вопросу произносительных вариантов английского языка в мире, дополняя

сведения, полученные в ходе изучения смежных теоретических дисциплин, таких как языкознание, иностранные языки как средство межкультурной коммуникации, теория и практика межкультурной коммуникации.

Задачами дисциплины являются:

- рассмотрение теоретико-методологических основ изучения региональной вариативности английского языка в мире с целью повышения своего профессионального уровня;
- ознакомление с теоретическими вопросами английской диалектологии и социолингвистики;
- выявление лингвистических характеристик стандартов и диалектов английского языка в мире;
- раскрытие фонетических особенностей вариантов на теоретическом и современном аутентичном звучащем материале;
- подготовка обучающихся к использованию иностранного языка в качестве инструмента производственной деятельности путем устной коммуникации с иноязычными партнерами;
- подготовка обучающихся к дальнейшему самосовершенствованию в области английского языка.

Для успешной реализации задач курса при составлении пособия автор руководствовался принципами дифференцированного отбора языкового материала; принципа учета знаний и навыков студентов как в родном языке, так и в первом иностранном (английский). Применялись современные технические средства обучения (аудио-, видео- и мультимедийные материалы, Интернет), внедрялись элементы самоконтроля в работу студентов.

Курс включает четыре раздела, каждый из которых посвящен вопросам дифференциации различных типов произношения. Анализируются национальный язык, территориальные и социальные диалекты стран, входящих во внутренний круг, т.е. тех стран, в которых английский язык является национальным.

Лекции являются первоначальным этапом изучения проблемы студентами, знакомят с основными понятиями социолингвистики и диалектологии, раскрывают фонетические особенности вариантов языка. Практические занятия нацелены на развитие навыка восприятия диалектной речи студентов на основе комплекса специальных упражнений и заданий, имеющих фонетическую направленность и совершенствующих уже сформированные фонетические умения студентов.

При разработке заданий учитывался тот факт, что смысловое восприятие является психической функцией и характеризуется уровневой структурой, где восприятие изолированных звуков проходит на самом элементарном уровне распознавания. Таким образом, учебный материал курса организован по принципу «от простого к сложному», т.е. в рамках каждого семинара при работе над анализируемым вариантом языка студенты постепенно переходят от формирования базовых навыков к более свободному использованию навыков и умений.

Дисциплина уделяет приоритетное внимание устным формам коммуникации – говорению и аудированию. Особенностью является также то, что курс полностью опирается на аутентичный звуковой материал, что способствует не только повышению мотивации у изучающих язык, но и приближает студентов к реальной коммуникации. Образовательные, воспитательные и развивающие цели реализуются как через содержание учебного материала, так и технологию обучения (решение коммуникативно-познавательных задач творческого, поискового характера, в разнообразных формах, активизирующих речемыслительную деятельность студентов - дискуссии, презентации и т.д.).

Таким образом, оптимизация обучения современному английскому языку, расширение лингвистического кругозора учащихся, формирование базовых навыков восприятия диалектной речи, осуществление сознательного и адекватного выбора языковых вариантов в процессе реальной коммуникации, дальнейшее самосовершенствование становятся возможными в рамках разработанного спецкурса.

Мячинская Э.И.

КОМПЛЕКСНОСТЬ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК НОСИТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В АНГЛИИ

Настоящая работа является результатом анализа интервью, которые автор проводила, чтобы выяснить отношение носителей английского языка к диалектной вариативности, а также выявить комплексный характер этого отношения. Информантами послужили две социальные группы: 1) студенты-филологи Оксфордского университета, выпускники частных школ, принадлежащие к верхнему слою среднего класса, а также 2) взрослые (50+ лет) состоявшиеся профессионалы с университетским образованием. Изучение оценочности в рамках перцептуальной диалектологии и социолингвистики имеет большое значение как для выявления типа языка в соответствии с языковой ситуацией, так и для знакомства с национальным менталитетом, для выявления тенденций в организации социокультурного пространства данного языкового коллектива. Отношения

проявляются и выявляются различными способами, в том числе в виде стереотипов, эмоциональной реакции на языковые варианты (нравится /не нравится, смешно, противно), ассоциативных связей, прагматической реакции (беру/не беру на работу, доверяю/не доверяю) и пр.

Связь ненормативного произношения (non-standard accents) с территориальными и социальными параметрами носителей общеизвестна (Trudgill 2000:32). Нас в этом аспекте интересует, насколько сохраняются сложившиеся стереотипы и как они преломляются в современной жизни. Так, высказывание информанта «Норфолкский - это акцент фермеров, над ним в семье всегда смеялись» является продолжением классического стереотипа о связи диалекта с сельскохозяйственной работой. Взаимосвязь ненормативного произношения с профессией, работой, внешностью отмечает преподаватель Шеффилдского Университета (47 лет): «В Лондоне на юго-востоке люди говорят так, как будто они из криминального мира (criminals). Язык западного Лондона подразумевает благополучие, работу в финансовой сфере. Если человек с таким акцентом выглядит неряшливым и плохо одетым, то, вероятно, он потерял работу».

Ассоциации с одеждой, машиной, мебелью – это современное развитие стереотипа. Антрополог Кейт Фокс, наблюдая за англичанами, приводит следующую цепочку связи (Fox 2004: 45). Люди, употребляющие слово *settee* для софы в их гостиной, которую они называют *lounge*, застилают пол гостиной ковролином от стены до стены (*fitted carpet*), покупают «гарнитур» (*suite*) из софы, кресел и стульев одной и той же обивки, а в спальне из одной и той же ткани делают покрывало на кровать, подушки и портьеры. В магазине Маркс и Спенсер (среднего уровня, консервативный) из еды они покупают что-нибудь особенное только по праздникам. Это - люди из низшего среднего класса или верхов рабочего класса, стремящихся стать средним классом. С другой стороны люди, которые софу называют *sofa*, а гостиную - *sitting room* или *drawing room*, принадлежат к верхушке среднего класса или аристократии. Мебель старая, получена по наследству; в магазине Маркс и Спенсер эти люди регулярно покупают еду, дорогую и хорошего качества. Эти наблюдения К.Фокс, основанные на лексике, подтверждаются статистическими сведениями о грамматической и фонетической вариативности. Представители верхов среднего класса употребляют двойное отрицание (*I can't eat nothing*) в 2% случаев, а низы среднего класса – в 11%. В Норидже отпадение начального [h] у верхов – 6%, у низов – 14% (у верхов рабочего класса – 40%).

Молодые образованные англичане считают, что основой современного британского общества является меритократия; люди должны занимать положение в обществе по своим заслугам, а не по происхождению. К диалектной речи, а точнее к произношению они

выражают принципиально положительное отношение, в чем явно видны результаты школьного воспитания толерантности. Тем не менее, при более серьезном разговоре обнаруживается реальность и комплексность социальной оценки, что демонстрирует лингвокультурологический характер интеграции социального поведения и языкового выражения в Англии:

«Люди, говорящие на ливерпульском скауз, неприятные, агрессивные, жадные, пьют слишком много пива, девицы ходят в оранжевом. Без работы, на социальном пособии, трое детей, в шестнадцать уже беременна [информант - девушка].

«Акцент Ливерпуля и West Country в целом напоминает о типе людей, которых называют «чавс» (chav): живут в муниципальном жилье, плохо одеты, ходят в спортивных костюмах и кедах, у парней маленькие машины, а дети появляются уже в 16» [информант - юноша].

Как мы видим, происходит детализация стереотипа, определенная его модернизация, расширяется набор оценочных параметров: черты характера, одежда, работа, включаются поведенческие характеристики (потребление алкоголя, появление детей). У представителей рабочего класса также существует комплекс предрассудков-импликаций по отношению к носителю нормативного произношения: «родителям досталось по наследству много денег», «В семье есть деньги», «богатенький, избалованный», «родители отправят в Оксфорд и устроят на хорошую работу», «эксплуататоры», «плохо соображает головой, не умеет выпить – все спиртное пойдет обратно».

Когда мы говорим о комплексе признаков, важно понять, какой признак ведущий, различительный. Представляется, что можно применить критерий устойчивости и изменчивости. Одежда, деньги, манеры – гибкий признак, его можно намеренно, сознательно менять, он не жестко привязан к основным признакам – социальный класс и лингвистическое поведение, – которые труднее всего подвержены изменению.

Литература

1. Fox K. Watching the English. The hidden rules of English behavior. London, 2004.
2. Trudgill P. Sociolinguistics: an introduction to language and society. Harmondsworth, 2000.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЛОВЕСНЫХ ЯРЛЫКОВ В АМЕРИКАНСКОМ МАССМЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

Словесные ярлыки следует рассматривать с позиций когнитивной основы их функционирования – социокультурных стереотипов. Важно показать, как связь стереотипов и ярлыков влияет на использование последних в коммуникативных стратегиях в американском медийном дискурсе: статьях и он-лайн откликах читателей на них. «Словесный ярлык» может пониматься как эвфемистическое/дисфемистическое обозначение предметов и явлений для оправдания собственных действий, маскировки негативной окраски поступков и создания иллюзии их привлекательности или формирования образа врага в общественном сознании (Фрейджер, Фэйдимен 2011:536; Дворкин 2011; Кудрявцева 2010).

Существенна способность ярлыков примитивизировать сложные ситуации, редуцируя их до штампов, связывающая ярлыки со стереотипизацией: стереотипы как социокультурное знание обуславливают их значение. У.Липман одной из функций стереотипов называет именно экономию усилий, а эмоциональная нагруженность ярлыков связана с тенденцией стереотипов использоваться для оценки и вынесения суждения (Lippmann 1961).

Ярлыки в медийном дискурсе, при сохранении базовой функции – выражение негативного отношения к субъекту – расширяют значение, начиная употребляться в контекстах далеких от первоначальных, что связано с их задачей упрощать описываемые ситуации. Генерализация значения способствует успешному ее выполнению, одновременно сдвигая фокус внимания с качеств субъекта (они оказываются размытыми) на эмоциональную оценку.

Пример этого – обозначение «*racist*». Если в словарях отсылка к идее расовой принадлежности неизменна, то в он-лайн дискуссиях много случаев употребления ярлыка «*racist*» не в контексте проблем расовой дискриминации. Интересно, что отвергание ярлыка появляется даже, когда эксплицитно он не использовался ни в статье, ни в предыдущих комментариях. То, где читатель использует эту защитную стратегию, может косвенно указать, в каких контекстах размытие значения «*racist*» наиболее интенсивно; например, комментарии к *Conservatism does not equal racism* (Washington Post, 12.09.2010): *I am wholeheartedly against amnesty and illegal immigration and that does NOT make me a racist!; "The definition of a racist today is anyone who is winning on argument with a liberal.*

Данная статья и комментарии – хороший пример группирования ярлыков и создания целой системы эмоционально нагруженных стереотипов, поддерживающих друг

друга. «*Racist*» связывается с «*conservatives*», отсылая к республиканской партии. «*Liberals*» часто служит отсылкой к демократам.

Анализ 1376 комментариев к трем статьям Washington Post показывает, насколько частотно применение ярлыков к обеим партиям, даже учитывая относительно высокий уровень рефлексии читателей о занимаемой позиции и коммуникативных стратегиях. Текст «плотно упакован» и отсылками к неосознанным стереотипным представлениям, и обсуждением стереотипов как неоднозначного явления. Ярлыки разнообразны, активно обыгрывается внутренняя форма слова, возможности словослияния и графического выделения: *RepubliKLAN*; *libt@rd*; *democraps*; *demwits*. Усиление оценочности происходит за счет цепочек отрицательно коннотированных определений, иногда достаточно длинных (3-4 слова), что нехарактерно для английского языка.

В сравнении ярлыков важны (не)совпадения в приписываемых характеристиках, причем следует учитывать и частотность употребления ярлыка. Периферия - лживость (*liars/lying*) и глупость (*kooks/wackos/morons/stupid/idiotic/addle-pated*) - совпадает для обеих партий, но ядро стереотипа оказывается различным.

Республиканцам приписывается расизм, ксенофобия, христианский религиозный фанатизм и нетолерантность; поддержка интересов больших корпораций; грубость, неотесанность, невежественность. Обвинение в узости взглядов и слепой приверженности идее через ярлык «*bigot*» хотя и встречается в отношении обеих партий, но значительно чаще – для обозначения республиканцев.

Демократы чаще описываются через такие стереотипные характеристики, как слабость, оторванность от реальности, лицемерие, элитизм, надменное отношение к «непросвещенному» большинству, склонность строить из себя жертву, атаковать противника исподтишка, использовать меньшинства в своих целях, декларируя защиту их интересов.

Подводя итоги, отметим, что именно стоящие за ярлыками стереотипы влияют на расширение их значения и выход на первый план эмоционально-оценочного компонента с размыванием денотативного. Дисфемистическое употребление ярлыков может быть вызвано как желанием представить кого-то в негативном свете, так и в качестве защитной реакции отказа от ярлыка по отношению к самому себе. Стереотипы становятся точкой притяжения словесных ярлыков, активно объединяющихся в целые комплексы обозначений, которые, будучи использованными в коммуникации, позволяют достичь более интенсивного эффекта примитивизирования и негативного оценивания оппонента.

Литература

1. Дворкин А.Л. Методы контролирования сознания в общине священника Георгия Кочеткова. URL: <http://clck.ru/Qb3K> (Дата просмотра:15.10.11)
2. Кудрявцева Л.А. Массмедийный политический дискурс Украины: особенности «послемайданного» периода. 2010. URL: <http://clck.ru/Qb3c> (Дата просмотра: 14.10.11)
3. Фрейджер Р., Фэйдимен Д. Теории личности и личностный рост. URL: <http://clck.ru/Qb3l> (Дата просмотра:14.10.11)

Lippmann W. Public Opinion. NY: Macmillan, 1961 URL: <http://clck.ru/Qb3r> (Дата просмотра:14.10.11)

ПРЕПОДАВАНИЕ УНИВЕРСИТЕТСКИХ ДИСЦИПЛИН АНГЛИЙСКОГО ЦИКЛА

Вишаренко С.В.

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ ПО ПОВОДУ РАННЕГО ИСКУССТВЕННОГО БИЛИНГВИЗМА

В последние годы популярным становится раннее (до 5-7 лет) начало обучения иностранным языкам, причем возраст начала обучения варьирует от 3 мес. до 4-5 лет. Если под билингвизмом, вслед за У.Вайнрайхом (Вайнрайх 1972:35) и Л.В. Щербой (Щерба 1974:314), понимать владение двумя языками в степени, достаточной для их использования в процессе коммуникации, то можно сказать, что целью такого обучения является формирование билингвизма. По мнению ряда ученых, чем раньше вводится второй язык, тем более благоприятные условия создаются для его усвоения (Г.Н. Чиршева 1997:90; Агапова 2004:2). Действительно, попытка моделирования двуязычной среды для девочки с момента рождения продемонстрировала, что, в отличие от детей, обучавшихся языку в британском детском саду с 18 мес. (игровые занятия и моделирование ситуации двуязычия в группе; один из воспитателей – британец), девочка стала воспринимать второй язык как полноценное средство коммуникации. Освоение языка было стихийным, принцип «один человек - один язык» не соблюдался. Баланс между русским и английским поддерживался просмотром видео. Интересно, что, несмотря на целенаправленное моделирование ситуации билингвизма в детском саду, знание языка даже к 5-6 годам остается в большей мере пассивным или репродуктивным – дети воспроизводят заученные фразы и песенки (Верещагин 1969:134). Между собой дети общаются по-русски, наблюдается значительная фонетическая интерференция. В конце статьи приводится таблица, в которой сравниваются результаты обучения для воспитанников британского сада (до 5-6 лет) и девочки Ани (на момент написания статьи – 3г. 2 мес.)

Девочка Аня последовательно проходила все стадии доречевого и речевого развития (Лепская Н.И.1997:13). На этапе лепета (с 6 месяцев) предположительно заметны признаки формирующегося двуязычия: ребенок показывает на предметы, называемые по-английски, понимает обращенную к нему речь; в интонациях гуления предположительно прослеживаются интонационные контуры и звуки, характерные для английского языка. На этапе первых слов (12-18 месяцев) ребенок употребляет как русские, так и английские слова, часто выбирая более простое в произношении слово (например, *ball*, а не *мячик*; *car*, а не *машина*; *дай*, а не *give*, *сок* (*сёк*), а не *juice* и т.д), хотя не всегда (*efefant*, *кобаблик*). Иногда отмечаются «смешанные» слова (*эпплоко*). На

этапе первых словосочетаний (18 -24 мес.) ребенок зачастую использует слова разных языков (yellow шарик, такая car, fish акула), причем переход от одной фонетической системы к другой осуществляется с легкостью, без заметной интерференции. Любопытно, что ребенок, воспитанный в обстановке искусственного двуязычия, демонстрирует некоторые особенности произношения, характерные для детей - природных носителей английского ([wæbit]“rabbit”, [feit] “feet”, [sə:cis] (circus)) при том, что детской англоязычной речи практически не слышал. С **двухлетнего возраста** отмечается появление фразовой речи (*летит plane, хоч apple, train сомался* (сломался)). Флексии, вспомогательные глаголы отсутствуют (*мама feet, this <is a> butterfly, daddy sleepin’*). В **2 года 2 мес.** появились признаки того, что ребенок начал «разделять» языки. С мамой преобладает английская речь, с няней – русская, ребенок пытается переводить няне. В **2 г. 3 мес.** появляются флексии, наблюдается интерференция (*много-ного верблюдз, давай строить tow’y*); это явление сохраняется до возраста 2г.9 мес (*Аня jump’ает, давай eat egg’a, как girl зовут, давай жалеем legg’a, two комнатс, много вареньяз, five деньгз, two трусyz, one труса*). С **2 лет 9 мес.** постепенно исчезают высказывания, содержащие русские и английские слова или конструкции одновременно, появляются вспомогательные глаголы (*train is coming, car’s gone*). Вспомогательные глаголы в вопросах, артикли заменяются своего рода универсальными структурными заместителями [нэ-нэ-нэ]: *What colour is < нэ-нэ-нэ > roof [wuff]? Where < нэ-нэ-нэ > joey live?* В **3 г. 1 мес.** отмечено сознательное употребление артикля. Ребенок говорит: “*It’s a snow*” и тут же поправляется: “*It’s snow*”. Иногда наблюдается ошибочное употребление артикля (*it’s a ambulance, it’s a fast*). В **3 г. 2 мес.** правильно строит вопрос (*Is daddy sleepin’?*), пытается употреблять сравнительные конструкции, структурные заместители сохраняются (< нэ-нэ-нэ > *very faster, Anya is bigger*).

	<i>Детский сад</i>	<i>Аня</i>
<i>Возраст начала изучения второго языка</i>	18 мес.	С рождения
<i>Способ усвоения языков</i>	Естественный + искусственный	Естественный в искусственно моделируемой среде
<i>Механизм формирования билингвизма</i>	Целенаправленный	Стихийный
<i>Фонетическая интерференция</i>	(+)	(-)
<i>Словарный запас для Я2</i>	Ограниченный	почти равен таковому для Я1

<i>Тип билингвизма</i>	Репродуктивный	Продуктивный
------------------------	----------------	--------------

Литература

1. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. 1972. Вып. 6. С. 25-60.
2. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Ленинград, 1974.
3. Чиршева Г.Н. Билингвизм и возраст // XII Межвузовская военно-научная конференция: Тезисы докладов и сообщений. Череповец, 1997. С. 90-91.
4. Агапова Т. Билингвизм: чудо или реальность? // Иностранные языки PLUS. 2004. №11. (электронный ресурс).
5. Верещагин Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма) М., 1969
6. Лепская Н.И. Язык ребенка (онтогенез речевой коммуникации). М., 1997

Овечкина Ю.Р.

СТРУКТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ ИНТЕГРАТИВНОЙ МОДЕЛИ ОЦЕНИВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ИНОЯЗЫЧНОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ СТУДЕНТОВ ЯЗЫКОВОГО ВУЗА

Применение интегративной модели оценивания коммуникативной компетенции в иноязычной письменной речи (далее КК в ИЯПР) студентов языкового вуза определяется целью обучения ИЯ в рамках компетентностного подхода. Речь идет о развитии не только знаний, умений, навыков, но и творческого потенциала, личностных качеств обучаемых, т.е. формирование компетенций. Данное положение может быть реализовано за счет интегративного подхода в оценивании, поскольку за счет него обеспечивается интеграция принципов компетентностного подхода в процессе оценивания (Овечкина 2010: 355).

Опишем структуру предлагаемой модели через блоки модели в качестве интегративного образования. Наша модель состоит из целевого, мотивационно-ценностного, когнитивного, личностно-деятельностного, содержательного, организационного, оценочно-результативного блоков.

Целевой блок выражен в формулировке: достижение положительной динамики в развитии коммуникативной компетенции в иноязычной письменной речи за счет интеграции всех компонентов КК в ИЯПР в процессе письменной деятельности и оценивании ее результатов.

Мы выделяем не просто мотивационный, а мотивационно-ценностный блок. Поясним, что в процессе подготовки обучаемых к осуществлению иноязычной письменной коммуникации и привлечению их к оцениванию результатов этой

собственной деятельности, происходит формирование мотивов на основе ценностного отношения, что отражается в поведении и деятельности студентов.

Когнитивный блок включает в себя как общие, так и специфические составляющие предлагаемой модели. К первым относятся фундаментальные общеобразовательные, общепрофессиональные и профессиональные знания, к последним – знания о письменной речи как вида речевой деятельности:

Личностно-деятельностный блок включает общие составляющие, связанные с профессиональной деятельностью будущего учителя ИЯ, специфические – текстовая деятельность, обнаруживающаяся в интерпретации и порождении вторичных текстов как форм письменной коммуникации.

Содержательный блок определяется объектом оценивания КК в ИЯПР, носящей интегративный характер, что позволяет включать:

- компоненты КК в ИЯПР – лингвистический, социолингвистический, социокультурный, социальный (Овечкина 2011:339);
- типы и виды иноязычной продуктивной письменной речи, которыми должны владеть студенты для определения уровня сформированности КК в ИЯПР (Овечкина 2011:340);
- этапы создания письменных текстов на ИЯ, которыми руководствуются студенты при написании письменного произведения, а преподаватель при оценивании уровня сформированности КК в ИЯПР (Овечкина 2012: 33);
- уровни готовности к созданию письменного произведения на ИЯ (Овечкина 2012: 32, Tribble 1996:89).

Кроме того, данный блок включает предметный компонент, состоящий из сфер общения (коммуникативных ситуаций); языкового и социокультурного материала; аутентичных текстов-образцов.

Рефлексивный блок – основа интеграции всех компонентов предлагаемой модели: целеполагания, проектирования учебного процесса по созданию письменных произведений на ИЯ, осуществления учебно-продуктивных действий для реализации этой цели, контроля и оценивания результатов этой деятельности. Данный блок необходим как для анализа отдельного умения как компонента КК в ИЯПР студента, отдельного учебного занятия по развитию КК в ИЯПР, так и для глубокого стратегического анализа всей своей деятельности по созданию письменного произведения на ИЯ, в частности, развитию КК в ИЯПР, в целом.

Организационный блок ориентирован на создание положительной мотивации учения, потребности и интереса студентов к процессу приобретения качеств, знаний и

умений, необходимых и достаточных для осуществления иноязычной письменной коммуникации и оценивания собственных достижений в этой области. Он включает специфические принципы оценивания и уровни интеграции, на основе которых реализуется предлагаемая модель оценивания, а также технологии, средства (памятки, алгоритмы, ассоциативные карты, тесты, пособия, технические средства, песни на ИЯ, аутентичные тексты-образцы), формы оценивания (индивидуальная работа, групповая работа, работа в микрогруппе, самостоятельная аудиторная работа, самостоятельная, внеаудиторная работа, индивидуальные и групповые консультации), позволяющие осуществить интегративное оценивание.

Оценочно-результативный блок состоит из управленческого компонента (процесс формирования КК в ИЯПР как рефлексивное управление: преподаватель – содержание – формирующее влияние); результативный компонент (определяет эффективность функционирования предлагаемой модели) и контрольно-оценочный (параметры, критерии и показатели должны учитывать специфику иноязычной письменной деятельности студентов языкового вуза, их опыта осуществлений данного вида коммуникации, уровень развития соответствующих компонентов КК в ИЯПР, образуя во взаимодействии целостную интегративную систему определения уровня сформированности КК в ИЯПР студентов языкового вуза. Этот уровень определяется в рамках каждого этапа оценивания, который обусловлен отдельными компонентами КК в ИЯПР – этапами создания письменного текста на ИЯ и уровнями готовности к их созданию. Уровни сформированности КК в ИЯПР можно диагностировать различными видами. К ним относятся: самоконтроль, взаимоконтроль, экспресс-контроль, диагностирующий, входной или итоговый контроль, аутентичные технологии оценивания (метод проектов, портфолио достижений, технология кейс-стади и др.). Таким образом, оценивание интегрирует в себе следующие функции диагностирующую, корректирующую, оценочно-воспитательную, обучающе-развивающую, стимулирующе-мотивационную, корректирующую.

Все указанные выше характеристики, с одной стороны, необходимы для реализации эффективного оценивания с позиции компетентностного подхода, а, с другой стороны, – представляют собой единство, элементы которого находятся во взаимосвязи друг с другом и характеризуются определенным набором компонентов (в виде знаний, умений, навыков и качеств личности). Таким образом, указанные выше характеристики с присущим им набором компонентов должны находиться в интеграции, чтобы способствовать формированию КК в ИЯПР как компонента профессиональной компетентности выпускников языковых вузов.

Литература

1. Овечкина Ю.Р. Оценивание коммуникативной компетенции в иноязычной письменной речи на основе аутентичных технологий // Инновационные технологии в образовательном процессе высшей школы: Материалы VII Международной научной конференции /Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2010. – Ч.2. С. 353 – 359.
2. Овечкина Ю.Р, Применение интегративного подхода в оценивании реальных достижений студентов языкового вуза в иноязычной письменной речи //Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики: Материалы ежегодной международной научной конференции, Екатеринбург, 4–5 февраля 2011 г. [Текст] / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2011. – Ч. II – С. 339 – 344.
3. Овечкина Ю.Р. Структура коммуникативной компетенции в иноязычной письменной речи студентов языкового вуза // Педагогическое образование. – Екатеринбург, 2012. – Вып. 1. – С.32-38.
4. Tribble C. Writing. Oxford University Press, 1996.

Чистякова В.В.

ПРОБЛЕМНЫЕ ЗАДАНИЯ КАК СРЕДСТВО ПРЕОДОЛЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ И КУЛЬТУРНО ОБУСЛОВЛЕННЫХ ТРУДНОСТЕЙ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ УБЕЖДАЮЩЕМУ МОНОЛОГУ (АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК КАК ВТОРОЙ ИНОСТРАННЫЙ).

В профессиональной деятельности довольно часто возникает необходимость прийти к единому решению в спорной ситуации, с той или иной целью повлиять на аудиторию, достаточно важное профессиональное качество для будущего специалиста – способность эффективно осуществлять речевое воздействие на аудиторию.

Однако в аудитории студенты, как правило, не стремятся привести свое выступление в соответствие с коммуникативной целью. В большинстве случаев их задача – продемонстрировать уровень владения определенным языковым материалом и произвести благоприятное впечатление на преподавателя и учебную группу. Тот факт, что все участники общения являются представителями одной и той же культурной группы также затрудняет выбор адекватных для конкретной ситуации средств речевого воздействия, т.к. предполагаемая реакция аудитории может не соответствовать нормам, принятым среди носителей изучаемого языка.

Таким образом, тип предлагаемых студентам заданий определяют лингвистический, психологический и методологический компоненты работы над монологом. **Лингвистический (языковой) компонент** содержит всю совокупность

языковых средств формулирования мысли, необходимых для осуществления высказывания. Применительно к курсу второго иностранного языка, этот пункт предполагает использование возможностей межъязыкового переноса на уровне языковых навыков, т.е. особую роль упражнений сопоставительного и аналитического характера на этапе знакомство с новым материалом, например, исправить ошибки в предложенном образце высказывания на заданную тему (сочинении). Ошибки в тексте могут быть двух типов: языковые ошибки, типичные для речи носителей немецкого языка (прямой или обратный порядок слов, структура предложений с модальными глаголами и т.д.); ошибки, связанные со структурным оформлением высказывания или выбором средств оформления мысли.

В курсе второго иностранного языка в вузе приходится ограничивать набор языковых явлений необходимым доступным для студентов минимумом, предполагающим дальнейшее самостоятельное доучивание. Такая ситуация, с одной стороны, требует формирования прочных автоматизмов на основе предлагаемого к усвоению материала, с другой – формирования способности к самостоятельному обучению (как составляющего элемента методологического компонента). Первая цель достигается за счет сознательного усвоения материала и организации многократного повторения материала в ходе закрепления. Способность к самостоятельному доучиванию и изучению нового материала формируется с помощью эффективной организации самостоятельной работы студентов, ориентированной на реалии их будущей профессиональной деятельности.

Психологический компонент требует учитывать мотивацию студентов при осуществлении и овладении монологическим высказыванием; риторические умения, которые выражаются в способности использовать рациональные и эмоциональные средства воздействия на партнера; психологические характеристики монологической речи; взаимосвязь монологической речи с другими видами речевой деятельности. Этот компонент представляет для нас особое значение, т.к. обеспечивает функционирование усвоенного студентами языкового материала в условиях реального общения, т.е. с учетом общепринятых и культурно обусловленных норм поведения в ходе общения с аудиторией. Отбирая элементы содержания обучения, мы опираемся на выделенные специалистами конструктивные риторические и компенсаторные стратегии, характерные для устного монологического аргументативного высказывания. Каждая из стратегий (группа стратегий) первоначально демонстрируется и отрабатывается отдельно в контексте ситуации. В итоге за счет формирования навыка на уровне элемента обеспечивается успешность реализации всего монологического высказывания и общения на его основе.

Методологический компонент подразумевает построение обучения на основе проблемных заданий как способа создания мотивации и активизации мыслительной деятельности студентов; использование памяток и опорных схем, помогающих строить монологическое высказывание с применением различных средств воздействия на аудиторию.

Литература

1. Барышников Н.В. Обучение второму иностранному языку в средней школе. М., 2003.
2. Гонтарь Г.И. Использование проблемных задач при обучении немецкому языку как второму иностранному: Методические рекомендации для преподавателей. М., 1987.
3. Стернин И.А. Практическая риторика: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений (текст). М., 2005.

ФОНЕТИКА

Иванова Ю.Е.

ПРОСОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕЛОВЫХ ПУБЛИЧНЫХ ПРЕЗЕНТАЦИЙ

Изучение функционирования просодических компонентов в различных видах дискурса является актуальным направлением исследования в современной фонетике. При этом большое внимание уделяется анализу взаимодействия собеседников в речи, их намерениям, способам воздействия речью на слушателей и возможностям выражения этого в языке. Особого отношения для осмысления в данной области заслуживает просодия, так как благодаря своей полифункциональности она способна выполнять целый ряд задач в речи. Просодия участвует в формировании стилизации текста и его частей, реализации смысловой и логико-композиционной структуры, передает информацию об ораторе, отношении к сообщению, способствует установлению и поддержанию контакта между оратором и аудиторией, обеспечивает эмоциональное воздействие звучащего текста и многое другое (Фрейдина 2005:180). Кроме этого, уместно будет заметить, что значительная часть речевой информации при обмене, около 38% воспринимается через интонации и модуляции голоса и всего лишь 7% передается вербально, то есть словами (Кудинова 2010: 73).

Выбор в качестве объекта исследования публичной презентации не случаен. В последнее время наблюдается нарастание интереса к ораторскому искусству, обучению ораторскому мастерству, увеличению количества исследований в данной сфере. Различные виды презентации получили широкое распространение в деловой практике и нашли применение практически во всех сферах жизни человека. Для анализа мы выбрали презентации Стива Джобса, которые считаются одними из самых успешных в деловом мире. Презентация рассматривается как коммуникативное событие, отличающееся своеобразной структурой, определенным типом дискурса – презентационным, который представляет собой особым образом (семантически и семиотически) организованный поток речи субъекта-индивида, в задачи которого входит осуществление эффективного воздействия на социальный объект (индивид или группы индивидов) с последующим достижением целей такого воздействия (изменения поведения воздействуемых с выгодой для воздействующего) (Олянич 2003:198).

Звучащий текст презентации создается в процессе риторической коммуникации, которая направлена на убеждение присутствующих, одобрение, поддержание ими новой идеи или товара через активное информирование. Для этого чрезвычайно важно, чтобы

информация, представленная оратором, положительно воздействовала на аудиторию, поэтому в дискурсе презентации важную роль играют средства, реализующие воздейственную и фатическую функции. Важно подчеркнуть, что без эффективного взаимодействия со своей аудиторией, осознания того, что слушатели являются равноправными участниками деятельности, достигнуть успеха оратору будет сложно. В качестве важнейшей характеристики современного публичного выступления, следует отметить его ориентированность на слушателей. Эта специфика коммуникации определяет выбор соответствующих дискурсивных стратегий, задача которых состоит в сообщении новой информации, структурировании и последовательности выступления и организации эффективного взаимодействия со слушателями. Для презентации Стива Джобса характерны следующие техники.

В первую очередь он подает информацию таким образом, чтобы она была доступна для понимания и аудитория легко ориентировалась в презентации: Let's START with the IPOD; The SEcond thing we're DOing...; THIRD thing I want to TALK about... .

Кроме этого, для поддержания контакта со слушателями и вовлечения их в разговор оратор использует такие фразы как: You KNOW; Let ME, let me TALK about; Let's LOOK at, а также риторические вопросы: WHY do we NEED..?; HOW do WE SOLVE this?; WHAT we can DO?; WHO wants a STYlus?; Are you GETting it? и другие. В целом эти единицы, реализующие стратегии оратора, направленные на его взаимодействие с аудиторией получают просодическое оформление в речи. Здесь можно отметить значительную громкость, высокое начало шкалы, высокий, либо средний нисходящий ядерные тоны, либо низкий восходящий тон.

Особый коммуникативный статус в выступлении Стива Джобса приобретают функциональные слова SO, WELL, NOW, AND, которые оратор использует для структурирования речи и поддержания контакта. Практически везде в речи они образуют отдельную синтагму, отделяются паузой и оформляются ядерным тоном.

Оратор демонстрирует своим выступлением воодушевление и увлечение, используя выразительные средства, чтобы заставить аудиторию пережить определенные положительные эмоции. Он часто употребляет такие слова как extraordinary, amazing, cool, passionate, wonderful, enthusiastic, awesome и другие.

We've deSIGNed something WONderful. This is the size of IT, it fits BEAUtifully.

We've GOT touch con/TROLS on. |Isn't it AWEsome?||

В речи такие слова получают просодическую маркированность. Чаще всего они выделяются ядерным тоном.

Особый интерес представляют стратегии, направленные на реализацию главной задачи оратора – информирования о новом товаре с оказанием влияния и воздействия на аудиторию, убеждения слушателей в совершенстве своей продукции. Здесь можно отметить, например, контрастивное просодическое оформление высказывания.

To/DAY, | to/DAY Apple is GOing to rein\VENT | the \PHONE. || And HERE it \IS.|||

You /KNOW, | ACtually, here it \IS but we can leave it THERE for \NOW.||

Первые два высказывания, которые содержат важную информацию выделяются на фоне второго по темпу, громкости и тону. Последняя фраза содержит Low Key information, поэтому произносится в быстром темпе, негромко, на низкой шкале.

В данной презентации присутствует и контрастивное использование тона в сопоставлениях. В следующем примере представлен наиболее очевидный случай.

And the \PROblem /IS| that |they are \NOT so /SMART |and they are NOT so easy to \USE||

Средством воздействия на слушателей также выступают паузы. В ходе проведенного экспериментально-фонетического исследования было установлено, что преобладают интонационно-логические паузы и эмфатические. При этом паузы в нашей конкретной презентации влияют на прямое взаимодействие с аудиторией, заставляя ее как бы предугадывать дальнейшие высказывания оратора.

Еще один прием, широко использующийся оратором в речи – пословное акцентирование. Мы отмечаем это в высказываниях, содержащих новую, особенно важную для аудитории информацию. Как правило, акцентирование сочетается с медленным темпом и паузами большей длительности.

Таким образом, в результате использования разнообразных техник интонационного оформления речи, одни элементы в презентации получают большую просодическую маркированность, чем другие. Именно они несут на себе ключевую информацию выступления и придают выразительность и убедительность речи оратора. Кроме этого результатом эффективности и успеха презентации являются действия слушателей после выступления, а именно, невероятное повышение продаж нового товара.

Литература

1. Кудинова Е.С. Взаимодействие невербальных и речевых характеристик в процессе коммуникации // Вестник МГЛУ. 2010. № 1 (580). С. 55- 78.
2. Олянич А.В. Гастрономический дискурс в системе массовой коммуникации (семантико-семиотические характеристики) // Массовая культура на рубеже XX-XI веков: Человек и его дискурс. – М., 2003. – С.167-201.
3. Фрейдина Е.Л. Публичная речь и ее просодия. М., 2005.

ИЗМЕНЕНИЯ УСЛОВИЙ ПРЕПОДАВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В МИРЕ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ФОНЕТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ СОВРЕМЕННОГО УЧИТЕЛЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

За последние три десятилетия современная парадигма образования претерпела некоторые объективные изменения, затронувшие все стороны преподавания английского языка как иностранного в российской высшей школе, и уже была подвергнута философско-методологическому осмыслению (Зимняя 2003; Андреев 2005). Цель данной статьи – проанализировать влияние произошедших трансформаций в образовательной среде на процесс формирования фонетической компетенции современного учителя английского языка на примере опыта работы кафедры фонетики Института Иностранных Языков Московского городского педагогического университета.

На наш взгляд, к объективным факторам, повлиявшим на развитие лингводидактических основ преподавания английского языка в мире можно отнести: антропоцентризм системы обучения, расширение рамок образовательного пространства, глобализация английского языка и утверждение варианта международного английского, углубление процессов дихотомии языковых знаний и речевых умений обучаемых.

Антропоцентризм системы обучения предполагает перенос доминанты образовательной парадигмы с Обучающего на Обучаемого. Студент является центральным субъектом, а все цели, задачи, средства и методы обучения подчинены его конкретным потребностям в овладении иностранным языком. Воспринимая студента в качестве центральной фигуры образовательного процесса, мы можем рассматривать его как совокупность трех интерактивных подсистем: знания, цель и результат.

В данном случае под *системой фонетических знаний* студента мы понимаем формирование у него фонетической и фонологической компетенций, основанных на сочетании произносительных и коммуникативных навыков, позволяющих студенту выстраивать собственную модель англоязычного произношения, приемлемую для дальнейшего профессионального использования в качестве учителя иностранного языка.

Цель фонетической подготовки будущего учителя английского языка представляется нам в том, чтобы обучить студента осмысленно пользоваться фонетическими выразительными средствами как образовательным инструментом.

Результат фонетической подготовки выражается сегодня не столько в сформированности слухо-произносительной базы студента, что само по себе важно и относится к сфере фонетической компетенции, сколько в способности студента использовать сформированные компетенции для достижения профессионального успеха.

Однако было бы несправедливым исключать наличие педагогического фактора, а именно благоприятной образовательной среды, создаваемой современными информационно-коммуникативными средствами, как нового условия для эффективного развития языковой личности Обучаемого в триединстве составляющих его компонентов (знания, цель, результат). Формирование творчески мыслящего учителя иностранного языка в современных условиях невозможно вне широкого контекста социального, образовательного и физического мира, в котором живут и учатся молодые люди.

В течение 15 лет на кафедре фонетики МГПУ велась работа по созданию новой модели фонетической подготовки учителя-специалиста, которая сегодня складывается из трех взаимосвязанных модулей.

Модуль 1 (Формирование фонетической компетенции студентов) предполагает формирование и развитие артикуляционной базы, произносительных навыков и компетенций, связанных с фонологией и методикой английского языка (смыслоразличительные свойства фонем, модальность голосовых регистров тональности и пр.), техникой транскрибирования, а также техниками владения элементами связной речи на английском языке (weak forms, contractions, harmonious linking and assimilation). Особое внимание уделяется формированию просодической составляющей фонетической компетенции студентов в ходе овладения и совершенствования ими использования техник усиления голосовой экспрессивности (вариации регистра звучания, управление темпом речи и его варьированием, осмысленное управление длительной пауз).

Модуль 2 (Формирование коммуникативной компетенции студентов) направлен на формирование и развитие умений студентов выступать участниками процесса общения на английском языке и в большей степени связан с техниками установления социального контакта. Студентам предлагается тренинг в следующих ситуациях: how to read a news snippet to an audience; how to catch the listeners' attention and invite them to follow the reading of a selected news snippet; how to introduce an anecdote/joke to entertain the listener; how to introduce an invited guest/speaker and deliver a short thank-you speech following their address; how to give a talk in the manner of a narration/speculation и.т.д. Критерии оценивания сформированности коммуникативной компетенции студентов в данном модуле основаны на шкале, предложенной в (Canary, Cody 2000), которая включает такие параметры, как "adaptability, conversational involvement, conversational management, empathy, effectiveness, and appropriateness".

Модуль 3 (Совершенствование умений публичного выступления) имеет самую сильную педагогическую направленность и базируется на развитии понимания студентами стратегий мелодического оформления речи в зависимости от широкого

контекста ситуации общения, т.е. формирование его дискурсивной компетенции. Методологической основой выработки критериев оценивания данного вида компетенций послужили работы D.Brazil и B.Bradford, в которых подробно описано контекстуальное значение мелодических тонов (intonation of telling and referring, highlighting, low key and high key tones) (Bradford 1994). Устными речевыми произведениями студентов в ходе работы над этим модулем выступают не только декламация поэтических отрывков, чтение художественной прозы, но и презентации в разных стилистических регистрах. Студентам рекомендуется регулярно просматривать публичные выступления англоязычных ораторов на вебсайтах открытого доступа (ted.com и др.).

Проведенный анализ многолетнего опыта использования вышеназванных модулей в практике фонетической подготовки студентов реально отражает современные тенденции в системе образования и дает возможность детализировать компоненты фонетической компетенции, необходимые учителю иностранного языка XXI века.

Литература

1. Андреев А.Л. Компетентностная парадигма в образовании: опыт философско-методологического анализа//Педагогика. 2005. №4. С.19-27.
2. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результатов образования//Высшее образование сегодня. 2003. №5. С.34-42.
3. Bradford B. Intonation in context. Intonation practice for upper-intermediate and advanced learners of English. Cambridge, 1994.
4. Canary D.J., Cody M.J. Interpersonal communication: a goal-based approach. New York, 2000.

Filonik S.

PALATALISATION OF CONSONANTS PRECEDING FRONT VOWELS IN ENGLISH WORDS BORROWED BY UKRAINIAN (OT ANALYSIS)

English loan words borrowed by Ukrainian seem to demonstrate certain discrepancies in the surface form of the recipient language. For example, in the phonemic adaptation of English loan words entailing a consonant preceding a front vowel, the corresponding Ukrainian consonant is [-back], i.e. palatalized, in some cases and [+back], i.e. velarised, in others: cf. *мyвi* /múvʲi/ *movie* vs. *цyмкoм* /sitkóm/ *sitcom*. According to Optimality Theory, this should be accounted for by different ranking of constraints which govern the consonant – front vowel sequences adaptation. The research question addressed here is: under which circumstances does

the assimilation of English loan words in Ukrainian vocabulary involve palatalisation before front vowels? My goal is to study the functioning of constraints which trigger or, on the contrary, prevent this palatalisation: Pal-*i* (a consonant and a following high vowel must agree in backness) (Rubach 2000: 45; Rubach 2005: 2), Pal-*e* (a consonant and a following mid vowel must agree in backness) (Rubach 2005: 3) and *e*-Depal (a consonant must be hard before /ε/) (Rubach 2005: 9).

Palatalisation is one of the possible effects exerted by the undominated markedness constraint Pal-*i*. Numerous examples from the data under consideration prove that consonant – front high vowel configurations in the input result in palatalisation of the consonant, when the consonant is a labial, a dorsal or a lateral or nasal coronal: *Вікілік* /vɪkʲilʲɪks/ *WikiLeaks*, *нік* /nʲɪk/ *nickname*, *прайм-тайм* /prajm tájmʲi/ locative of *prime time*, etc. As seen from the examples above, consonants preceding [-back] high vowels become [-back] both inside morphemes and across their boundaries.

Close scrutiny of the data does not provide any evidence of consonant palatalisation before the mid front vowel /ε/ in the surface representations. According to Rubach (2005), Pal-*e* is opaque (Rubach 2005: 5), i.e. it is not surface-true and not surface-apparent (Baković 2011: 40). This is caused by the fact that effects of Pal-*e* are obscured by *e*-Depal. The considered data prove that *e*-Depal is ranked high in Ukrainian, which results in the absence of palatalisation of consonants before /ε/: *геймер* /hɛ́jmeɾ/ *gamer*, *меседж* /mésɛdʒ/ *message*, *бодігард* /bódʲiɦardɛ/ vocative singular form of *bodyguard*. As shown in the examples, depalatalisation occurs both inside morphemes and across their boundaries.

As stated above, the results of Pal-*e* are not conspicuous in the surface representation. In order to identify whether Pal-*e* is active in the adaptation of English loan words in Ukrainian, the derivational OT analysis (Bermudez-Otero (in preparation); Kiparsky 2010: 1; Rubach 2005: 12) will be conducted when examining one of the following examples: *елекції* /eléktsʲijɪ/ *elections*, *трансакція* /transáktsʲija/ *transaction*, *реституція* /restitútsʲija/ *restitution*, etc. Only the word segments necessary for our purpose will be analysed.

At level 1, //ʃ + ə// has /tsʲε/ as its optimal output, where the [-back] /tsʲ/ satisfies Pal-*e*. *e*-Depal is bottom-ranked at this level, hence, not having much influence on what the output is. At level 2, where the optimal output from level 1, /tsʲε/, is the input, Pal-*e* and *e*-Depal are ranked differently. With *e*-Depal ranked above Pal-*e*, /tsʲε/ is rejected along with other inputs containing a palatalized consonant before /ε/. The optimal output, however, has a soft affricate /tsʲi/, since the mid front /ε/ has been replaced by the high front /i/. This example proves that Pal-*e* is active in selection of the optimal output representing English borrowings in Ukrainian, even though it is

not obvious on the surface. Palatalisation triggered by Pal-*e* occurs at level 1, but its result is masked at level 2.

Level 1

//f + ə//	*Central Mid Vowel ¹	Pal- <i>e</i>	* Posterior Coronal [- back] ²	<i>e</i> -Depal
a. fə	*!	*		
b. fʲə	*!	*		*
c. fɛ		*!		
d. fʲɛ			*!	*
e. tʃɛ		*!		
f. tʃʲɛ			*!	*
g. tɕɛ		*!		
+h. tsʲɛ				*

Level 2

/tsʲɛ/	<i>e</i> -Depal	Ident [back]	Ident-C	Ident-V	Pal- <i>e</i>	Pal- <i>i</i>
a. tsʲɛ	*!					
b. tɕɛ		*!			*	
c. fʲɛ	*!		*!			
d. fɛ		*!	*		*	
e. tɕi		*!		*		*
+ f. tsʲi				*		

The analysis of palatalisation and depalatalisation processes described above, which aims at contributing to the theory of loan word assimilation, phonology and derivational OT, is still in progress. Some tendencies have been identified in the course of the scrutiny. In sum, constraints Pal-*i* and Pal-*e* trigger palatalisation of consonants in English loan words undergoing the adaptation to Ukrainian when they are ranked high in the competition of output candidates. However, the effect Pal-*e* exerts on a consonant at level 1 is obscured by the highly ranked *e*-Depal at level 2, which makes Pal-*e* opaque.

References

¹ *Central Mid Vowel
do not be a central mid vowel

² *Posterior Coronal [-back]
do not be a [-back] posterior coronal

1. Baković, Eric. 2011. Opacity and ordering. In Goldsmith, John & Alan Yu & Jason Riggle (eds.), *The handbook of phonological theory* (2nd edn.), 40 – 61. Wiley-Blackwell.
2. Bermudez-Otero, Richardo (in preparation). Stratal optimality theory (Oxford Studies in Theoretical Linguistics). Oxford: Oxford University Press.
3. Kiparsky, Paul. 2010. Reduplication in stratal OT.
<http://www.stanford.edu/~kiparsky/Papers/reduplication.pdf> (1 October, 2011.)
4. Rubach, Jerzy. 2000. Backness switch in Russian. *Phonology* 17. 39–64.
5. Rubach, Jerzy. 2005. Mid vowel fronting in Ukrainian. *Phonology* 22. 1–36.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. Абубакарова Бриллиант Магомедовна, к.ф.н., доц., Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет
2. Авдеева Любовь Алексеевна, к.ф.н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет
3. Алилова Джульетта Гаджиевна, к.ф.н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет
4. Алпатова Светлана Денисовна, к.ф.н., Государственный университет управления Москва
5. Ачкасов Андрей Валентинович, д.ф.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет
6. Бабиц Екатерина Вячеславовна, асп., Университет Российской академии образования, Москва
7. Бент Мария Марковна, асс., Челябинский государственный университет
8. Богатикова Юлия Александровна, к.ф.н., Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова
9. Варгина Екатерина Ионовна, д.ф.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет
10. Варшавская Алевтина Ивановна, д.ф.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет
11. Вишаренко Светлана Владимировна, к.ф.н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет
12. Вышенская Юлия Павловна, к.ф.н., РГПУ им. А.И.Герцена, Санкт-Петербург
13. Гудкова Кира Владимировна, к.ф.н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет
14. Денисова Наталья Викторовна, к.ф.н., ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет
15. Дехтярёва Елизавета Владимировна, студ., Гуманитарный институт филиала ФГАОУ ВПО «С(А)ФУ им.М.В. Ломоносова», Северодвинск
16. Дунаевская Татьяна Алексеевна, к.ф.н., Череповецкий государственный университет
17. Евстрахина Ирина Валентиновна, ст.преп., Санкт-Петербургский государственный университет
18. Емельянова Ольга Витальевна, к.ф.н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет
19. Ефименко Татьяна Николаевна, к.ф.н., доц., Институт иностранных языков Московского городского педагогического университета, Москва
20. Жемчужникова Анастасия Кирилловна, студ., Санкт-Петербургский государственный университет
21. Зеленщиков Александр Васильевич, д.ф.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет
22. Иванова Елизавета Юрьевна, студ., Санкт-Петербургский государственный университет
23. Иванова Юлия Евгеньевна, к.ф.н., доц., Институт иностранных языков Московского Городского Педагогического университета
24. Кабакчи Маргарита Константиновна, к.п.н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет
25. Каменева Ольга Владимировна, к.ф.н., ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет
26. Киселева Софья Александровна, асп., асс., Московский педагогический государственный университет

27. Климовская Алиса Яковлевна, к.ф.н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет
28. Коваленко Екатерина Валерьевна, к.ф.н., доц., Мурманский гуманитарный институт
29. Кожокина Ангелина Викторовна, к.ф.н., ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет
30. Козлова Татьяна Олеговна, к.ф.н., доц., Запорожский национальный университет, Украина
31. Кондрашова (Козьмина) Вера Николаевна, к.ф.н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет
32. Корчажкина Ольга Михайловна, к.т.н., учитель английского языка, Центр образования №1678 «Восточное Дегунино», Москва
33. Кравинская Юлия Юрьевна, ст.пр., Таврический национальный университет имени В.И.Вернадского, Симферополь, Украина
34. Кряжевских Наталья Николаевна, асс., асп., Вятский государственный гуманитарный университет, Киров
35. Ленцман Мария Михайловна, асп., Санкт-Петербургский государственный университет
36. Липинская Анастасия Андреевна, к.ф.н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет
37. Магнес Наталья Олеговна, к.ф.н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет
38. Мальцева Наталия Борисовна, к.ф.н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет
39. Масленникова Анна Александровна, д.ф.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет
40. Матвеева Екатерина Николаевна, асп., Санкт-Петербургский государственный университет
41. Меняйло Вера Владимировна, к.ф.н., ст. преп., НИУ «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург
42. Мешкова Елена Михайловна, к.ф.н., доц., Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова
43. Михалева Елена Игоревна, к.ф.н., доц., Московский городской педагогический университет, Москва
44. Мухин Сергей Владимирович, к.ф.н., доц., Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
45. Мячинская Эльвира Ивановна, к.ф.н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет
46. Нидциалковски Мария Александровна, асп., Санкт-Петербургский государственный университет
47. Никулина Елена Александровна, д.ф.н., проф., Московский педагогический государственный университет
48. Обвинцева Татьяна Олеговна, преп., Уральский федеральный университет, Екатеринбург
49. Овечкина Юлия Рафаиловна, асс., асп. Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург
50. Одобеску Анна Витальевна, студ., Санкт-Петербургский государственный университет
51. Олесюк Ольга Владимировна, асп., Гродненский государственный университет им.Я.Купалы, Беларусь

52. Ошева Елена Анатольевна, ст. преп., НПВПО «Прикамский социальный институт», Пермь, асп., Пермский государственный национальный исследовательский университет
53. Панасюк Ирина Владимировна, к.ф.н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет
54. Панова-Яблонишкова Инна Семеновна, к.ф.н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет
55. Петухова Татьяна Ивановна, к.ф.н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет
56. Пилатова Валентина Николаевна, к.ф.н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет
57. Пospelова Александра Георгиевна, к.ф.н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет
58. Приходько Александра Алексеевна, студ., Запорожский национальный университет, Украина
59. Приходько Анна Ильинична, д.ф.н., проф., Запорожский национальный университет, Украина
60. Рамантова Ольга Вячеславовна, асс., маг., Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
61. Рязанова Елена Васильевна, к.ф.н., доц., Саратовский государственный университет им.Н.Г.Чернышевского
62. Салынская Татьяна Владимировна, к.ф.н., доц., Государственный Университет Управления, Москва
63. Салье Татьяна Евгеньевна, к.ф.н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет
64. Семенова Наталья Васильевна, к.ф.н., доц., Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа
65. Сидорченко Лариса Валентиновна, д.ф.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет
66. Смирнова Елизавета Александровна, ст. преп., НИУ «Высшая школа экономики», Пермь
67. Смирнова Юлия Валентиновна, асп., РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург
68. Соколов Иван Антонович, студ., Санкт-Петербургский государственный университет
69. Спиридонова Валентина Александровна, асп., Санкт-Петербургский государственный университет
70. Станишевская Анна Измайловна, инж. лаб. устной речи, РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург
71. Твердохлебова Ирина Петровна, к.п.н., доц., Московский городской педагогический университет
72. Тер-Минасова Дарья Игоревна, к.культ., доц., Московский государственный институт международных отношений МИД РФ
73. Тимофеев Валерий Германович, к.ф.н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет
74. Толочин Игорь Владимирович, д.ф.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет
75. Томберг Ольга Витальевна, к.ф.н., доц., Российский государственный профессионально-педагогический университет, Екатеринбург

76. Тортумашева Елена Александровна, асп., Санкт-Петербургский государственный университет
77. Трощенко Екатерина Владимировна, к.ф.н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет
78. Тулякова Наталья Александровна, к.ф.н., доц., НИУ «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург
79. Филоник Светлана Юрьевна, асп., Университет Калгери, Канада
80. Хлыбова Наталия Александровна, доц., Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь, Украина
81. Хомякова Елизавета Георгиевна, д.ф.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет
82. Хромцова Юлия Викторовна, студ., Гуманитарный институт филиала ФГАОУ ВПО «С(А)ФУ им.М.В. Ломоносова», Северодвинск
83. Чистякова Вера Васильевна, ст. преп., Череповецкий Государственный Университет
84. Шадрин Виктор Иванович, д.ф.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет
85. Шадрина Надежда Амиршоевна, к.ф.н., доц., Санкт-Петербургский государственный университет
86. Шимберг Светлана Станиславовна, к.ф.н., доц., Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург
87. Шишкин Константин Георгиевич, гл. библиограф, Государственная научно-техническая публичная библиотека, Москва
88. Ясницкая Арина Анатольевна, ст. преп., соиск., Первый Московский Государственный Медицинский Университет имени И.М. Сеченова